
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1902

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Русскіе крестьяне Олонецкой губерніи.

(Очеркъ).

Всѣ отзывы лицъ, производившихъ этнографическія наблюденія въ Олонецкой губерніи, какъ, напримѣръ, Рыбникова, Гильфердинга, сводятся къ тому, что Олонецкіе крестьяне—народъ закаленный въ борьбѣ съ суровою природою, энергичный, предпріимчивый, не лишенный сознанія собственнаго достоинства и одаренный поэтическою воспріимчивостью. «Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ», замѣчаетъ Гильфердингъ.

Вдали отъ крѣпостного рабства, которое не коснулось большей части губерніи, народъ чувствовалъ себя сравнительно свободнымъ и въ немъ никогда не терялось стремленіе къ высшимъ идеаламъ. Поэтому-то Олонецкая губернія и является настоящей сокровищницей русскаго народнаго эпоса, исчезнувшаго въ средней полосѣ Россіи.

Страннымъ можетъ показаться, что мѣстность, лежащая такъ близко къ Петербургу, есть главная хранительница обильной эпической старины. Справившись со свѣдѣніями о природѣ и бытовыхъ условіяхъ Олонецкой губерніи, мы убѣдимся, что нелегко было проникнуть сюда цивилизаціи и вообще внѣшнимъ вліяніямъ, измѣняющимъ условія народной жизни. Гильфердингъ говоритъ о природѣ этого края слѣдующее: «Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что здѣсь крестьянинъ обладаетъ большимъ водоемомъ, въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ, но дальше—къ сѣверу и востоку—вы видите только лѣсъ, болота, опять лѣсъ и озера, служащія для сообщенія между деревнями». Есть глухіе уголки, напримѣръ дер. Кулоконда, на сѣверѣ Пудожскаго уѣзда, которая всю зиму отрѣзана отъ сосѣдей, а зима здѣсь составляетъ большую часть года. Только величайшая необходимость, напримѣръ, чья-нибудь болѣзнь, заставляетъ крестьянъ этой деревни ѣхать

за священникомъ и такимъ образомъ прокладывать дорогу въ ближайшее село, верстъ за 30. Неудивительно поэтому, что 15-лѣтній мальчикъ-пастухъ, вызванный судомъ (сессія окружного суда 1896 г.), въ качествѣ свидѣтеля, не могъ объяснить, какой онъ вѣры, и на вопросъ: бывалъ ли когда-нибудь въ церкви? заявилъ, что не помнитъ, когда былъ въ церкви, и никогда не говѣлъ и не пріобщался Св. Таинъ.

На Водлозерѣ деревни, расположенныя на островахъ, осенью и весною тоже вполнѣ отрѣзаны отъ окружающихъ деревень. Понятно, что при такихъ условіяхъ крестьяне должны обходиться тѣми предметами, которыми такъ скудно снабжаетъ ихъ суровая природа. Ни луку, ни капусты, ни огурцовъ крестьяне не имѣютъ. Переработанный овесъ, картофель, моченыя ягоды (брусника, куманика и морошка)—вотъ главная ихъ пища. Народъ остался здѣсь вполнѣ самобытнымъ и сохранилъ вѣрность старинѣ, имѣя во всемъ свой особый отпечатокъ. Всякаго новаго человѣка невольно поразитъ особенность здѣшнихъ деревень: изба, большею частью въ два этажа, стоитъ одна на-юру. Возлѣ не видно никакихъ хозяйственныхъ построекъ, и только гдѣ-нибудь въ сторонѣ стоитъ рига и иногда сѣнной сарай. Исключеніе составляютъ усадьбы богатыхъ крестьянъ, у которыхъ большею частью имѣются чисто помѣщичьи постройки. Въ верхнемъ этажѣ крестьянской избы живутъ хозяева, а въ нижнемъ помѣщается скотъ; подобное устройство домовъ имѣетъ цѣлью сохранять тепло въ жиломъ помѣщеніи. Но, если неприхотлива внѣшняя обстановка крестьянъ, зато сколько роскоши и красоты встрѣчаемъ мы въ костюмѣ женщины! Штофный или шелковый сарафанъ, отдѣланный позументомъ, тонкая бѣлая рубашка съ пышными рукавами, парчевая душегрѣйка, съ густыми сборками назади, масса бусъ на шеѣ и лентъ въ косѣ. Главный интересъ представляетъ головной уборъ Пудожской крестьянки: онъ состоитъ изъ «короны», родъ кокошника, вышитаго жемчугомъ и блестящими камнями; корона завязывается сзади большимъ бантомъ; спереди на самый лобъ надѣвается «поднизь» — плетеная изъ бѣлаго конскаго волоса и унизанная жемчугомъ полоса, шириною въ три вершка, и изогнутая въ видѣ трехъ круглыхъ зубцовъ. Жемчугъ для этого убора берется мѣстный, цѣна котораго колеблется отъ 4-хъ до 8-ми рублей золотникъ. Въ холодное время сверху душегрѣйки надѣвается еще короткая шубка, тоже штофная съ большимъ, въ видѣ пелерины, воротникомъ изъ куньяго или лисьяго мѣха. Этотъ красивый костюмъ передается отъ матери къ дочери и т. д. Надѣвается онъ только въ торжественныхъ случаяхъ: на праздники, на выходъ въ церковь, на ярмарку, на гулянье. Одежда мужчинъ ничѣмъ не отличается отъ одежды крестьянъ средней полосы Россіи. Разницу составляетъ только шапка: зимою она носится изъ оленьяго мѣха, съ наушниками, лѣтомъ замѣ-

няется полотнянымъ головнымъ уборомъ, плотно обхватывающимъ голову и оставляющимъ свободною только небольшую часть лица. Этотъ уборъ, называемый «кукель», надѣвается во время лѣсныхъ и полевыхъ работъ, для защиты отъ укусовъ комаровъ, оводовъ и мелкой мошки, которой здѣсь носятся цѣлыя тучи. Въ обыкновенное время и въ праздники этотъ уборъ замѣняется картузомъ. Въ общемъ типъ крестьянъ Олонецкой губерніи некрасивый: мужчины низкорослы, коренасты, женщины не превосходятъ ихъ въ физическомъ развитіи и по силѣ иногда поспорятъ съ ними, быть можетъ поэтому онѣ исполняютъ всѣ полевыя работы наравнѣ съ мужчинами—пашутъ, боронятъ, рубятъ дрова. Здѣсь боронятъ не такъ, какъ въ средней Россіи, гдѣ работникъ идетъ за бороной; здѣсь работникъ или работница сидитъ на лошади бокомъ и управляетъ ею. Зато охота является спеціальнымъ занятіемъ мужчинъ; для нѣкоторыхъ изъ нихъ она служитъ единственнымъ средствомъ къ жизни. Олонецкіе охотники—всѣ искусные стрѣлки. Стрѣляютъ самодѣльною дробью и пулей, которыя сами отливаютъ изъ свинца. Охотятся не только на птицу, которой здѣсь масса: дикія утки всѣхъ породъ (бываютъ даже бѣлыя), лебеди, гагары, дикіе гуси—по озерамъ, мошники, тетерева, куропатки (бѣлыя), рябчики—по лѣсамъ, кроншнепъ, дупель, бекасъ, гаршнепъ, вальдшнепъ—по лугамъ и болотамъ, но и на звѣря: медвѣдя, лося, оленя; волковъ и лисицъ нѣтъ, но водится еще мелкій пушной звѣрь, какъ напримѣръ: горностай, куница, выдра, норка и бѣлка. Большую услугу оказываетъ охотнику собака особой мѣстной породы, подъ названіемъ «лайка». Это средней величины собака, длинношерстая, съ острой мордой, короткими стоячими ушами; она бываетъ различной масти. Крестьяне очень дорожатъ своими собаками, особенно тѣми, которыя лаютъ и по звѣрю, и по птицѣ, что рѣдко соединяется въ одной собакѣ. На медвѣдя они охотятся съ необыкновенной смѣлостью: бываетъ, что охотникъ съ простымъ ружьемъ и въ сопровожденіи одной только собаки выходитъ на медвѣдя. Впрочемъ, чаще охотятся нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Зимою окружаютъ звѣря въ берлогѣ, а лѣтомъ или подкарауливаютъ его на овсѣ, или приманиваютъ на падаль. Въ обоихъ случаяхъ стрѣляютъ съ приготовленнаго заранѣе «лàбаза». Лàбазъ устраивается въ видѣ высокихъ наръ, аршина на три надъ землею; на колья кладутся доски, сверху настилается сѣно и на него ложатся охотники. Лàбазъ скрывается между деревьевъ.

Въ деревняхъ по озерамъ и рѣкамъ распространенъ рыбный промыселъ: ловятся лосось, палья, сиги, семга и другія рыбы. Рыба эта большею частью отправляется въ Петербургъ; часть ея солится, сушится и составляетъ главное продовольствіе мѣстнаго населенія. Кустарныхъ промысловъ не существуетъ; въ нѣкоторыхъ школахъ (Нигижимевая, Пудожскаго уѣзда) дѣтей обучаютъ токарному и столярному ремесламъ.

Олонецкая молодежь—дѣвушки лѣтомъ заняты въ полѣ, а зимою изготовляютъ пряжу и холсты себѣ въ приданое. Для прядѣнія подруги собираются вмѣстѣ въ чью-нибудь избу и проводятъ время за работой въ пѣсняхъ и разговорахъ. На этихъ собраніяхъ, называемыхъ «бесѣдами», парней на нихъ не бываетъ; дѣвушки собираются днемъ и расходятся рано. Зато по праздникамъ бесѣды носятъ совсѣмъ другой характеръ: являютсяпарни, приносятъ съ собой угощенье и гармонику, и долго за полночь продолжаются пѣсни и пляска. Танцуютъ какой-то особенный танецъ съ такимъ множествомъ разнообразныхъ и мудреныхъ фигуръ, что сразу запомнить его нѣтъ возможности. Говорятъ, молодежь учится ему съ дѣтства. На бесѣдахъ молодымъ людямъ предоставляется полная свобода дѣйствій, и они пользуются ею вполнѣ, но не всегда благонравно. Парень выбираетъ себѣ дѣвушку, съ которой сидитъ цѣлый вечеръ, и отъ него уже зависитъ позволить ей танцовать съ тѣмъ или другимъ или запретить. Нерѣдко изъ-за этого происходятъ сцены, въ которыхъ больше всего достается дѣвушкѣ: на ней обрываютъ платье, бьютъ ее, таскаютъ за косу, а остальные равнодушно смотрятъ и считаютъ это въ порядкѣ вещей. Часто завязываются драки между подпившими «кавалерами» и тогда дѣвицы спасаются кто куда можетъ. Несмотря на безнравственность этихъ «вечорокъ», имъ оказывается поддержка со стороны стариковъ, которые полагаютъ, что безъ этого дѣвушкѣ не выйти замужъ. Дѣйствительно, на «вечоркахъ» нерѣдко рѣшается судьба дѣвушки. Если она понравилась парню, онъ выбираетъ ее въ теченіе нѣсколькихъ вечеровъ подъ рядъ и затѣмъ засылаетъ сватовъ къ родителямъ. По большей части и невѣста, и ея родные знаютъ отъ кого и когда будутъ сваты. Для этого дня заготовляется вино (водка) и овсяный кисель. Когда пріѣзжаютъ сваты, родители прячутъ невѣсту за печку, а сами высказываютъ притворное недоумѣніе и даже неудовольствіе и, поломавшись вдоволь, приступаютъ къ дѣлу. Разговоръ ведется «шепоткомъ», причемъ угощаются водкой. По мѣрѣ того, какъ вино начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, голоса повышаются и обѣ стороны входятъ въ азартъ. Сваты говорятъ, что у нихъ есть купецъ на товаръ, имѣющійся у родителей, что имъ поручено приторговать этотъ товаръ и т. д. Торгъ начинается съ копѣекъ и доходитъ иногда до 50 р., но это рѣдко—обыкновенная цѣна 15—20 р. Когда торгъ конченъ, ударяютъ по рукамъ. Старшій сватъ беретъ полу своего кафтана, подъ которую кладетъ руку отецъ невѣсты, а сватъ сверху ударяетъ рукой; тогда дѣло считается оконченнымъ. Свату подносятъ блюдо, на которое онъ высыпаетъ деньги. Поэтому весь обрядъ сватанья называется «блюдо». Послѣ этого, отецъ разводитъ огонь подъ очагомъ, мать раздуваетъ уголекъ и отъ него отецъ зажигаетъ свѣчу, ставитъ передъ образомъ и всѣ молятся. Потомъ вызываютъ

дочь, она проситъ, чтобы женихъ самъ пріѣхалъ и по формѣ просилъ ее у родителей. Сваты послѣ обильнаго угощенья киселемъ уѣзжаютъ. На другой день невѣста собираетъ къ себѣ всѣхъ родственниковъ, подругъ и знакомыхъ не «заплачку»; пріѣзжаетъ и женихъ со сватами и родными и привозитъ водку и пиво. Всѣ гости размѣщаются по старшинству: родители жениха и невѣсты подъ образами, за ними сидитъ «большушка»—старшая, послѣ матери, женщина въ домѣ, за нею почетные родственники и гости, затѣмъ «крестовушки» и подруги. «Крестовушками» называются ближайшія подруги невѣсты, съ которыми она обмѣнялась крестами. Со дня «заплачки» и до самой свадьбы на долю невѣсты выпадаетъ трудная роль: ей приходится на распѣвъ говорить длиннѣйшіе манологи и дѣлать видъ, что ей очень тяжело разставаться съ дѣвичьей волей. Впрочемъ, дѣвушки съ дѣтства подготовлены къ этой роли: мнѣ случалось встрѣчать 9-ти лѣтнихъ дѣвочекъ, которыя со всѣми жестами умѣли произносить всѣ свадебныя пѣсни и выучились имъ со словъ матери. Если же дѣвушка плохо знаетъ причитанья, то ей помогаетъ пожилая «подголосица». Въ началѣ «заплачки» невѣста сидитъ за печкой на коробейкѣ со своимъ приданымъ, потомъ выходитъ изъ-за печки, молится предъ образомъ и начинаетъ:

Боже, Господи, благослови,
Бѣлой лебеди загуркати,
Красной дѣвушкѣ заплакати и т. д.

Если дѣвушка сирота и выдаютъ ее родственники или воспитатели, то, вмѣсто обращенія къ родителямъ, послѣ словъ: «тамъ слезно ли Богу молятся», слѣдуютъ слова:

Еще всѣ ли есть святители
Во собраньицѣ родителя?
При слезномъ ли богомольицѣ,
При крѣпкомъ ли рукобитьицѣ,
Сама знаю, сама вѣдаю,
Самой можно догадаться,
Нѣту набольша святителя,
Пресвятой да Богородицы.
Еще нѣтъ у красной дѣвушки
Нѣтъ родитель моей матушки!
При слезномъ ли богомольицѣ,
При крѣпкомъ ли рукобитьицѣ,
Еще гдѣ есть у дѣвушки,
Гдѣ кормилецъ—родной батюшка?
Гдѣ родительница матушка,

Тепла права моя пазушка,
Ночная да богомольница,
Денная моя защитница?

Многія дѣвушки до того увлекаются своей ролью, что на заплачкѣ голосятъ до обморока. Кончается заплачка угощеніемъ. со стороны жениха— виномъ, со стороны невѣсты — конфектами, пряниками и домашними лакомствами. На слѣдующее утро невѣста проситъ у отца лошадей, приглашаетъ «крестовушекъ» и съ ними вмѣстѣ объѣзжаетъ всѣхъ родныхъ и крестныхъ родителей. Въ каждомъ домѣ невѣста произноситъ соотвѣтствующее причитанье и, кланяясь въ ноги, приглашаетъ на свадьбу. Дѣвушка сирота заѣзжаетъ на могилы родителей и надъ ними произноситъ длинное причитанье и плачетъ чуть не до обморока. Все время невѣста должна дѣлать видъ, что ей очень тяжело выходить замужъ и поэтому одѣвается въ самыя старыя поношенныя одежды, которыя называются «рибуши». Этотъ обычай предсвадебныхъ визитовъ называется «ѣзда съ доброфтомъ». Каждый кого посѣтитъ невѣста долженъ ей приготовить хоть небольшой подарокъ: поэтому невѣстѣ очень выгодно, если у нея много родныхъ. Подруги невѣсты, въ противоположность ей, одѣты въ свои лучшіе костюмы и должны выказыть самое веселое настроеніе. Все время поются пѣсни, изъ которыхъ самая популярная слѣдующая:

Красота-ли моя красота.
Красота ли моя дѣвичья.
Я возьму ли свою красоту,
Я возьму ли свою дѣвичью
На свои ли ручки бѣлыя,
На свои перстни злаченые.
Отнесу я свою красоту
Не подалече въ чисто поле.
Я кладу ли свою красоту,
Я кладу ли свою дѣвичью
Я на землю, на талую,
На траву я на шелковую.
Отойду я прочь, послушаю,
Что не плачетъ ли красота моя.
Вотъ не тужитъ ли, да дѣвичья.
Вотъ по улицѣ суземьскоей
Мужики шли деревенскіе,
На красу ли разглядѣлися,
На красу ли любовалися,

На красоту дивовалися.
Еще чья-то это красота?
Еще чья-то это дѣвичья.

Въ день вѣнчанія, утромъ, невѣста, просыпаясь, садится на постель, начинаетъ причитать и плакать, а затѣмъ разсказываетъ сонъ, будто бы видѣнный ею. Все это причитанье изложено въ видѣ пѣсни. Затѣмъ, собираются подруги, чтобы вести невѣсту въ баню, гдѣ будетъ происходить обрядъ «отнятія воли». Почему-то существуетъ повѣрье, что воля дѣвушки сосредоточена въ косѣ. Поэтому невѣста всѣми усиліями старается воспрепятствовать расплетанію косы; она перевиваетъ ее многочисленными веревочками, ленточками, втыкаетъ булавки, даже перевиваетъ проволокой. Конечно, ничто не помогаетъ: въ банѣ подруги набрасываются на нее и, исколовши себѣ руки и выдергавъ массу волосъ у невѣсты, все-таки расплетаютъ косу. Тутъ начинаются нескончаемыя жалоба на насиліе и пѣсни про «бажону волюшку». Изъ бани невѣсту приводятъ домой, чтобы одѣть къ вѣнцу. Здѣсь опять строго соблюдается правило не выказывать радости по поводу свадьбы, и невѣста, со слезами, облекается въ «рибуши» и только лицо покрываетъ густой кисейной фатой. Когда нарядъ невѣсты законченъ, родители благословляютъ ее въ переднемъ углу, наставляютъ, какъ угождать мужу и выслушиваютъ ея благодарность и сожалѣніе по случаю разставанія. По пріѣздѣ изъ церкви, родители невѣсты встрѣчаютъ молодыхъ у порога, ведутъ ихъ къ столу и сажаютъ подъ образами Являются гости и по старшинству разсаживаются вокругъ стола. Дѣвушекъ на этомъ вечерѣ не бываетъ. Пируютъ далеко за полночь и только такая свадьба считается удачной, когда половина гостей очутится подъ столомъ отъ опьяненія. Въ ближайшій праздникъ послѣ свадьбы молодые катаются. Тутъ уже оба супруга разодѣты въ свои лучшіе костюмы и возсѣдаютъ на цѣлой грудѣ подушекъ, одѣялъ и ковровъ, чтобы показать какое приданое у невѣсты. По дорогѣ, они низко кланяются всѣмъ встрѣчнымъ. Этимъ катаньемъ заканчиваются свадебныя празднества и начинается для молодухи обыденная жизнь, съ ея мелкими заботами по хозяйству, тяжелыми работами въ полѣ и рабскимъ подчиненіемъ мужу, свекору и свекрови. Для женщины съ ея замужествомъ кончается ея личная жизнь. Единственнымъ удовольствіемъ служитъ гулянье на ярмаркѣ и масляничное катанье, въ которомъ она участвуетъ вмѣстѣ со всей семьей. Остальное время она работаетъ наравнѣ съ мужемъ, и если является самою младшею женщиною въ домѣ, то несетъ на себѣ бремя и всѣхъ домашнихъ черныхъ работъ. Поэтому весьма понятно, что въ пѣсняхъ, гдѣ отражается жизнь народа и его обычаи, проскальзываетъ горькая нотка и слышится жалоба на судьбу замужней женщины.

Въ заключеніе нужно прибавить, что въ Олонецкой губерніи кромѣ «семейныхъ пѣсенъ» сохранился и другой видъ народнаго эпоса—былины, но говорить объ нихъ не буду, такъ какъ труды Рыбникова и Гильфердинга какъ нельзя лучше познакомили съ ними русскую читающую публику. Какъ исполненіе семейныхъ пѣсенъ выпало на долю женщинъ, такъ «сказителями» былинъ являются преимущественно мужчины.

Елисавета Дмитровская.

Розга въ дѣятельности одного волостного суда (1862—1895 гг.).

За періодъ времени съ 1862 по 1895 годъ въ Письменскомъ волостномъ судѣ Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи, рѣшено было 1562 дѣла. Изъ нихъ дѣлъ, окончившихся присужденіемъ какихъ-либо наказаній, было 455, а дѣлъ, по которымъ присуждено тѣлесное наказаніе,—145. Такимъ образомъ, розга фигурировала въ судѣ болѣе, чѣмъ въ 9% всего количества разобранныхъ дѣлъ, а въ ряду другихъ наказаній составляла болѣе 32% общаго числа. Слѣдовательно, чуть не одно изъ трехъ дѣлъ, по которымъ волостной судъ выносилъ наказаніе, кончалось обыкновенно розгами. За указанный промежутокъ времени это постыдное наказаніе было присуждено 177 лицамъ, изъ коихъ только для 9 человѣкъ было отмѣнено или Уѣзднымъ Присутствіемъ, или Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, или земскимъ начальникомъ, или Уѣзднымъ Съѣздомъ, или, наконецъ, было прощено обидимымъ уже послѣ судебнаго рѣшенія. Значитъ, за 34 года свободной крестьянской жизни розга «гуляла» въ этой волости по спинамъ 169-ти взрослыхъ людей. Ея отношеніе къ общему количеству дѣлъ каждаго года и къ количеству дѣлъ, окончившихся присужденіемъ наказанія вообще, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣл. наказаніямъ.	Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣл. наказаніямъ.
1862	7	4	1	1	1868	1	1	1	2
1863	7	3	3	3	1869	2	1	1	1
1864	5	2	1	1	1870	7	4	3	3
1865	7	3	3	3	1871	17	16	12	13
1866	—	—	—	—	1872	10	8	6	6
1867	1	1	1	1	1873	11	8	6	18

Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣл. наказаніямъ.	Годы.	Общее число дѣлъ.	Число дѣлъ съ наказаніями.	Число дѣлъ съ тѣлесными наказаніями.	Число лицъ, присужденныхъ къ тѣл. наказаніямъ.
1874	5	4	4	4	1885	70	24	11	11
1875	3	2	2	1	1886	37	8	5	7
1876	19	9	5	6	1887	71	26	7	7
1877	20	9	4	5	1888	49	15	3	4
1878	59	27	8	11	1889	54	12	5	5
1879	37	22	7	7	1890	68	26	8	10
1880	23	12	6	7	1891	92	22	2	2
1881	36	9	3	4	1892	149	17	1	1
1882	78	13	4	4	1893	95	22	3	4
1883	91	34	10	14	1894	152	34	2	3
1884	64	21	7	7	1895	215	36	1	1

Изъ этой таблицы видно, что тенденція къ присужденію розогъ была въ Письменскомъ волостномъ судѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ время было ближе къ крѣпостному праву, и что она въ особенности замѣтно ослабѣла, начиная только съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, на которые падаетъ также 8 изъ 9-ти вышеуказанныхъ случаевъ неприведенія судебныхъ рѣшеній въ исполненіе. Помимо общаго возвышенія чувства самосознанія и собственнаго достоинства въ крестьянствѣ, немалою причиною этого сокращенія розги является здѣсь отрицательное отношеніе къ ней мѣстнаго земскаго начальника, почему въ послѣдніе годы Письменскій судъ, насколько намъ извѣстно, перестaлъ совсѣмъ присуждать розги, зная, что, все одно, онѣ не получатъ утвержденія свыше. Поэтому, если въ первые годы своего бытія судъ являлся иногда существующимъ какъ будто только для того, чтобы назначать провинившимся крестьянамъ розги,—такъ мало было въ немъ общее количество дѣлъ и такъ велико процентное отношеніе въ нихъ тѣлесныхъ наказаній,—то послѣдніе годы дѣятельности того же суда весьма значительнымъ увеличеніемъ судебныхъ дѣлъ вообще и постепеннымъ доведеніемъ въ нихъ до нуля употребленія розогъ доказываютъ возростающее въ сильной степени правосознаніе населенія, для котораго розга становится уже печальнымъ пережиткомъ прошлаго.

Впрочемъ, у суда, какъ чисто судебнаго учрежденія, не было и ранѣе

особенно сильнаго тяготѣнія къ розгѣ: онъ практиковалъ ее въ значительномъ большинствѣ случаевъ тогда, когда являлся не столько судебною, сколько административно-карательною инстанціею. Поэтому изъ 177 лицъ, присужденныхъ къ тѣлесному наказанію, 80 человѣкъ, т. е. чуть не половина, были осуждены не за какіе-либо единичные проступки, а по представленіямъ различныхъ административныхъ лицъ, главнымъ образомъ волостныхъ старшьнъ и сельскихъ старостъ, по преимуществу за неплатежъ недоимокъ, пьянство и нерадѣніе къ дому. Волостными старшинами было такимъ образомъ наказано розгами 30 человѣкъ, сельскими старостами — 47 и по донесенію становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ о праздношатательствѣ въ торговомъ селѣ Молвитинѣ — 3 человѣка. Къ недоимочности и нерадѣнію о хозяйствѣ въ одномъ изъ этихъ случаевъ прибавлена была, какъ отягчающая вину подробность, грубость старшинѣ со стороны дочери недоимщика, которую онъ отдалъ за недоимку отца въ работницы и которая на это, едвали законное, распоряженіе ея личностью отвѣтила, что она въ работницахъ жить не будетъ. Въ другомъ случаѣ по представленію сельскаго старосты былъ наказанъ 20 ударами розогъ одинъ крестьянинъ не за недоимку и пьянство, а за то, что онъ, какъ подтвердило все общество, имѣлъ обыкновеніе принимать слишкомъ живое участіе въ общественной жизни,—кричалъ и мѣшалъ на сельскихъ сходахъ. Оба эти случая въ особенности сильно отзываютъ административнымъ произволомъ,—можетъ быть, потому, что они были еще на-утрѣ крестьянской свободы: первый 7 іюля 1863 г. а второй 10 октября 1865 года.

Что судъ былъ щедрѣе на тѣлесныя наказанія по административнымъ доношеніямъ, чѣмъ по чисто судебнымъ дѣламъ, видно и изъ того, что высшую мѣру этого наказанія, 20 розогъ, онъ употреблялъ здѣсь чаще, чѣмъ въ дѣлахъ другого рода, и наказалъ ею изъ 80 человѣкъ 37 лицъ, тогда какъ въ дѣлахъ прочихъ примѣнилъ ее къ 40 лицамъ изъ 97 человѣкъ. Судомъ наблюдалось притомъ въ употребленіи означенной мѣры наказанія нѣкоторая градація,—въ зависимости отъ значенія должностного лица, по представленіямъ котораго она назначалась. Такъ, изъ 30 человѣкъ, наказанныхъ розгами по доношенію волостныхъ старшинъ, получили по 20 розогъ 16 человѣкъ,—болѣе половины общаго числа, тогда какъ по представленіямъ сельскихъ старостъ 20-ю розгами наказаны были изъ 47 человѣкъ только 18 лицъ,—число уже значительно меньшее половины. Низшая же мѣра практиковавшагося въ судѣ тѣлеснаго наказанія, 5 розогъ, въ дѣлахъ этого рода совсѣмъ не употреблялась. И изъ остальнаго количества наказанныхъ по административнымъ представленіямъ лицъ 22 человѣка получили по 15 розогъ, 1 человѣкъ—12 розогъ и 20 человѣкъ—по 10 розогъ.

Въ дѣлахъ же, въ собственномъ смыслѣ судебныхъ, розги назначались

больше всего за побои, такъ что за разсматриваемое 34-лѣтіе судебной дѣятельности Письменскаго суда онѣ были присуждены 52-мъ провинившимся въ этомъ отношеніи лицамъ. Изъ нихъ 8 человѣкъ были осуждены за побои женщинамъ. Притомъ только четвертая часть ихъ получила по 20 ударовъ, тогда какъ за побои мужчинамъ высшая мѣра наказанія была употреблена по отношенію къ 17-ти лицамъ изъ 46, т. е. болѣе чѣмъ для трети общаго числа. Послѣднее не значитъ однако, что во мнѣніи суда побои, нанесенные женщинѣ. являются менѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ побои, причиняемые мужчинѣ, такъ какъ обстоятельство это уравновѣшивается тѣмъ, что за остальные проступки перваго раза были присуждены все-таки сравнительно высокія мѣры наказанія: четверымъ было назначено по 15-ти розогъ и одному—12, между тѣмъ какъ за побои, нанесенные мужчинамъ, въ 14-ти случаяхъ было опредѣлено только по 10-ти розогъ. Правда, и за побои женщинѣ было присуждено въ одномъ случаѣ только 5 ударовъ розги, но это потому, что обвиняемый чистосердечно сознался въ своемъ проступкѣ, что и было принято судомъ во вниманіе [1]). Между тѣмъ вышеуказанныя 12 розогъ за оскорбленіе дѣйствіемъ женщины были назначены лицу, нанесшему побои не одной женщинѣ, но и ея мужу [2]); точно также двое, получившіе по 15-ти розогъ, избили не только женщину, но и сына ея [3]). Такимъ образомъ присутствіе, въ качествѣ потерпѣвшаго, мужчины являлось въ этихъ случаяхъ смягчающимъ вину обстоятельствомъ, тогда какъ, повидимому, оно должно бы было усилить наказаніе, потому что самый проступокъ былъ совершенъ здѣсь противъ большаго количества лицъ. Но, очевидно, во мнѣніи суда драка между мужчинами является не такъ преступною для обидчика, какъ побои его женщинѣ, такъ какъ драка эта почти всегда бываетъ до извѣстной степени обоюдною. Если же и за побои, нанесенные мужчиною мужчинѣ, высшая мѣра тѣлеснаго наказанія всетаки примѣнялась судомъ въ довольно значительномъ количествѣ, то это происходило часто потому, что въ такихъ случаяхъ присоединялись къ главному проступку еще другія обстоятельства, которыя, собственно, и усиливали вину. Такъ, напримѣръ, увеличивающими вину обстоятельствами, какъ выразился въ одномъ своемъ рѣшеніи судъ [4]), служили разъ «тѣ орудія, которыми нанесены обвиняемыми побои, а именно колья, которыми совершенно можно было нанести увѣчіе и даже смерть». Въ другой разъ такимъ же увеличивающимъ вину обстоятельствомъ явилось то, что побои нанесены были въ «публичномъ мѣстѣ», на улицѣ [5]); въ третій,—что били двое одного [6]); въ четвертый,—что побои, хотя и легкіе, были засвидѣтельствованы врачемъ [7]),

---

[1]) 23 іюля 1878 г.; [2]) 14 февраля 1871 г. [3]) 13 мая 1871 г. [4]) 1880 г., дѣло № 20. [5]) 1880 г., № 17. [6]) Дѣло 28 августа 1877 г. [7]) 1884 г., № 46.

и дѣло такимъ образомъ уже выходило изъ своего, такъ сказать, семейно-волостного круга, и т. д.

Въ общей сложности, за тѣ и другіе побои розга была назначена въ слѣдующихъ размѣрахъ: по 20 ударовъ—19-ти лицамъ, по 15—17-ти, по 12—1-му, по 10—14-ти и по 5 —одному лицу.

Третьимъ по количеству присужденныхъ къ тѣлесному наказанію лицъ проступкомъ является словесное оскорбленіе, за которое Письменскій судъ присудилъ впродолженіе 34 лѣтъ своей жизни 13 человѣкъ, и между ними даже одну женщину, и даже послѣ 23 апрѣля 1863 года, когда послѣдовалъ Высочайшій указъ объ освобожденіи женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія. Это удивительное рѣшеніе, примѣровъ которому едвали наберется много, было постановлено судомъ 15 августа 1863 года по отношенію къ крестьянкѣ деревни Толстикова, Елисаветѣ Ивановой, которая провинилась тѣмъ, что вмѣстѣ съ мужемъ обругала «гнусными словами» пятерыхъ дѣвицъ той же деревни. Мужа ея дѣвицы на судѣ простили, а ее не пожелали простить, и судъ присудилъ ей, какъ женщинѣ «характера сварливаго», 20 розогъ. Въ книгѣ судебныхъ рѣшеній нѣтъ слѣдовъ, чтобы это постановленіе было отмѣнено, и нужно думать, что оно было приведено въ исполненіе.

На оскорбленіе словами судъ вообще глядѣлъ неожиданно строго и, если уже присуждалъ за это тѣлесное наказаніе, то по большей части въ высшей его мѣрѣ, которая и была назначена имъ для 8-ми лицъ изъ 13-ти. Да и въ остальныхъ 5 случаяхъ этого рода количество опредѣляемыхъ розогъ было не незначительное: для 4-хъ лицъ по 15 ударовъ и для одного—13. Оскорбленіе женской и въ частности дѣвической чести здѣсь ставилось безусловно выше, чѣмъ мужской, и потому всѣ 4 случая подобныхъ оскорбленій были наказаны каждое по 20-ти розогъ. Изъ мужскихъ же оскорбленій этою мѣрою въ 2-хъ случаяхъ была оцѣнена словесная обида старшины, въ одномъ—оскорбленіе цѣловальника, тоже своего рода почтеннаго лица, и въ одномъ—клевета въ воровствѣ. Оскорбленіе волостного судьи и даже цѣлой деревни было наказано легче, чѣмъ обида кабатчика: только по 15 розогъ каждое, оскорбленіе же пономаря даже и того менѣе: лишь 13-ю ударами розги. Ниже этой послѣдней мѣры тѣлесное наказаніе за словесныя оскорбленія не назначалось.

Въ дѣлахъ семейнаго характера тѣлесное наказаніе было присуждено въ 11-ти случаяхъ, изъ которыхъ 8 касаются нарушенія дѣтьми долга почтенія предъ родителями и обязанности доставлять имъ пропитаніе въ старости. Въ четырехъ случаяхъ это непочтеніе было обнаружено по отношенію къ отцамъ и сопровождалось въ двухъ случаяхъ пьянствомъ, въ третьемъ—недачей пропитанія со стороны уже отдѣленнаго сына, и въ четвертомъ—

самовольнымъ отдѣломъ отъ отца. По приговору суда сынъ, жившій въ раздѣлѣ, кромѣ наказанія розгами, обязанъ былъ къ ежегодной выдачѣ на прокормъ отца 15 пудовъ ржаного хлѣба, а на самовольный отдѣлъ отъ отца судъ посмотрѣлъ такъ снисходительно, что не только не призналъ его недѣйствительнымъ, но и наказаніе за проступокъ положилъ сравнительно мягкое: именно 10 ударовъ розгами [1]), тогда какъ три первыхъ проступка были наказаны по 20 ударовъ каждый. Очевидно, семейныя обстоятельства, которыя обыкновенно вызываютъ въ крестьянствѣ незаконные съ формальной точки зрѣнія раздѣлы, были здѣсь приняты судомъ въ качествѣ смягчающаго вину обстоятельства.

Въ двухъ случаяхъ непочтительность къ матери была наказана розгами, и въ обоихъ лишь по 15-ти ударовъ. Только 15-ю розгами былъ наказанъ нѣкій непочтительный сынъ даже не за одно оскорбленіе словами матери, и еще за то, что обрубилъ у ней веревки на саняхъ и ударилъ ея корову такъ сильно, что та выкинула [2]),—слѣдовательно совершилъ въ общей сложности три довольно значительныхъ проступка. На провинности этого рода по отношенію къ отцамъ взглядъ суда былъ такимъ образомъ нѣсколько строже.

Принятые въ домъ зятья, по жалобамъ тестя или тещи на ихъ непорядочную жизнь, были приговорены судомъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ и сыновья по жалобамъ родителей, въ двухъ случаяхъ: одномъ, по жалобѣ тестя, зятю назначено было 20 розогъ; въ другомъ, по жалобѣ тещи на то, что зять, пьянствуя, не кормитъ семейство,—15 розогъ.

Остальныя дѣла семейнаго характера, окончившіяся присужденіемъ розги, любопытны въ особенности потому, что въ нихъ карались этимъ строгимъ наказаніемъ проступки уже не сына, а отца и мужа. Судъ, слѣдовательно, считалъ значительнымъ преступленіемъ не только непочтительность къ отцу, матери и тестю или тещѣ, но также неисполненіе обязанностей отца къ своимъ дѣтямъ и мужа къ женѣ. Поэтому, напримѣръ, 7 октября 1871 года было назначено 15 розогъ крестьянину деревни Галкина, Елисѣю Иванову, за стѣсненіе жены и дѣтей въ пропитаніи, а 20 февраля 1873 года за жестокое обращеніе съ женой, по жалобѣ ея, присуждено было 5 розогъ крестьянину Малаго Куданова, Гаврилу Андрееву. Точно также 19 сентября 1882 года мужа крестьянки деревни Рожнова, Александры Никитиной, заочно приговорили къ 20-ти ударамъ разги за побои ей и расточеніе имущества, такъ что этимъ и вышеуказанными рѣшеніями своими судъ вовсе не являлся выразителемъ мѣстнаго «обычнаго права», по которому мужъ можетъ «учить» свою жену, какъ ему захочется.

[1]) 20 августа 1889. [2]) 30 ноября 1892.

Тѣлесное наказаніе за кражу было присуждено 8-ми лицамъ. На это преступленіе судъ смотрѣлъ вообще не особенно строго, и потому изъ 8 человѣкъ высшей мѣрѣ наказанія подвергся только одинъ, уличенный въ кражѣ двухъ мѣшковъ хлѣба, произведенной имъ при пріемѣ въ запасный магазинъ въ сообществѣ съ 7-ю другими лицами, изъ которыхъ розгами наказаны были еще трое, по 15 ударовъ каждый [1]). Изъ остальныхъ случаевъ присужденія розги за кражу въ одномъ было назначено 15 розогъ и въ трехъ—по 10-ти; причемъ послѣдняя мѣра наказанія послѣдовала: за воровство корзины съ вещами на сумму въ 2 рубля, за кражу четырехъ мѣшковъ хлѣба и за похищеніе волка вмѣстѣ съ капканомъ, въ который тотъ попался.

Присвоеніе чужихъ вещей повело къ присужденію розги для двухъ лицъ, по 10 ударовъ каждому, причемъ въ одномъ случаѣ было, пожалуй, наказано болѣе неискуство въ ремеслѣ, чѣмъ дѣйствительное присвоеніе чужой вещи. Это случилось по жалобѣ крестьянки деревни Бахмурова, Афимьи Алексѣевой, на портного, крестьянина деревни Малаго Куданова, Антропа Иванова, которому первая отдала 2 аршина сукна для шитья мужской чуйки. Антропъ Ивановъ сшилъ чуйку, но остатка отъ сукна не представилъ никакого, а между тѣмъ у крестьянки Авдотьи Степановой отъ такого же количества сукна остатокъ оказался, да и самая чуйка вышла просторнѣе. На судѣ обѣ чуйки были сравнены, и чуйка Афимьи Алексѣевой оказалась дѣйствительно короче и уже, чѣмъ у Авдотьи Степановой. Портной былъ долженъ поэтому уплатить истицѣ 1 рубль и подвергнуться кромѣ того тѣлесному наказанію [2]).

За порубку чужого лѣса было два раза присуждено тѣлесное наказаніе одному и тому же лицу,—въ одномъ случаѣ 20 розогъ, а въ другомъ—15, причемъ виновный кромѣ того обязанъ былъ возвратить владѣльцамъ стоимость срубленнаго лѣса.

Непочтеніе къ органамъ крестьянскаго самоуправленія вызвало тѣлесное наказаніе для двухъ лицъ: одинъ былъ наказанъ 15-ю разгами, по жалобѣ писаря, за то, что явился въ волостное правленіе пьянымъ, а другой получилъ 20 розогъ за то, что, обвиняемый въ присвоеніи чужихъ денегъ не только не сознавался въ этомъ, но и грубилъ суду.

Крѣпостныя преданія съ ихъ обильными наказаніями розгами по усмотрѣнію помѣщиковъ нашли отголосокъ въ судѣ въ двухъ случаяхъ: 7 мая 1862 года было присуждено, по приказанію мирового посредника, 20 розогъ крестьянину деревни Высокова, Ивану Пантелѣеву, за неисполненіе издѣльной повинности помѣщицѣ Ивашинцевой и за грубости и непріятности ей, а 21 февраля 1867 года былъ приговоренъ къ тому же наказанію крестьянинъ деревни

[1]) 20 августа 1878. [2]) 27 мая 1879.

Сирона, Иванъ Григорьевъ, за то, что ночью отломилъ замокъ въ господскомъ домѣ г. Ивашинцевой, напугалъ ея экономку и ударилъ кухарку. Въ обоихъ, такимъ образомъ, случаяхъ непріятности г. Ивашинцевой оцѣнены были, по старой памяти, высшею мѣрою наказанія.

Высшею же мѣрою тѣлеснаго наказанія были наказаны два лица за своеобразное допущеніе мальчика къ развратному, по выраженію суда, поведенію. Это были крестьяне деревни Башкова, Михайло Алексѣевъ и Алексѣй Егоровъ. Сынъ перваго изъ нихъ учился въ Молвитинскомъ училищѣ, вѣроятно, на волостныя средства. Послѣ лѣта рѣшили отдать его въ училище опять и сшили ему новую сибирку. Но мальчику «бездна премудрости», видно, ужъ надоѣла: онъ не захотѣлъ учиться и скрывался у Алексѣя Егорова (дѣдушки?). Судъ постановилъ сибирку у него отобрать, а отца и Алексѣя Егорова наказать по 20-ти ударовъ розгами: перваго—«за допущеніе сына къ развратному поведенію», а второго—за поощреніе къ этому [1]).

За буйство, выразившееся въ разбитіи стеколъ и ударахъ по чужимъ воротамъ жердью, былъ приговоренъ къ 20-ти розгамъ одинъ человѣкъ.

Наконецъ, розгами же было наказано одно преступленіе религіознаго характера: присуждено 15 ударовъ одному парню, по жалобѣ мѣстнаго причта, за безобразіе, учиненное имъ на колокольнѣ во время пасхальнаго гулянья.

Чаще всего, такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе присуждалось въ Письменскомъ судѣ въ дѣлахъ административнаго порядка, по представленіямъ своихъ же должностныхъ лицъ и по соображеніямъ собственно фискальнаго характера, въ которыхъ судъ, можетъ быть, являлся строгимъ, главнымъ образомъ потому, что въ этихъ дѣлахъ, вслѣдствіе круговой поруки общества, затрогиваются имущественные, наиболѣе чувствительные интересы крестьянства. Слѣдующую, затѣмъ, ступень занимаетъ наиболѣе возмутительное зло деревни—кулачное насиліе и непечатное слово, а за нимъ—непочтеніе къ родителямъ и неуваженіе чужой собственности. Въ этихъ, главнымъ образомъ, дѣлахъ розга и практиковалась, а все остальное является по отношенію къ ней уже болѣе или менѣе случайнымъ. Сравнительно небольшое присужденіе розги въ чисто-судебныхъ дѣлахъ свидѣтельствуетъ, что суду никогда не было особенно присуще убѣжденіе въ ея врачующей нравственное зло силѣ, и потому въ настоящее время Письменскій волостной судъ фактически разстался съ этимъ позорнымъ наказаніемъ безъ большого сожалѣнія. Нельзя поэтому не признавать, что изъ розги крестьянинъ здѣсь уже выросъ, и что ея законодательное изгнаніе изъ практики суда—вопросъ, подготовленный самою жизнью.

Ѳ. Покровскій.

---

[1]) 7 октября 1876.

О принятіи чукочъ въ русское подданство.

Легенды и документы.

Якутская этнографическая экспедиція была снаряжена Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на средства И. М. Сибирякова въ 1894 году и организована изъ мѣстныхъ изслѣдователей бывшимъ тогда правителемъ дѣлъ Отдѣла Д. А. Клеменцомъ.

Въ кругъ изслѣдованія экспедиціи вошли три округа: Якутскій, Олекминскій и Колымскій. Изученіе народностей Колымскаго округа было произведено г. Іохельсономъ и мною, причемъ я изучалъ оленныхъ чукочъ, каменныхъ ламутовъ и русскихъ порѣчанъ. Подробныя свѣдѣнія о результатахъ моихъ работъ изложены въ моемъ «Краткомъ отчетѣ объ изслѣдованіи чукочъ Колымскаго края». «Извѣстія В. С. О. И. Р. Г. О.» за 1899 г., т. XXX, выпускъ 1-й.

Столкновенія русскихъ съ чукчами начались съ первыхъ же встрѣчъ съ ними въ половинѣ 17 вѣка. Такъ, уже Семенъ Дежневъ во время своего плаванія кругомъ сѣверовосточной оконечности Азіи имѣлъ нѣсколько стычекъ съ чукчами не далеко отъ мыса Дежнева въ 1648 году. Съ тѣхъ поръ борьба съ чукчами продолжалась въ теченіе вѣка, но въ данномъ случаѣ казаки, привыкшіе при покореніи юкагировъ и ламутовъ къ легкимъ и часто безкровнымъ успѣхамъ, наткнулись на ожесточенное сопротивленіе, тѣмъ болѣе поразительное, что народъ, оказывавшій его, т. е. чукчи, былъ совершенно лишенъ всякой общественной организаціи и только на время борьбы выдвигалъ въ видѣ временныхъ предводителей наиболѣе сильныхъ и отличившихся въ сраженіи воиновъ.

Изъ этой борьбы казаки не только не вышли побѣдителями, но были разбиты на голову и два послѣднихъ предводителя погибли въ сраженіяхъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ отрядомъ: Афанасій Шестаковъ — 14 марта 1730 года на рѣкѣ Егачѣ и Дмитрій Павлуцкій 15 марта 1747 на верховьѣ рѣки Лабугена. Наконецъ, въ 1776 году безплодная трата людей въ этой борьбѣ была прекращена, и Анадырская крѣпость, выдвинутая противъ чу-

кочъ, въ качествѣ форпоста, уничтожена, а гарнизонъ, амуниція и запасы переведены отчасти въ Колымскъ, отчасти въ Гижигинскъ.

Пораженіе Павлуцкаго имѣло болѣе важное значеніе, такъ какъ отрядъ Павлуцкаго былъ гораздо больше. По мѣстному русскому преданію, Павлуцкій былъ разбитъ и погибъ оттого, что часть казаковъ, наскучивъ неимовѣрными трудностями походовъ, въ рѣшительную минуту не пришли къ нему на условленное мѣсто. Предводителемъ этой части казаковъ преданіе называетъ пятидесятника Кривогорницына, послѣдній потомокъ котораго, Митрофанъ Кривогорницынъ, слѣпой нищій, еще живетъ на Колымѣ въ Походской деревнѣ.

Чукчи не ограничивались побѣдами на тундрѣ, но являлись нѣсколько разъ на Колыму въ байдарахъ и подвергали заимки и деревни жестокому разгрому. Такъ, одинъ изъ поселковъ до сихъ поръ носитъ названіе Погромнаго, а другой называется Дуваннымъ, потому что тамъ чукчи будто бы дуванили добычу. Въ 30 верстахъ отъ Нижнеколымска одна рѣчка носитъ имя Томилoвки, такъ какъ на ея берегахъ томилась израненная дѣвушка, убѣжавшая изъ разграбленнаго чукчами поселка.

Сношенія съ чукчами были возобновлены въ 1789 г. зашиверскимъ комиссаромъ Баннеромъ. Зашиверскъ—городъ на Индигиркѣ, нынѣ упраздненный; но въ концѣ прошлаго вѣка зашиверскому комиссару подчинялся также и Колымскій округъ. Баннеръ убѣдилъ нѣкоторыхъ чукочъ согласиться на платежъ ясака, но взамѣнъ за ясакъ исхлопоталъ имъ выдачу подарковъ отъ казны, превышавшихъ стоимость ясака. Эти подарки по отношенію къ оленнымъ чукчамъ были отмѣнены барономъ Майделемъ. Въ видѣ архаическаго остатка уцѣлѣла еще выдача казенныхъ подарковъ на Анюйской ярмаркѣ восьми торговцамъ, приходящимъ съ Чукотскаго носа, въ обмѣнъ за ихъ ясакъ. Весенняя ярмарка была учреждена Баннеромъ же первоначально на р. Ангаркѣ, впадающей въ р. Большой Анюй, но въ началѣ текущаго вѣка переведена на р. Малый Анюй, гдѣ была для этого срублена деревянная крѣпость самой примитивной формы, собственно говоря, просто группа избъ, обнесенная высокимъ заборомъ. Обороты этой ярмарки очень скоро достигли 200,000 рублей, что для безлюднаго края представляется суммой весьма значительной. Но въ настоящее время обороты эти упали до 10,000 р., т. е. въ 20 разъ, по той причинѣ, что три четверти торговли перешло къ американцамъ, а послѣдняя четверть отвлечена на Анадыръ, гдѣ русскіе товары, какъ привозимые морскимъ путемъ, дешевле, чѣмъ на Колымѣ.

Еще въ 1895 году, во время первой поѣздки по стойбищамъ Анюйскихъ чукочъ, я имѣлъ случай слышать, что во владѣніи одной семьи, проживающей на верховьяхъ рѣки Лабугена, имѣется какая-то старая грамата отъ времени прекращенія войнъ, какъ опредѣляли разсказ-

чики. Описывали ее, впрочемъ, самымъ противорѣчивымъ образомъ даже очевидцы. Одни говорили, что она начертана на свѣтлой пестрожелѣзной доскѣ и похожа на щитъ; другіе утверждали, что это знамя, нѣкогда отнятое чукчами у разбитаго ими отряда Якýнина (чукотское имя Павлуцкаго); третьи, наконецъ, увѣряли, что это ничто иное, какъ лоскутъ одежды нѣкоего знаменитаго русскаго шамана, который (т. е. лоскутъ) до сихъ поръ обладаетъ весьма дѣйствительными чародѣйскими свойствами. Привыкнувъ къ преувеличеніямъ чукочъ, я не придавалъ особаго значенія этимъ разсказамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было ѣхать совсѣмъ въ другую сторону.

Въ 1897 году, во время поѣздки по переписи, мнѣ пришлось посѣтить и вышеуказанную семью и я, конечно, не преминулъ распросить о предполагаемой граматѣ, намѣреваясь пріобрѣсти ее, если это мнѣ окажется по средствамъ. Оказалось, что на стойбищѣ дѣйствительно имѣются какія-то старыя бумаги и медаль. Владѣтельницей ихъ была семидесятилѣтняя старуха Пынчекауръ, нѣкогда знававшая лучшія времена, но теперь пріютившаяся изъ милости на стойбищѣ своего двоюроднаго племянника Кэт-Аймака. Старуха повидимому очень ревниво относилась къ этимъ бумагамъ, доставшимся ей послѣ покойнаго мужа и даже отказалась показать ихъ мнѣ, объявивъ, что она покинула ихъ въ весенней оставкѣ [1]), въ пятидесяти верстахъ отъ настоящаго стойбища. Впрочемъ, вечеромъ Кэт-Аймакъ, въ качествѣ хозяина стойбища, считавшій себя имѣющимъ право на эти бумаги, сообщилъ мнѣ конфиденціально, что онъ могъ бы послать за ними человѣка, если только я захочу заплатить за проѣздъ. Притомъ онъ назначилъ такую высокую цифру вознагражденія, что я предпочелъ отклонить предложеніе, тѣмъ болѣе что былъ вполнѣ убѣжденъ, что бумаги находятся тутъ же на стойбищѣ и что ѣхать за ними никому не придется. Быть можетъ, не лишнее замѣтить, что почтенный хозяинъ стойбища слылъ между сосѣдями за отъявленнаго плута и даже имя его Кэт-Аймакъ (мерзлая туша) было въ сущности не именемъ, а прозвищемъ, которое ему было присвоено послѣ того, какъ онъ былъ пойманъ съ поличнымъ въ кражѣ мерзлой оленьей туши. Настоящаго его имени я такъ и не могъ узнать, ибо по весьма распространенному обычаю онъ ревниво скрывалъ его и откликался только на свою партизанскую кличку. Я простеръ наружное равнодушіе къ бумагамъ Пынчекауръ до такой степени, что на другое утро уѣхалъ къ моему старому пріятелю Левтыкѣ, стойбище котораго находилось въ восьми верстахъ. Передъ отъѣздомъ Кэт-Аймакъ предложилъ мнѣ уже прямо купить бумаги, но снова назначилъ размѣры уплаты, далеко превосходившіе всѣ мои наличные ресурсы въ то время.

[1]) Чукчи и ламуты оставляютъ вблизи весенняго кочевья часть вещей, употребляемыхъ лѣтомъ, имѣя въ виду захватить ихъ при возвращеніи съ зимовья на лѣтовье.

Платежнымъ средствомъ, конечно, являлись не деньги, а кирпичный чай и листовой табакъ, и я, по обыкновенію, былъ снабженъ этими продуктами въ весьма ограниченномъ количествѣ и волей-неволей долженъ былъ сокращать размѣры своихъ расходовъ и раздачъ подъ угрозой потерпѣть немедленное банкротство среди океана чукотскихъ требованій. Въ данномъ случаѣ я разсчитывалъ на то, что бумаги не представляли для жителей стойбища никакой реальной цѣнности, такъ какъ мужское поколѣніе семьи, владѣвшее ими, вымерло, а чукчи вообще относятся довольно подозрительно къ домашнимъ святынямъ и реликвіямъ чужихъ семей и неохотно принимаютъ ихъ въ свою собственную домашнюю сокровищницу. Такъ какъ чай и табакъ на окрестныхъ жительствахъ цѣнился тогда почти на вѣсъ золота, то я былъ убѣжденъ, что Кэт-Аймакъ не упуститъ окончить сдѣлку къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Дѣйствительно, вечеромъ того же дня ко мнѣ явился племянникъ Кэт-Аймака, Лёлё, съ предложеніями гораздо болѣе скромнаго характера и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ мы согласились обмѣнять бумаги Пынчекауръ на полтора кирпича чаю и два фунта табаку. По окончаніи переговоровъ Лёлё уѣхалъ за бумагами, которыя, конечно, находились вовсе не въ пятидесяти верстахъ, а на самомъ стойбищѣ въ одномъ изъ дорожныхъ мѣшковъ старухи Пынчекауръ, но которыя онъ почему-то не заблагоразсудилъ привезти сразу. Часа черезъ четыре онъ вернулся и, забравшись въ пологъ, гдѣ мы сидѣли, вручилъ мнѣ маленькій, плоскій, полуизломанный ящичекъ, обвязанный веревочкой и содержавшій дѣйствительно большую серебряную медаль и отрывки двухъ документовъ о принятіи чукочъ въ русское подданство.

Впрочемъ, въ то время я едва успѣлъ осмотрѣть наружный видъ ящика, какъ вниманіе мое было отвлечено въ другую сторону. Надо сказать, что мы сидѣли тогда въ шатрѣ Омрыэ, шурина Левтыки. Ровтынга, жена Омрыэ, женщина довольно чахлаго вида, вдобавокъ недавно разрѣшившаяся отъ бремени, въ качествѣ хозяйки находилась съ нами, хотя ребенокъ изъ благоразумной предосторожности передъ чужеплеменниками былъ удаленъ въ самый задній шатеръ. Когда Лёлё уѣхалъ за бумагами, Омрыэ высказалъ предположеніе, что появленіе ихъ можетъ причинить вредъ присутствующимъ. Я поспѣшилъ увѣрить его въ благонадежности содержанія этихъ бумагъ (мною еще не виданныхъ) и на этомъ дѣло окончилось. Въ качествѣ человѣка, привычнаго къ общенію съ русскими, Омрыэ стѣснялся высказать свои опасенія въ полномъ объемѣ, я же никакъ не предполагалъ, что чукотское отвращеніе къ реликвіямъ чужихъ семей заходитъ такъ далеко, какъ оказалось потомъ.

Какъ бы то ни было, какъ только я взялъ ящичекъ, привезенный Лёлё и принялся его развязывать, Ровтынга вдругъ какъ-то особенно по

тянула носомъ воздухъ, тихо простонала и къ моему изумленію и даже ужасу лишилась чувствъ и упала навзничь, недвижная и окостенѣлая, какъ трупъ. Омрыэ съ крикомъ подхватилъ ее и принялся качать на рукахъ, мѣрно и сильно подбрасывая ее вверхъ. Когда это не помогло, онъ приступилъ къ обыкновеннымъ шаманскимъ манипуляціямъ лѣченія. Онъ сперва усиленно высасывалъ изъ макушки жены духа болѣзни, потомъ, когда этотъ духъ входилъ ему въ ротъ, ожесточенно фыркалъ, трясъ головой и вообще бѣсновался и, наконецъ, сплевывалъ въ сторону, чтобы освободиться отъ этого непріятнаго вкуса. Время отъ времени онъ впускалъ въ свою сжатую ладонь струю дыханія и поспѣшно прикладывалъ руку къ сердцу жены, стараясь сообщить ей частицу своей жизненной силы. — Ухъ, ребенокъ!—повторялъ онъ время отъ времени съ отчаяніемъ. Новорожденный младенецъ былъ его первенцемъ, но въ случаѣ смерти матери, неминуемо долженъ былъ послѣдовать за нею, такъ какъ чукчамъ неизвѣстно искусственное вскармливаніе. Когда ничто не помогало, Лёлё, не долго думая предложилъ кольнуть больную ножемъ, утверждая, что его покойный отецъ бывшій довольно сильнымъ шаманомъ, именно такъ лѣчилъ людей, временн унесенныхъ духами (т. е. упавшихъ въ обморокъ). Омрыэ готовъ былъ схватиться и за ножъ, и я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, еслибы Ровтынга, наконецъ, не стала приходить въ себя, правда довольно медленно. Обморокъ ея длился минутъ пятнадцать и въ это время лицо ея было совершенно похоже на лицо трупа.

Когда молодая женщина оправилась, мужъ могъ устремить свое вниманіе на зловредный предметъ, подавшій поводъ къ обмороку, т. е. на ящичекъ съ бумагами, который я все еще держалъ въ рукахъ.

— Уйди отсюда съ этимъ!— сказалъ онъ безъ обиняковъ. — Ты еще насъ уморишь!

— Куда же я пойду?—возразилъ я, довольно основательно предполагая, что въ каждомъ новомъ помѣщеніи можетъ разыграться такая же сцена.

— Ко (не знаю!),—отвѣтилъ гостепріимный хозяинъ.

— Ну, такъ я не пойду!

— Если не пойдешь, дай выкупъ!—потребовалъ Омрыэ.

Удовлетворить это требованіе было все-таки легче, чѣмъ предыдущее.

— У насъ такъ ведется—говорилъ хозяинъ—вещь, которая издавно находилась при чужомъ огнѣ, вѣетъ враждебнымъ духомъ на другихъ людей. Эти бумаги были слишкомъ долго у очага потомковъ Ээнейву.

Однако злоключенія мои съ этими документами не окончились уплатой выкупа. Какъ очнулась отъ обморока хозяйка, Лёлё уѣхалъ немедленно, противъ обычая даже отказавшись напиться чаю въ нашемъ пологу. Онъ куда-то

спѣшилъ. Но не болѣе какъ черезъ два часа послѣ его отъѣзда явился къ намъ новый гость или, лучше сказать, гостья, въ видѣ старухи Пынчеваур̂ъ. Я подозрѣваю, что она ждала гдѣ-нибудь на дорогѣ возвращенія Лёлё, чтобы поскорѣе замѣстить его передъ нами.

— Ты взялъ мои бумаги?—сказала она прямо, послѣ перваго обмѣна несложныхъ чукотскихъ привѣтствій.

— Я ихъ купилъ,—возразилъ я.

— Не знаю!—сказала старуха—я не продавала, а бумаги мои.

Я объяснилъ ей весьма сдержанно, что мнѣ не нужно знать, чьи эти бумаги, но что тому, у кого я ихъ взялъ, я отдалъ за нихъ плату.

— Ну, такъ дай плату и мнѣ! настаивала старуха. — Я хозяйка, а они мнѣ ничего не дали.

Она была такъ настойчива въ своихъ притязаніяхъ, что въ концѣ концовъ я подчинился и далъ ей половину прежней платы, такъ какъ, по ея словамъ, Лёлё и Кэт-Аймакъ раздѣлили все пополамъ и она хотѣла бы получить такую же долю.

Я распространился съ нѣкоторой подробностью объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ пріобрѣтеніе бумагъ, чтобы попутно охарактеризовать способъ сношеній и переговоровъ съ чукчами при путешествіяхъ по ихъ стойбищамъ.

Пріобрѣтенія мои состояли, какъ сказано выше, изъ двухъ документовъ, написанныхъ на сѣрой бумагѣ полулистового формата, и кромѣ того большой серебряной медали, помѣченной иниціалами Екатерины II и 1791-мъ годомъ.

Одинъ изъ документовъ, названный въ заголовкѣ билетомъ, сохранился цѣликомъ. Другой истлѣлъ и распался на четыре части, вслѣдствіе чего нѣкоторыя слова не могли быть разобраны. Документы привожу съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Билетъ № 37.

Объявителю сего Чукотской чаунской тоенъ Хамахеи вступилъ вроссійское подъданство прошлаго 1788-го года. вчемъ во увереніе учинилъ присягу сообезателствомъ сродомъ ево платй взашиверскую округу каждогодно когда спрошенъ быть имеетъ ясакъ скаждаго человека лукомъ владеющимъ поодной лисице, икогда оной потребуетца то одавать ему безотговорочно закоторое усерд (не) исказны Ея Императорскаго Величества пожалованы алыя кавтаны сходныя сыркутскимъ наместническимъ мундиромъ. икортики снадъписаниемъ напортупеяхъ россійской верноподданной? Господъ командуимеющихъ прошу чтоб онаго тоена Хамахая принимать и почитать заверноподданнаго Ея Императорскаго Величества раба, для чего сей

билетъ ему заподписаниемъ моеи руки исприложениемъ Герба моего печати. данъ февраля васьмаго дня 1789-го Года Земъскои исъправникъ Бергъ гешваренъ Іванъ Фишеръ.

М. П.

Казачей сотникъ Іванъ Зеленыхъ.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссіиской изъ Иркутскаго Наместническаго Правленія Чюкоцкаго Народа Тоену Хамахаю Поуказу Ея Императорскаго Величества Иркутское Наместническое Правленіе определило Дать Вамъ Тоену Хамахаю Сеи Ея Имераторскаго Величества указъ стемъ Чтобы Вы Подоброи Вашеи Воле Сродными Своими Вошедшіе Под-Высоко-Славное Ея Императорскаго Величества Всероссіиское Императорское подданство Противъ Продчихъ были Отличены Симъ Главнымъ Тоена Названиемъ Ичто Таковое Ваше Ивсехъ Вашихъ Родниковъ Усерднейшее Желаніе быть Воономъ Приемлется Сооссобливымъ Уваженіемъ, А Дабы Вы Ивс[е] Ваши Родники Отъ всехъ почитаемы Ипризнава Емы были Все Россіискими Верно подданными Ичтобы Вамъ ивсемъ Родникамъ Никто немогъ Учинить Каковаго Либо Вреда Или Утесненія; То Предписывается Чрезъ Сіе Всемъ Россіискимъ под Даннымъ Делать Вамъ Вовсемъ Где-бы-то Неслучилось Всякое благодеяние Ивсе-возможное пособіе Ичтобъ Никакихъ Видовъ Къчарушенію Вашего Спокоиствія Итишины Преподаваемонебыло, и что Вы Впротивномъ Всему Тому Случае Какъ Россіискимъ Такъ Идругихъ Державъ Иностраннымъ Людямъ Показывать Должны Сеи Ея Императорскаго Величества Указъ итребовать ѳевоⁿ Россіиских Единоподанныхъ Всего Вышепроп[и]саннаго Аотъ иностранн Мирнаго Обхожденія на Противъ Чего Исостороны Вашеи Надеется [Рос]сія Что Вы Ввернооподданничестве Вашемъ Оставшись Непок[олебляемо?] Неупустите...... Ея Императорскаго Величества Всемилостивеишеи Государынѣ полезно Итщателно отвращать Будите Все те обстоятельства Которы Нарушить Могутъ Какъ Ваше Такъ ивсехъ спо Коиствіе Итишину:—Воверность Чего Дан. Сеи Изъ Иркутскаго Наместническаго правле Нія Вгубернскомъ Городе иркутске заподписан[и]емъ Членовъ Исприложениемъ Герба печати; Октября мц дванадес дня 1791 года:

Правленія Советникъ...... Советникъ Александръ Постниковъ

Іркутскаго Наместническаго Правленія Советникъ Маеоръ Василіи Верещагинъ

Секретарь Герасимъ Nекрасовъ

Усего указа Ея Императорскаго Величества иркутскаго наместни ческаго Правленія печать

№ 8712 (М. П.)

Имя Хамахей (Хымыхай), которое носилъ первый чукотскій тойонъ, вступившій подъ русское подданство, довольно распространено между чукчами. Чаунскій Эрмэчын [1]), посѣтившій барона Врангеля во время экспедиціи 1823 года, тоже носилъ это имя. Въ родѣ теперешняго тойона [2]) оленныхъ чукочъ имя это такъ же встрѣчается нерѣдко.

Чукотская легенда называетъ устроителя перваго мира между русскими и чукчами не Хымыхай, а Ээнейву. Впрочемъ, у чукочъ одинъ и тотъ же человѣкъ часто имѣетъ два и болѣе именъ. Въ семействѣ Ээнейву эти документы, спрятанные въ ящикѣ, обвязанномъ веревочками, составляли часть семейной святыни и выносились изъ шатра вмѣстѣ съ другими священными предметами во время жертвоприношеній. Ихъ не обходили ни при помазаніи кровью, ни при кропленіи жертвенной похлебкой. Поэтому шнурокъ обвязки былъ украшенъ уккамàками—маленькими круглыми амулетами изъ дерева и кожи, походя на большія рѣдкія четки; кромѣ уккамаковъ къ нему были подвязаны двѣ тоненькія кисточки изъ полосокъ мягкой шкурки молодого тюленя, окрашенныя въ дымный цвѣтъ копотью жертвенныхъ огней.

Вопреки велерѣчивымъ словамъ вышеприведенныхъ документовъ, устная легенда относительно прекращенія войнъ между русскими и чукчами, разсказанная мнѣ старикомъ Хромымъ Паганто, по поводу именно этихъ бумагъ, гласитъ слѣдующее. Нутэвія чуванецъ изъ рода Этэль, убиваемаго съ обѣихъ сторонъ, пришелъ къ Ээнейву и говоритъ:—Слишкомъ худо убивать другъ друга! Перестанемъ, сотворимъ союзъ! — Ээнейву отвѣтилъ: — Посмотримъ! Поди! спроси сильныхъ людей вашей стороны, что они скажутъ. Потомъ осенью пріѣзжай.—На слѣдующій годъ настала осень. Наставши, осень окончилась. Сидитъ Ээнейву дома, слышитъ, кто-то пріѣхалъ на оленяхъ. Вышелъ на дворъ—иные олени, иная одежда (не чукотская). Человѣкъ привязалъ оленей, не подходитъ, сидитъ на нартѣ, потупивъ голову, это—Нутэвія. Молча сидитъ, только голову потупляетъ. Ээнейву обошелъ вокругъ одинъ разъ, другой разъ. Молчитъ, ничего не говоритъ. Пнулъ его ногой въ лицо — молчитъ.

[1]) Врангель ошибочно принимаетъ это собственное имя за нарицательное имя начальника. Между тѣмъ какъ у чукочъ для выраженія понятія начальникъ существуютъ только производныя существительныя отъ корня эрмэ, арма, adj. нэрмэхін—сильный. Отсюда образуются э́рэм начальникъ (въ русскомъ смыслѣ слова) и э́рмэчын—витязь, богатырь, начальникъ (въ чукотскомъ смыслѣ слова). Хымыхай собственно значитъ червячекъ, и существованіе этого имени находится въ связи съ привычкою давать дѣтямъ имена животныхъ.

[2]) Тойонъ или тоёнъ — слово тюркскаго происхожденія и значитъ господинъ. Тойонъ оленныхъ чукочъ — санъ наслѣдственнаго князя оленныхъ чукочъ. Впрочемъ, авторитетъ его чисто призрачнаго свойства. Тойонскій санъ установленъ русскими. Особенно старался укрѣпить его значеніе въ 1869—70 г.г. баронъ Майдель. Но чукчи обращаютъ очень мало вниманія на этотъ парадный авторитетъ, какъ и вообще на всѣхъ старостъ и старшинъ, поставленныхъ для управленія ими и для сбора ясаковъ.

Еще разъ обошелъ кругомъ, еще разъ сильно пнулъ ногой въ лицо, испытываетъ, будетъ ли гнѣвъ. Молчитъ Нутэвія. Тогда Ээнейву присѣлъ на корточки противъ него. — «Пришелъ?—говоритъ. — Да!—Съ чѣмъ ты?.— Ничего не говоря, достаетъ изъ сумы медаль и бумагу. Вотъ эта самая бумага съ просьбой прекратить войну и заключить союзъ.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя преданія относительно борьбы чукочъ съ русскими и ея прекращенія.

1) Разсказъ чукчи Йенака на урочищѣ Аконайке въ 1896 году.

Была дѣвочка, именемъ Йынкынéутъ. Собрались въ шатрѣ совершающіе служеніе, закрыли дымовое отверстіе, шаманятъ, поютъ, а между тѣмъ это собаки [1]). Одни поютъ: «Кооо! Кооо!». Воютъ дружочки. Другіе поютъ: «Кооон! Кооон!» Третьи, стоящіе: «Ооо! ооо!» Наконецъ, хозяйка стойбища говоритъ дѣвочкѣ.—Найди щель, загляни! Посмотри, что за поющіе, зачѣмъ они закрыли дымовое отверстіе. — Нашла щель. Заглянула. Все собаки воютъ. Подняла крикъ, люди прибѣжали и стали колотить. Убѣжали собаки на западную сторону, стали русскимъ народомъ. Часть осталась собаками, сдѣлалась ихъ упряжкою. Прежніе битые стали гнѣваться за удары, начали войну.—Ухъ! Мы не знали! Наши били собакъ, а онѣ стали народомъ.

Стали воевать. Пошелъ Якунинъ, желѣзомъ одѣтый, худоубивательный. Якунинъ, огнивный таньгъ [2]), сталъ истреблять народъ. Почему худоубивательный? Худо убиваетъ людей, мужчинъ разрубаетъ топоромъ по промежности, женщинъ раздираетъ пополамъ, какъ сушеную рыбу. У него пріемышъ, взрощенный изъ кочевыхъ людей, изъ племени настоящихъ таньговъ, приносящій пищу, проворный, быстроногій, на бѣгу догоняетъ дикаго оленя, убиваетъ ножемъ. Вываливъ содержимое желудка, хватаетъ за заднюю ногу; такъ просто уноситъ

---

[1]) Здѣсь изображается праздникъ мнéыргын, который будто бы справляютъ собаки. На этомъ праздникѣ совершается торжественное служеніе надъ добычей охоты, причемъ мужчины шаманятъ, стуча въ бубенъ, а женщины, становясь передъ ними, выражаютъ свой религіозный экстазъ различными странными тѣлодвиженіями и пляской. Между прочимъ, собакамъ, волкамъ и другимъ хищнымъ животнымъ также приписывается совершеніе такихъ служеній послѣ удачной охоты. Впрочемъ, это описаніе праздника имѣетъ сатирическое значеніе, какъ видно изъ разсказа. Чукчи, насмѣхаясь надъ русскимъ «проголоснымъ» пѣніемъ, не имѣющимъ горловыхъ переливовъ, сравниваютъ его съ собачьимъ воемъ, тѣмъ болѣе, что русскіе на Колымѣ и на Анадырѣ, ближайшіе сосѣди оленныхъ чукочъ, ѣздятъ на собакахъ.

[2]) Таньгами чукчи называютъ одинаково коряковъ, чуванцевъ и русскихъ, но коряковъ называютъ при этомъ настоящими таньгами, а русскихъ огнивными таньгами. Русскіе причислены къ таньгамъ на томъ основаніи, что они вначалѣ явились. какъ союзники коряковъ въ ихъ столкновеніяхъ съ чукчами.

домой. Худоубивательный Якунинъ истребляетъ людей, собралъ цѣлые возы шапокъ; шапки убитыхъ, двадцать возовъ, послалъ ихъ Солнечному Владыкѣ [1]).

Говоритъ:—Больше нѣтъ! Всѣхъ истребилъ!

Говоритъ Солнечный Владыка: — Еще въ травѣ много скрывается птичекъ.

— Докончу! Пусть принесутъ большое ружье. Унесу съ собой!

— Однако нѣтъ! Убьютъ тебя!

— Могу!

Взялъ ружье, большое ружье, унесъ съ собой. Ходитъ, ищетъ жителей, истребляетъ. Наши (т. е. чукчи): Нанкачгатъ, богатырь, одѣтый въ одежду изъ лахтачной [2]) шкуры, большой, широкій, во время ледохода на рѣкѣ Номваанъ, ложится поперекъ, задерживая глыбы льда. По его тѣлу проходятъ кочевые поѣзда, какъ по твердой землѣ. Товарищъ его Тэмээречъ не менѣе проворный. Пошелъ Взрощенный русскими, пошелъ на промыселъ, нашелъ дикаго оленя, убилъ, подхватилъ. Изъ засады смотритъ Нанкачгатъ. Говоритъ:—Не сможемъ! Тэмээречъ говоритъ:—Я могу! Выскочилъ, догналъ Взрощеннаго русскими, схватилъ за правую руку. Тотъ дергаетъ, но не можетъ вырваться.

— Если я сталъ тебѣ дичью, то убей [3]).

— Нѣтъ, не для смерти, но для жизни тебя схватилъ. Сердце твое не хочу достать.

— Эгэ!

— Почему лицо твое, какъ у настоящаго человѣка? [4]). Кто ты?

— Я изъ кочевого племени, взрощенный русскими.

— А-а! Будь нашимъ товарищемъ, совсѣмъ нашимъ, указателемъ пути!

— Согласенъ.

Пошли вдвоемъ къ Якунину

— Вотъ, вотъ какого человѣка еще привелъ? (кричитъ Якунинъ). Схватилъ большое ружье, хочетъ выстрѣлить.

— Зачѣмъ же? Это—товарищъ. Будетъ указывать жительства.

Сѣлъ Тэмээречъ, сталъ ѣсть. Ѣстъ онъ очень скоро.

— Вотъ, вотъ! отчего такъ скоро ѣсть? [5]).

---

[1]) Государь.

[2]) Лахтакъ—крупный тюлень породы phoca barbata.

[3]) Въ сказкахъ и преданіяхъ побѣжденный богатырь всегда обращался къ побѣдителю съ той фразой, которая означаетъ требованіе coup de grace. Для побѣжденнаго считается постыднымъ жить дольше.

[4]) Чукчи сами себя называютъ просто людьми, именно въ противоположеніе всѣмъ другимъ народностямъ.

[5]) Проворство въ ѣдѣ составляетъ признакъ большой физической доблести, подозрительный въ глазахъ Якунина въ предполагаемомъ измѣнникѣ. Чукотская пословица гово-

Схватилъ большой ножъ.. Хочетъ ударить.

— Зачѣмъ? Это товарищъ! будетъ указывать жительства.

— А-а!

Заснулъ Якунинъ, покончивъ ѣду. Тэмээречъ хочетъ его ударить ножемъ.

— Соннаго не убивай! Если Нанкачгатъ силенъ, пусть сражаются завтра двое!

— А - а! Пошли на утро сражаться, Якунинъ, одѣтый желѣзомъ, Нанкачгатъ, одѣтый лахтакомъ, двое. Копье Якунина, левѣе длиною въ локоть, копье Нанкачгата такой же длины [1]). Солнце обошло вокругъ неба, сражаются, не могутъ... Люди кругомъ стоятъ, смотрятъ. Копье Якунина притупилось, стерлось объ землю до обуха. Желѣзная одежда разсѣчена. Языкъ Нанкачгата вывалился и свѣшивается до плеча. Еще не могутъ.

Эургинъ, изъ смотрящихъ, молодой парень, изъ деревяннаго лука выстрѣлилъ китовоусовой стрѣлой, пробилъ Якунину глазъ. Облился кровью Якунинъ. Сѣлъ на землю, оперся локтемъ объ землю. Множество людей приступаетъ къ нему, еще убиваетъ, ибо онъ силенъ. Тогда Эургинъ ударилъ ножемъ подъ броню, распоролъ брюхо, тогда убили.

На слѣдующій годъ Вврощенный русскими и Тэмээречъ пошли обозомъ къ Солнечному Владыкѣ.

— А гдѣ же тотъ?

— Нѣтъ его!

— Куда дѣвался?

— Убили его.

— Ага! Я говорилъ ему, не хвастай!...

Тогда перестали драться. Люди изъ народа Эгэль, убиваемые съ обѣихъ сторонъ, стали переводить на всѣ стороны. Сдѣлались союзниками, перестали воевать.

2. Разсказано чукчей Коравіей на р. Лябугенѣ въ 1896 году.

(Вторая версія предыдущаго разсказа)

Когда воевали таньги съ чукчами, люди бѣжали изъ внутренней стороны къ морю, но таньги слѣдовали сзади и истребляли неуспѣвавшихъ убѣ-

ритъ: «Когда молодые люди ѣдятъ быстро, старикамъ красиво смотрѣть». Вообще чукчи и молодые, и старые управляются съ ѣдой съ большой быстротой и даже остервенѣлостью, когда дѣло доходитъ до костей, хрящей, сухожилій и т. п.

[1]) За неимѣніемъ мечей копье составляетъ обычное оружіе чукочъ также и для рукопашнаго боя.

жать. Кого ловили, худо убивали. Мужчин разрубали топором промежду ног внизъ головой. Женщинъ раскалывали пополамъ, какъ рыбу для сушенія. Убѣжали оленные на край земли, помѣстились подъ утесъ, подъ крутыми скалами построили въ ущельи крѣпость; но таньги пришли и взобрались на горы и, скатывая сверху камни, изломали укрѣпленіе и истребили людей.

На землѣ Нэтэнъ за мысомъ Пээкъ [1]) поставили подъ утесомъ, нависшимъ надъ берегомъ, другую крѣпость. Сверху нельзя скатить туда камни. Таньги взошли на утесъ. Ничего не могутъ сдѣлать, ибо камни перелетаютъ черезъ границу жительства. Стали обходить, ища прохода. Впереди идетъ въ желѣзномъ панцырѣ Якунинъ.

У входа въ узкое ущелье стоитъ Эургинъ съ деревяннымъ лукомъ въ рукахъ и пьетъ изъ круглой чаши воду.

— Пей хорошенько!—говоритъ Якунинъ. Больше ты не будешь пить на этой землѣ!—

Схватилъ Якунинъ копье, сталъ размахивать. Прыгаетъ вверхъ, какъ вершина лиственницы, машетъ копьемъ, какъ лоскутомъ. Эургинъ наложилъ на лукъ маленькую стрѣлу изъ китоваго уса. Лицо Якунина покрыто желѣзомъ. Только двѣ дыры вмѣсто глазъ. Пока прыгаетъ, выстрѣлилъ, попалъ ему въ глазъ. Упалъ на землю Якунинъ. Набѣжали и схватили его.

— Ты — худоубивающій! У насъ нѣтъ топоровъ, чтобы разрубить тебя. По крайней мѣрѣ иначе заставимъ тебя почувствовать смерть.

Развели огонь. Жарятъ его у огня. Хорошо поджаренное мясо срѣзываютъ ломтиками и жарятъ снова. Умеръ. Таньги, испугавшись, бѣжали, но ихъ настигли и истребили. Тогда въ знакъ радости устроили гонку судовъ. Жители Нэтэна собрались на гонку. Пришли люди изъ Нуукана, Уэлена, Пичуна и всѣхъ приморскихъ селеній до Ванкарема [2]). Но всѣхъ побѣдили два брата, рожденные сукой, изъ Экалюруна. Ставкой была плѣнная дѣвушка, Таньгинка. Ее взявъ, женились на ней. Тогда размножился родъ рожденныхъ сукой [3]).

3. Разсказано на р. Лабугенѣ чукчей Пля́канго въ 1897 году.

Когда въ первый разъ сошлись на битву таньги и чукчи, стали строемъ другъ противъ друга. Сильно испугались наши, ибо таньги совсѣмъ не-

---

[1]) Пээкъ—мысъ Дежневъ. Нэтэнъ—мѣстность Ледовитаго прибрежья съ чукотскимъ поселкомъ того же имени.

[2]) Приморскіе чукотскіе поселки Ледовитаго побережья.

[3]) Семья такъ называемаго «тойона оленныхъ чукочъ» ведетъ свое происхожденіе именно отъ этихъ братьевъ, прародительницей которыхъ (но не матерью) считается черная сука.

виданные: торчатъ у нихъ усища, какъ у моржей; копья длиною по локтю— такъ широки, что затмеваютъ солнце. Глаза желѣзные, круглые. Вся одежда желѣзная. Копаютъ концомъ копья землю, какъ драчливые (оленьи) быки копытомъ, вызываютъ на бой.

Всѣ сидятъ, потупивъ головы, боятся. Вышелъ таньгъ, копьемъ машетъ.

— Кто, кто выйдетъ со мной на борьбу?

По прежнему сидятъ, потупивъ головы; молчатъ, не рѣшаясь. Старичекъ изъ нашихъ, старый, старый старичекъ, ходитъ впереди.—Ну, кто, кто попробуетъ?...

Всѣ молчатъ.

Есть четыре сильныхъ: Чимкель, Айнаыргинъ, Эленнутъ Лявтылевалинъ [1]).

— Ну, пусть хоть Чимкель попробуетъ!

Впереди Чимкеля сидитъ его отецъ. Ждетъ богатырь, пока заговоритъ старикъ. Однако всѣ сидятъ молча, не рѣшаются. Попрежнему ходитъ старичекъ впереди рядовъ.

— Кто, кто, кто попробуетъ?

Крикунъ крикнулъ:—Ну, пусть я!

Кивающій головой закивалъ:—Ты, ты!

— Нѣтъ, я!—Крикнулъ Эленнутъ.—Я отъ роговъ тоже острая спица. Пусть сперва обломаютъ!

Копье къ ногѣ приложилъ, выскочилъ по глубокому снѣгу. Началось. Три дня, три ночи борются. Никто не можетъ одолѣть. Сталъ Эленнутъ изнемогать. Но усталъ и таньгъ. Сдвинулась желѣзная шапка на затылокъ, показались волоса. Вся голова сѣдая. Прокусилъ насквозь губу Эленнутъ.— Неужели буду побѣжденъ старикомъ?

Сталъ виться, какъ волосъ, вокругъ таньга, наконецъ ранилъ его въ бедро. Упалъ таньгъ на локоть.

— Ого! Силенъ ты! Одержалъ верхъ надо мною. Только теперь увидѣлъ себѣ побѣдителя!

— Не говори же потомъ, что между рожденными бѣломорской женой не нашлось человѣка помѣряться съ тобой!

— Ага! Кто отецъ твой? Покажи мнѣ его! Хорошо тебѣ, взростившему такого сына!. Ну, убей меня!

— Нѣтъ!..

— Убей меня, говорю! Побѣжденному зачѣмъ жить на свѣтѣ?

---

[1]) Имена героевъ борьбы съ таньгами еще живутъ въ народной памяти и многія семьи ведутъ свое происхожденіе отъ того или другого изъ нихъ. Самое извѣстное имя— Лявтылевалинъ, что значитъ кивающій головой. Айнаыргинъ значитъ крикунъ.

Какъ ни приставалъ, не убилъ. Тогда снялъ съ себя желѣзную одежду, отдалъ копье, говоритъ:—Этимъ ты владѣй, если ты сильнѣе! Вотъ мой обозъ. Тутъ моя жена, дѣти и имущество.—Самъ ушелъ пѣшкомъ о посохѣ.

4. Разсказано чукчей Ремкиленомъ на р. Молондѣ въ 1895 году.

Задолго послѣ битвъ открылась ярмарка и сошлись многіе чукчи, хотятъ торговать. Но пріѣхалъ начальникъ отъ Женщины-Властителя, говоритъ:— Мой духъ худъ. Я хочу воевать. Вы многихъ нашихъ людей убили.

— Это не мы, это Анадырскіе!—Отпираются наши. Ходили по крѣпости четверо. Первый—Леутъ, богатый купецъ, второй Кочѐнне, дѣдъ Чепатки, третій Лелялыпыленъ, дѣдъ Эйгелина, четвертый Вотиргинъ, мой дѣдъ [1]). Торговли нѣтъ. Ходятъ, разсматриваютъ домъ начальника. Посмотрѣли украдкою сквозь щель, сквозь тонкую дверь, видятъ: человѣкъ сидитъ, весь въ красномъ, шапка красная, сапоги красные, вся одежда красная. Говоритъ Кочѐнне:—Сломаемъ дверь, схватимъ его!

Сломали тонкую дверь, схватили, унесли домой. Онъ бьется, кричитъ:

— Сюда, сюда люди!

Никого нѣтъ; ночь. Унесли его на стойбище Лелялыпылена. На другой день зашумѣли русскіе люди, закричалъ начальникъ:—Отдайте человѣка!

— Нѣтъ, не отдадимъ! Давайте торговать, тогда отдадимъ!—Нечего дѣлать. Согласились русскіе на торговлю. Тогда отпустили краснаго человѣка. Леутъ богачъ далъ ему двѣ черныя лисицы, ради искупленія.

Послѣ того стали искать переводчика и нашли изъ чуванскаго рода Этель на Большой Рѣкѣ.

Опять говоритъ начальникъ: — Нѣтъ! Мой духъ худъ! Куда вы дѣвали столько нашихъ людей?

— Не ищи ихъ, перестань! Поставь надъ нами начальника! Пусть онъ платитъ дань ради тѣхъ убитыхъ людей! Указалъ на Вотиргина. Но Вотиргинъ отговорился.—Я живу у моря!—и указалъ на Лелялыпылена. Тогда наложили ясаки, но ясаки были немногочисленны. Только потомъ баронъ [2]) ихъ умножилъ.

---

[1]) Чепáтка—богатый «торговый чукча», ведущій въ настоящее время торговлю на Анюйской и Анадырской ярмаркахъ. Эйгелинъ—вышеупомянутый «тойонъ оленныхъ чукочъ», тоже современный. Лелялыпыленъ — его прадѣдъ, поставленный тойономъ въ концѣ прошлаго вѣка.

[2]) Баронъ Майдель см. выше.

5. Русское преданіе о погромѣ, произведенномъ чукча

(Разсказано мѣщанкой Ариной Шкулевой въ Походской деревнѣ на 1
1896 году).

— А ты знашь, есть этто, Чукочья була деревня [1]). стояла, теперь на боку лежитъ. Давно это була. Іи на то дос чукочъ сторожить. О и огромная! Каждая стѣна четыре саж... вышина само съ церковью наравнѣ. Внизу мостъ, вверху опять мостъ (бревенчатый полъ). Вотъ однова̀ [3]) стоитъ на каланчѣ старичекъ. Вотъ стало утро отзаривать, смотритъ за протоку: совсѣмъ свѣтло стало. Дерево видится лежачее, и покажись ему, будто черезъ дерево человѣкъ перевалился въ чукотской кухлянкѣ нерпичьихъ кишекъ. Кухлянка—родъ нашихъ окончинъ [4]).

Вотъ сталъ говорить ребятамъ.—Эй, ребята! Смотрите! Живо—чукчи насъ скрадываютъ, исплѣнить [5]) хотятъ!.

Ну молодяжники [6]), они и не вѣрятъ.

Старикъ сейчасъ котомку на спину, а посохъ въ руку и пошелъ на Походское [7]). Они стали тамъ лѣтовать, потомъ осеновать. Какъ ночи стали чернѣе, чукчи пришли на нихъ сонныхъ, ну всѣхъ и переплѣнили. Кто выбѣжитъ изъ дома, того и убьютъ. Только двое братья, такіе удалые, какъ ихъ ни гоняютъ, не могутъ ихъ ни копьемъ ткнуть, ни стрѣлой угодить. Вотъ бѣгали, бѣгали. Старшой и побѣжалъ мимо одной старухи. Старая чукчанка сидитъ на санкѣ, ужъ и ходить не мо̀готъ, ползатъ. Такъ она стрѣлила костянкой [8]), да угодила ему въ колѣно. Тутъ упалъ, да закричалъ:

— Эй братъ! Развѣ ты одинъ на свѣтѣ жить хочешь? Какъ станешь?— Ну, тотъ на проходъ самъ и отдался. Такъ обоихъ и убили.

А еще булъ парень, какъ упалъ между мертвыми навзнакъ, будто тоже мертвой, такъ лежитъ и видитъ: одного-то брата одѣли въ бѣлую кухлянку, другого въ пеструю. Одного положили на бѣлую постелю [9]), другого на пеструю.

---

[1]) Чукочья деревня—бывшее русское поселеніе на р. Колымѣ при впаденіи р. Чукочьей въ 50 верстахъ отъ океана. Верхній срубъ каланчи, съ которой сторожили чукочъ, еще цѣлъ. Нижній растасканъ на дрова. Впрочемъ, теперь на р. Чукочьей нѣтъ ни одного русскаго «дыма», а въ сосѣднихъ тундрахъ ни одного чукотскаго шатра, такъ какъ населеніе отчасти вымерло, отчасти переселилось въ другія мѣстности.

[2]) Доспѣть—сдѣлать.

[3]) Однова̀—однажды.

[4]) Кухлянка—верхній балахонъ изъ шкуръ, кожи или ткани, также изъ сшитыхъ вмѣстѣ тюленьихъ или моржевыхъ кишекъ. Изъ того же матеріала приготовляютъ окончины т. е. лѣтнія оболочки для оконъ, при отсутствіи стеколъ.

[5]) Исплѣнить—перебить, истребить.

[6]) Молодяжники—молодые люди.

[7]) Деревня Походская на лѣвомъ устьѣ р. Колымы.

[8]) Костяная стрѣла.

[9]) Постеля—оленья шкура.

А старуха-то ходить не моготъ, такъ ползатъ, отъ тѣла къ тѣлу переползыватъ, каждому въ лицо засматриватъ. Какъ до живого дошла, да посмотрѣла. Була у ней въ рукахъ полёмка [1]). Ни лезвее, ни лицо, ничего нѣту, ну да у чукочъ и желѣзо тогда не було. Вотъ и давай этой полёмкой поперекъ лба у него потихоньку рубить. Тукъ да тукъ! Тукъ да тукъ! Все перелобье вырубила. А ужъ не крикнулъ, смолчалъ. Богъ терпѣнье далъ. Какъ только они извелися, онъ и всталъ, въ Походскую далъ вѣсть. Ну въ крѣпостѣ [2]) тогды казакъ булъ прямо комаръ, эстолько много. Магазины эти теперь пустые стоятъ, були мукой завалёны подъ самой верхъ. Вотъ и послали ихъ съ орудіями разыскивать чукочъ. Ну они дошли до Чукочьей, за ѐдомой [3]) дымъ увидали. Да они о чомъ на драку пойдутъ. Тогды вѣдь одного чукотскаго имени страшилися. Такъ и своровали и не сказали про дымъ. Пришли, сказали: «Нигдѣ нѣту»!

Чукчи потомъ говорили:— А мы изъ зарѣчья перешли по льду, да въ чукотской едомѣ лѣто прожили. Русаки гусевали [4]), а мы дружнымъ-то свои стельки [5]) на дорогу бросали, чтобы они устрастилися, ходили поосторожнѣе. Ну, да у̀жъ нѣтъ.

Оттуль эти чукчи разбрелись въ разны стороны. Ины-то дошли даже до Индигирки. Вотъ ходятъ парни гусевать. Булъ старичокъ Портнягинъ на Портнягиной тонѣ. Говорятъ къ нему:— Что за диво? Мы гусюемъ, а къ намъ и прилетываютъ откудова-то чукотски костянки, одного до смерти убили. Пристанемъ, сколько ходимъ. Никого найти не мо̀гомъ!

— Повели бу меня на то мѣсто!— говоритъ Портнягинъ.— Я бу, можетъ, и нашелъ.

Пошли всѣ вмѣстѣ. — А гдѣ? — сказыватъ. — Этто! — говорятъ. Поднялись на берегъ, ни кого нѣту. Только калтусъ [6]). Кочки видятся на калтусѣ чисто безъ конца; такія крупныя. — Вотъ —говоритъ — по этимъ кочкамъ стрѣляйте стрѣлами!.— Стали стрѣлять. Каку кочку ни стрѣлятъ, то и чукча падатъ. Каку кочку ни стрѣлятъ, то и чукча.

Они—прѝтчи-то [7]), кочку выкопаютъ, до подъ кочку и сядутъ, сверху кочкой прикроются, траву расправятъ, да и смотрятъ скрозь. Тутъ ихъ и переплѣнили всѣхъ.

---

[1]) Палемка—небольшой кроильный ножъ съ полукруглымъ лезвіемъ, вродѣ сапожнаго.

[2]) Нижнеколымская крѣпость.

[3]) Чукотская ѐдома.—отрогъ скалистой гряды на западной тундрѣ.

[4]) Гусевать промышлять линялаго гуся.

[5]) Чукотскія стельки по формѣ нѣсколько разнятся отъ русскихъ, такъ какъ носки чукотской обуви болѣе плоски и круглы.

[6]) Ка̀лтусъ—кочковатый мокрый лугъ.

[7]) Прѝтча—проказникъ.

Другіе пошли по тундрѣ, да вышли на Дуванное ночью. На Дуванномъ-то опять людноро жили. Тѣхъ всѣхъ переплѣнили. Карбасья-то у нихъ ножами испротыкали. Каки люди выбѣгутъ, въ карбасъ нападаютъ, хотятъ на рѣку угрести, карбасъ только свиститъ, вода наливатся. Тутъ всѣ и прітонутъ. Потомъ пошли на Омолонъ, а тамъ имъ встрѣчу доспѣли, про это сами юкагиры сказываютъ. Достальны-то разбѣжались порозно. Досельны-то юкагиры пасти бисерками сторожили. Надергаютъ ихъ на ниточку, да и доспѣютъ на наживу. Чукчи полѣзутъ доставать бисерки, да и попадутъ въ пасть. Хозяинъ-то придетъ смотрѣть пасть.

— То чего, кака мечта лежитъ? Еще живой...

А онъ по-русски будто и говоритъ:—Эй, котора топора шита та, бита та!—Отпустить будто проситъ. Ну у нашего чего въ рукахъ топоръ или ножикъ, тѣмъ и благословитъ. Такъ извелись современомъ и всѣ.

А на Анадырской сторонѣ какое многолюдство було, тоже чукчи все исплѣнили. Вотъ булъ городъ, а въ городу осенью люди живутъ. Какъ вечеръ придетъ, воронье то и слетается, такъ и куркатъ, такъ и куркатъ [1]). Вотъ старушки выходятъ, старички.— Эй, робяты! —говорятъ.— Къ чему же воронье куркатъ, видно опять чукчи придти хотятъ, насъ погромить хотятъ.—Ну, кто вѣритъ, кто и не вѣритъ. Вотъ взаболь [2]) на утренней зарѣ и пришли, на сонныхъ напали, всѣхъ и перебили. Бабъ-то поплѣнили. Одна була, у ней булъ титешной робенокъ, она и убѣгла и робенка унесла на рукѣ. Бѣгла, бѣгла, слышитъ погонь за собой; обернулась, гонятъ ее двѣ санки. Какъ обернулась, одинъ отъ и стрѣлилъ, да робенка-то и угодилъ, ну и убилъ. Она упала на робенка, стала воять. Они ін схватили, да понесли. Только понесли, ножикъ у ней булъ, выдернула его, самое себя зарѣзала. Троихъ бабъ чукчи унесли. Одна-то—по дорогѣ яръ у рѣки обвалился — подъ яръ залѣзала само въ глубину. Такъ вѣдь сколько копьями ни кололи, всю парченку [3]) испрокололи, а туту-то не могли угодить. Цѣлыя сутки тутъ прожили доставали ін, да не могли достать, съ тѣмъ и попустились. Ну какъ они уѣхали, она вышла, пошла напрямь, туда, гдѣ знала людей. А двухъ-то совсѣмъ увезли. Мужевья-то у нихъ були въ отлучкѣ, оба богатые. Вотъ воротились, бабъ нѣту, давай собирать выкупъ. Понакупили табаки [4]), а тѣ чукчи були на острову за промусломъ. Сѣли въ карбасъ, погребли. Гребли, гребли, пріѣхали на островъ. Одна баба, какъ увидѣла мужа, такъ и за слёзы, другая отъ роду, безо вниманія. А между тѣмъ у обѣихъ но титешному робенку. Стали выкупать: такъ да сякъ, по сумѣ ли, какъ ли, на выкупъ и дали.

[1]) Куркать—каркать.
[2]) Взаболь—дѣйствительно.
[3]) Парка—женская верхняя одежда.
[4]) Табаки—пачки табаку. Онѣ складываются въ трехпудовыя вьючныя сумы.

— Бабъ то, говорятъ, отдадимъ, а ребятъ не отдадимъ.

Вотъ посадили бабъ въ карбасъ, повезли. Такъ мужевья стоятъ на берегу, ребятъ на рукахъ держатъ. Какъ отгребли, первый-то и завоялъ, такъ себя по бедрамъ и хлопнулъ.— Ахъ, говоритъ, я дуракъ! На табакъ полстился, а бабы лишился. Другу таку, а гдѣ наживу?

А другой только молчитъ, ничего ему...—Слушай, мамука!... Друга-то баба вѣдь трижды бѣгала къ чукчѣ своему, трижды ее ворачивали. Третій разъ убѣжала, да такъ и пропала безъ вѣсти. То есть чукчи ее въ свою вѣру перешаманили [1]).

Анадырской отъ городъ весь раззорили, церковь изломали и крестъ на воду спустили, стойкомъ поплылъ. Отчего старики-то говорили, «что Анадыръ еще возновится» и правда—вотъ теперь возновился. А тогда какй були пелены, утвари, все сюда назадъ вывезли! А городъ отъ зорили, какъ вѣдь уродовали юколу [2]), рыбу, кака была, всю на дворъ вынесли, измячкали. Фляги со жиромъ вынесли, вылили на землю, а пустыя фляги побросали, всю ѣдушку изничтожили. Потомъ люди, которые живые остались, цѣльну зиму голодомъ ходили.

---

6) Преданіе обрусѣлыхъ юкагировъ о нападеніи чукочъ на юкагирскіе поселки на устьѣ р. Омолона.

(Разсказано омолонскимъ юкагиромъ Василіемъ Востряковымъ въ деревнѣ Колымской въ 1895 году).

Лѣтъ за сто було. Пришли чукчи въ байдарахъ. Русски деревни погромили. На Погромномъ крестъ стоялъ, и того всего копьями испрокололи. Потомъ къ намъ пошли на Омолонъ. Байдары-то на берегу покинули. Стали горой обходить. Одна старушка вышла, слышитъ. Это по вороньему кричатъ, перекликаются. Смотритъ, а тамъ копья блестятъ на ратовьяхъ. Сказала людамъ. Жители сейчасъ это всю ѣду, припасы, юколы собрали, на корбасья склали, достальны-то корбасья продыроватили, глиной замазали, на берегу покинули. Сами уплыли въ Омолонъ. Пришли чукчи, видятъ: никто нѣту, корбасья на берегу стоятъ, сѣли въ корбасья, погребли; другіе-то къ байдарамъ вернулись, на нихъ выплыли. Тѣ, что на корбасьяхъ, тутъ потонули, а байдары въѣхали въ Омолонъ; на рѣкѣ-то у насъ быстерь, борозду [3]) не знаютъ, всѣхъ поoприкидывало. Тутъ они и потонули всѣ.

В. Богоразъ.

---

[1]) Русскіе утверждаютъ, что чукчи при помощи шаманства приворачиваютъ къ своей вѣрѣ сердца женщинъ, попавшихъ къ нимъ въ замужество.

[2]) Особый родъ вяленой рыбы.

[3]) Борозда—фарватеръ.

Нагайбаки

(Крещеные татары Оренбургской губерніи).

Очеркъ.

Между многочисленными инородцами, населяющими Оренбургскую губернію, обитаютъ нагайбаки, крещеные татары.

Въ 1842 году, въ виду усиленія района по такъ назыв. новой линіи крѣпостей въ Оренбургскомъ краѣ, были переселены казаки 3-го и 5-го кантоновъ, въ количествѣ 2877 душъ мужского пола. Изъ нихъ первые нагайбаки, станицы Бакалинской и Нагайбацкой [1]), въ числѣ 1250 человѣкъ, основали между старой и новой линіями поселки: Кассель, Остроленко, Ферелампенуазъ, Парижъ, Требій, Краснокаменскъ и позже Астафьевскій въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи.

Нагайбаки [2]) зачислены въ казаки на основаніи Высочайшаго указа, даннаго на имя статскаго совѣтника Кириллова, 11 февраля 1736 года. Между ними до сего времени сохранилось преданіе, что они потомки арскихъ татаръ, крещенныхъ Іоанномъ Грознымъ, будто бы насильно, по завоеваніи имъ Казани.

Между тѣмъ документъ, сообщенный намъ однимъ изъ нагайбаковъ, передаетъ объ этомъ такъ: «Казань взята царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ 1-го октября 1552 года, тогда и ногаи окрестились, записались въ подушный окладъ и переселились на свободныя башкирскія земли въ Уфимской губерніи, гдѣ нынѣ Мензелинскій и Белебеевскій уѣзды. А какъ новокрещеные претерпѣвали отъ воровъ-башкирцевъ многое раззореніе, во время башкирскаго бунта 1735—1740 г., и при многихъ баталіяхъ оказали себя ревностными воинами за что, по именному указу Государыни Императрицы Анны Іоановны, изъ ясака исключены и служивыми быть опредѣлены и Ея Императорскимъ Величествомъ пожалованы за ихъ усердную службу и за

[1]) Нынѣ два села Белебеевскаго уѣзда—Бакала и Нагайбакъ.
[2]) Старикова, Откуда взялись казаки. 1884 г.

перенесенное раззореніе отъ воровъ-башкирцевъ вмѣсто жалованья землею, съ тѣмъ, чтобы они поселились на оставшихся пустыми послѣ бунтовавшихъ башкиръ земляхъ и именовались бы нагайбацкими казаками и построили бы въ селѣ Бакалахъ и Нагайбакѣ двѣ деревянныя церкви на свое иждивеніе». Въ числѣ крестившихся нагайбаковъ были татарскіе мурзы, которые послѣ крещенія удалились въ теперешнюю Уфимскую губернію и поселились въ селѣ Бакалы и деревнѣ Нагайбакъ [1]). Встарину на этомъ мѣстѣ жили нагаи, здѣсь же кочевалъ башкиръ Нагайбакъ, по имени котораго и самая деревня (юртъ) стала называться Нагайбацкой. Здѣсь же жили башкирскіе бунтовщики Кусюмъ и сынъ его Акай. Впослѣдствіи въ составъ нагайбаковъ вошли выходцы изъ киргизскаго плѣна, которые явились въ Оренбургъ, приняли крещеніе и затѣмъ были отправлены на жительство въ крѣпость Нагайбацкую и ея окрестности. Выходцы изъ киргизскаго плѣна, которые зачислялись въ составъ нагайбаковъ, принадлежали къ различнымъ племенамъ. Позже, въ царствованіе императрицы Екатерины II, сюда же были включены плѣнные турки, арабы (Агабашевъ—медвѣжья голова, Карабашевъ—черноголовый, Араповъ). Всѣ они слились впослѣдствіи съ нагайбаками и образовали какъ бы особое племя.

До 1736 г. нагайбаки платили ясакъ въ казну и особый оброкъ башкирамъ за земли, которыми они пользовались. Въ этомъ году статскій совѣтникъ Кирилловъ, управлявшій Оренбургскимъ краемъ, на основаніи вышеприведеннаго Высочайшаго указа, записалъ нагайбаковъ въ казаки и отъ взысканія съ нихъ ясака освободилъ, а оброчныя земли отдалъ въ ихъ собственное владѣніе на 50 верстъ во всѣ стороны отъ ихъ мѣста жительства. Затѣмъ правительство обязало ихъ отправлять казачью службу наравнѣ съ прочими казаками Оренбургскаго края.

Всѣхъ нагайбаковъ въ вышеупомянутыхъ семи поселкахъ, по свѣдѣніямъ станичныхъ правленій, считается 5138 душъ обоего пола, изъ нихъ мужскаго 2551 и женскаго 2564.

Казачьи поселенія Оренбургскаго войска со времени своего образованія носили различныя наименованія. Первоначально они значились подъ «нумерами», позже они назывались выселками, хуторами. При введеніи общественнаго управленія въ войскѣ, когда были учреждены станичныя правленія и поселковыя, эти поселенія получили названія поселковыхъ.

Въ нагайбацкихъ поселкахъ можно встрѣтить и русскихъ, съ которыми нагайбаки живутъ въ согласіи. Сосѣдей же киргизовъ они не долюбливаютъ, хотя ѣздятъ къ нимъ пить кумысъ и ѣсть маханъ (мясо). Въ первыхъ сильно развито конокрадство, что немало препятствуетъ развитію здѣсь скотоводства.

[1]) Альметевы и Бектеевы ведутъ свой родъ отъ этихъ татарскихъ мурзъ.

Нагайбаки любятъ давать другъ другу прозвища. Фамиліи, какія они носятъ, произошли большею частью отъ татарскихъ именъ и названій, напр., Аптугановъ, Акмаметевъ, Айдагуловъ, Альметевъ, Бектемировъ, Дюскинъ, Ишимовъ и т. д.

Нагайбакъ росту средняго, съ соразмѣрными частями тѣла, сложенія крѣпкаго и къ физическому труду способенъ. Очертанія лицъ нагайбаковъ настолько разнообразны, что не представляютъ общаго типа; за малымъ исключеніемъ они напоминаютъ великоросса.

Жилище и его принадлежности. Дома нагайбаковъ деревянные, незатѣйливой архитектуры и по наружному виду довольно опрятны; состоятъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ холодными сѣнями. Кухня выходитъ во дворъ; передъ сѣнями устраивается крытое крылечко, съ одной стороны котораго привѣшивается умывальникъ. Войдя въ кухню, вы увидите въ одномъ углу большую, глинобитную русскую печь, съ боку въ ней вмазывается чугунный котелъ (казанъ), въ которомъ варится ежедневная пища; противъ печи устраиваются нары (широкія скамейки), замѣняющія собой кровать. Въ лѣтнее время обѣдъ приготавливается на дворѣ, для чего гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ устраивается печь съ казаномъ. Вдоль стѣны кухни тянутся широкія лавки, составляющія вмѣстѣ со скамьею и столомъ всю мебель кухни; впрочемъ у стѣны около печи помѣщается залавокъ, придѣланный къ стѣнѣ, это родъ стола, внутри котораго сдѣланы полки, гдѣ хранятся съѣстные припасы и посуда. На залавкѣ хозяйка приготовляетъ кушанья.

Горница во многомъ отличается отъ кухни: на стѣнахъ красуются различныя картинки, представляющія замѣчательныхъ бывшихъ и современныхъ военныхъ дѣятелей, портреты Государя Императора и Императрицы. Въ углу около двери помѣщается бѣлая, какъ снѣгъ, голландская печь съ карнизами. Если въ домѣ есть сноха, то постель ея со множествомъ пуховиковъ и подушекъ помѣщается въ этой же горницѣ. Между оконъ на стѣнѣ помѣщается небольшое зеркало, задрапированное вышитымъ полотенцемъ. Въ праздники или когда соберутся гости, горница представляетъ изъ себя какъ бы домашнюю выставку: по стѣнамъ развѣшиваются лучшія полотенца, вышитыя чернымъ и краснымъ шелками (вышивки свидѣтельствуютъ объ изящномъ вкусѣ и искусствѣ нагайбачекъ), вывѣшиваются также лучшія праздничныя одежды. Изъ иконъ особенно уважаемы Николая Чуд., Спасителя и Божіей Матери. Вообще въ домѣ нагайбаковъ царятъ чистота и аккуратность, въ противоположность другимъ инородцамъ, окружающимъ ихъ. Надворныхъ построекъ много. Скотъ во все время дня находится на «кардѣ», а вечеромъ пригоняется во дворъ.

Одежда мужчинъ нагайбаковъ не имѣетъ въ себѣ ничего характернаго; зимою въ праздничные дни носятъ овчинный, крытый сукномъ или другой матеріей, тулупъ съ чернымъ мерлушковымъ воротникомъ, а подъ нимъ короткое военное пальто (тужурка) или пиджакъ. На головѣ они носятъ черныя мерлушчатыя шапки, на шеѣ пуховые шарфы. Обувь различная—по сезону: зимой надѣваютъ пимы, лѣтомъ сапоги, въ рабочее время лапти. Лѣтомъ богатые одѣваются въ военное казачье пальто изъ черминецкаго сукна, а то изъ камлота. На голову надѣваютъ фуражку съ кокардой. Одежда женщинъ представляетъ нѣкоторыя особенности. Рубашки носятъ татарскаго покроя изъ краснаго или синяго холста собственнаго издѣлія. Къ подолу пришиваются двѣ цвѣтныя оборки. Поверхъ рубашки надѣвается «жиланъ», шелковый или шерстяной, это родъ камзола съ рукавами или безъ рукавовъ. Передникъ служитъ дополненіемъ всего туалета. Праздничныя рубашки шьютъ изъ ситцу. Дѣвушки на головѣ носятъ бѣлый колпакъ съ серебряной бахрамой, ниспадающей до самыхъ бровей; впрочемъ, онъ уже выходитъ изъ употребленія и замѣняется обыкновеннымъ платкомъ. Вообще одежда нагайбачекъ утрачиваетъ постепенно свою самобытность, по той причинѣ, что нагайбаки смѣшаны съ русскими; тамъ же, гдѣ они живутъ особнякомъ, одежда сохранилась прежняя.

По выходѣ замужъ, женщина надѣваетъ «сурака», это нѣчто въ родѣ русскаго кокошника, сплошь вышитый золотомъ; поверхъ сурака надѣвается круглый вышитый платокъ съ бахрамой. Одно время мѣстное начальство запрещало носить этотъ головной уборъ, находя его почему-то безобразнымъ, но со стороны нагайбачекъ послѣдовалъ резонный протестъ; болѣе упорныя старушки носятъ сурака и до сего времени. Остальная верхняя одежда нагайбацкихъ женщинъ та же, что и у русскихъ. Изъ украшеній, кромѣ колецъ, серегъ [1]) и браслетовъ, онѣ носятъ ожерелья и нагрудники, сплошь унизанные крупными серебряными монетами стараго чекана, а дѣвушки надѣваютъ еще чашь-кабы—это длинная лента, шириною въ два вершка, унизанная, какъ и нагрудникъ, монетами; она покрываетъ всю косу. Въ общемъ нарядъ этотъ довольно красивъ и оригиналенъ.

Пища нагайбаковъ какъ въ праздники, такъ и въ будни не отличается особенно отъ пищи русскихъ. Національное же и самое любимое кушанье ихъ «каймак» приготавливается слѣдующимъ образомъ: надоенное коровье молоко вечеромъ нагайбачка процѣживаетъ въ деревянныя ведра и оставляетъ въ нихъ до утра. Утромъ парное молоко смѣшиваетъ съ вечернимъ и выливаетъ въ казанъ (котелъ). Какъ только казанъ закипитъ, нагайбачка разливаетъ изъ

[1]) До переселенія серьги носили также мужчины.

него молоко въ деревянныя ведра и подвѣшиваетъ ихъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ. Къ слѣдующему утру молоко отстаивается въ видѣ толстой пѣны— это и есть каймакъ. Сюда же еще можно отнести чухонское масло, перемѣшанное съ фруктами, творогомъ и даже медомъ (замораживается). Въ общемъ нагайбаки любятъ смѣсь жирнаго съ сладкимъ. Пища во время угощенія гостей поражаетъ своимъ обиліемъ и разнообразіемъ, причемъ надлежащаго порядка при подаваніи блюдъ не соблюдается; такъ, напримѣръ, первымъ блюдомъ подается компотъ, а къ концу обѣда жирный супъ съ гусятиной, бараниной или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Изъ напитковъ болѣе всего употребителенъ квашеный медъ. Пьянство не сильно развито.

Бытъ и занятія. На земледѣліи и скотоводствѣ зиждется все благосостояніе нагайбака. Землею онъ пользуется на казачьихъ правахъ, и на каждаго изъ нихъ полагается по 30 десятинъ земли. Для посѣва землю не удобряютъ, искусственнаго орошенія не производится: «Богъ не дастъ урожая, такъ ничто не поможетъ», разсуждаетъ нагайбакъ, вслѣдствіе чего нерѣдко гибнетъ хлѣбъ отъ засухи, кобылки; ранніе морозы, которые начинаются здѣсь съ 15 августа, также немало способствуютъ этому. Развитію скотоводства много препятствуетъ бичъ Оренбургскаго края — конокрадство, практикуемое киргизами; но несмотря на это, каждый домохозяинъ старается развести какъ можно больше головъ скота; пастбища въ распоряженіи нагайбаковъ великолѣпныя. Огородничество за малымъ исключеніемъ не развито. Войсковое начальство взяло теперь на себя трудъ ввести послѣднее. О садоводствѣ не имѣютъ понятія, да оно и безполезно при здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Звѣроловство ограничивается охотою на волковъ, лисицъ, зайцевъ и корсаковъ: на него смотрятъ скорѣе не какъ на промыселъ, а какъ на забаву. Нагайбаки ведутъ обширное хозяйство, несмотря на то, что военная служба постоянно отвлекаетъ ихъ отъ дома; кромѣ того для нихъ слишкомъ обременительна подводная повинность, т. е. обязанность безплатно доставлять лошадей для проѣзда военныхъ чиновъ. Обмундировывается казакъ на свой счетъ. Жизнь его исполнена постоянныхъ трудовъ и заботъ, особенно въ лѣтнее рабочее время; онъ вѣчный труженикъ; лѣтомъ отъ зари до зари онъ на работѣ, дорожа не только днемъ, но и часомъ. Сельскохозяйственные продукты сбываются въ ближайшихъ уѣздныхъ городахъ.

Семейные нравы, обычаи и другія племенныя черты. Женщины у нагайбаковъ находились прежде почти въ состояніи рабства, хотя и не въ такой степени, какъ у киргизовъ и татаръ; такъ, напримѣръ, невѣстка должна была надѣвать и снимать обувь всѣмъ домашнимъ. Теперь же, благодаря проникшему къ нимъ просвѣщенію, женщины пользуются уваженіемъ.

Въ полевыхъ работахъ и дома по хозяйству она не уступаетъ мужчинѣ въ силѣ и трудолюбіи. Женившись, братья долго вмѣстѣ не живутъ,—отдѣляются и заводятъ свое хозяйство. Женится нагайбакъ довольно рано, не выходя однакожъ изъ предѣловъ законнаго возраста. Выбираетъ молодой человѣкъ невѣсту самъ, чему родители нисколько не препятствуютъ.

Прежде у нихъ былъ обычай похищенія невѣстъ. Дѣвушка никуда безъ провожатаго выйти не могла, потому что ее выслѣживали и ждали удобнаго случая, чтобы схватить и увести ее. Если родители въ тотъ же моментъ догадывались о случившемся, бросались въ погоню и отнимали дѣвушку. Позже сами дѣвушки убѣгали, условившись предварительно съ женихомъ или сообщали секретно свое намѣреніе родителямъ; но всѣ эти обычаи, лѣтъ съ 50, какъ уже исчезли. Въ настоящее время молодой человѣкъ, полюбивъ дѣвушку, старается прежде всего достигнуть ея взаимности и, въ случаѣ успѣха, заявляетъ своимъ родителямъ о желаніи жениться. Послѣдніе выбираютъ свата или сваху и посылаютъ въ домъ избранной дѣвушки. Придя къ родителямъ дѣвушки, сваха повелительнымъ тономъ восклицаетъ: «посадите меня на подушки, подъ ноги дайте пенекъ». По этимъ словамъ уже узнаютъ о цѣли ея визита, и желаніе ея немедленно удовлетворяется. Затѣмъ, сваха начинаетъ перечислять достоинства жениха и приэтомъ незамѣтнымъ образомъ распарываетъ подъ собой подушку; это продѣлывается для того, чтобы невѣста скорѣе соглашалась. Отецъ семейства благодаритъ за вниманіе, оказанное его дочери, и на первый разъ отказываетъ свахѣ, ссылаясь на какія-либо обстоятельства, оправдывающія его отказъ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ дѣло улаживается, и отецъ проситъ къ себѣ родителей жениха, чтобы условиться относительно калыма (плата за невѣсту) и подарковъ (съ жениховой стороны). Въ день бракосочетанія, женихъ, въ сопровожденіи своей матери, свахи и шафера, отправляется въ домъ невѣсты. При входѣ въ избу, онъ дальше «матицы» не долженъ проходить. Будущая теща встрѣчаетъ его и усаживаетъ на подушку [1]), причемъ обѣщаетъ подарить овцу или жеребенка; затѣмъ, ставитъ на столъ большую кадку съ масломъ, беретъ оттуда масла и мажетъ ему голову, приговаривая: «будь такъ же сладокъ и мягокъ для своей жены, какъ сладко и мягко это масло». Вслѣдъ за симъ на столъ подается каша, и родители невѣсты требуютъ калыма, или, иначе говоря, выкупа за невѣсту, и уже по полученіи его ѣдятъ кашу. Женихъ разливаетъ вино, привезенное имъ, и угощаетъ подругъ невѣсты. Послѣ обѣда вся эта веселая компанія, во главѣ съ женихомъ и невѣстой, отправляется съ пѣснями кататься по поселку. По возвращеніи домой, начинается пригото-

[1]) Знакъ особой почести.

товленіе невѣсты къ вѣнцу. Родители благословляютъ дочь и ея нареченнаго жениха. Во время совершенія бракосочетанія, новобрачные незамѣтно спускаютъ себѣ подъ ноги по серебряной монетѣ, желая этимъ обезпечить за собой въ будущемъ супружескую любовь. Изъ церкви молодыхъ встрѣчаютъ на дворѣ съ иконой и хлѣбомъ-солью, при этомъ всѣ присутствующіе на свадьбѣ становятся въ одинъ рядъ. Получивъ отъ родителей благословеніе, молодые отвѣдываютъ хлѣба (за все это время новобрачная стоитъ съ покрытой головой). Послѣ этого заранѣе приглашенный мальчикъ подходитъ къ новобрачной и брenчитъ передъ ней три раза уздой; новобрачная каждый разъ дотрагивается до узды рукой и даритъ затѣмъ мальчику полотенце; всѣ входятъ въ домъ, молодые проходятъ за перегородку [1]). Провожатая невѣсты призываетъ маленькаго мальчика и, давъ ему въ обѣ руки стрѣлы (охотничьи), беретъ его за руки и открываетъ такимъ образомъ лицо молодушки, закрытое шалью, спрашивая: «такъ ли?» Отвѣтивъ сама же: «не такъ!», она снова закрываетъ лицо новобрачной и, продѣлавъ это до трехъ разъ, говоритъ наконецъ: «такъ?» и окончательно открываетъ лицо молодушки, послѣ чего послѣдняя уже не закрывается. Тутъ же подходятъ поздравлять молодыхъ и дарятъ молодую деньгами. По выполненіи всѣхъ этихъ обрядовъ, начинаютъ пировать. Тѣмъ временемъ виновница торжества, въ сопровожденіи другихъ женщинъ—родственницъ мужа, отправляется на рѣку, какъ бы узнать, куда ходятъ за водой. Зачерпнувъ воды, она возвращается домой и этой водой, называемой у нагайбаковъ «сытой», поитъ всѣхъ гостей, которые снова дарятъ ей деньги. По окончаніи пира, когда гости собираются расходиться по домамъ, новобрачные, а также сестры и братья молодого нарочно задерживаютъ ихъ; гости же, не желая долѣе оставаться, откупаются деньгами.

Приданое невѣсты привозится черезъ нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ спустя послѣ вѣнчанія, такъ что молодые до этого времени пользуются обстановкой своихъ родителей. Приданое привозится въ Покровъ Пр. Богородицы, въ Троицынъ день или вообще въ большіе праздники; тогда только и начинается торжество, а все вышесказанное еще не есть свадьба.

Въ означенный день, по приглашенію родителей невѣсты, родственники и гости начинаютъ съѣзжаться въ лучшихъ повозкахъ, и затѣмъ весь поѣздъ распредѣляется такъ: впереди ѣдетъ «аргышъ» (вожакъ), за нимъ везутъ постель молодушки и все приданое, вслѣдъ за ними ѣдетъ деверь ея съ женой и т. д. На постель сажаютъ двухъ мальчиковъ. На встрѣчу этому поѣзду въ домѣ свата выходятъ съ хлѣбомъ-солью и пивомъ. Затѣмъ, шаферъ жениха начинаетъ торговать постель у мальчиковъ, сидящихъ на ней; по-

[1]) Входя въ домъ, новобрачная вѣшаетъ на гвоздь полотенце, желая обрѣсти здѣсь счастье.

слѣдніе запрашиваютъ нѣсколько тысячъ рублей, торгуются и, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ соглашаются на нѣсколькихъ копѣйкахъ. Все приданое вносятъ въ домъ. За столъ гости садятся по старшинству. Въ это время старшая невѣстка развѣшиваетъ въ комнатѣ полотенца, занавѣски молодой, при чемъ проситъ дать ей серебряные и мѣдные гвозди и получаетъ деньгами. Послѣ этого всѣмъ родственникамъ молодого раздаются подарки. На другой день всѣ бывшіе на свадьбѣ зазываютъ къ себѣ молодыхъ и дарятъ имъ домашнихъ животныхъ. Затѣмъ гости опять приглашаются въ домъ тестя, послѣ чего начинаютъ ходить изъ дома въ домъ по очереди другъ къ другу, и пиръ шумный, веселый, въ казачьемъ духѣ, продолжается еще нѣсколько дней. Нигдѣ, кажется, не уничтожается столько водки, сколько здѣсь на свадьбѣ: у бѣдныхъ отъ 5 до 10 ведеръ, у богатыхъ отъ 10—20 ведеръ.

Дѣтей своихъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, нагайбаки отдаютъ въ школы, гдѣ преподаются слѣдующіе предметы: Законъ Божій, чтеніе и письмо, ариѳметика и для мальчиковъ строевая часть. Наряду съ строевымъ образованіемъ они обучаются военнымъ пѣснямъ; имъ также разсказываютъ событія изъ боевой жизни. Учителя изъ мѣстныхъ нагайбаковъ или присылаются изъ татарской учительской или крещено-татарской школы въ Казани. Главный интересъ школы состоитъ въ обученіи дѣтей русскому языку. Съ дѣтьми нагайбаки ласковы, а тѣ, въ свою очередь, уважаютъ своихъ родителей.

На службѣ и въ частной жизни нагайбаки отличаются неподкупной честностью и покорностью властямъ. Они преданы царю, и это вошло въ сознаніе каждаго изъ нихъ. На войнѣ отличаются храбростью, что видно изъ того, что между ними много георгіевскихъ кавалеровъ. Нагайбакъ рѣдко измѣняетъ данному слову. Въ общемъ онъ способенъ, понятливъ, темперамента хотя и горячаго, но отъ природы добръ и уступчивъ; въ основѣ его характера—мягкость, гибкость; онъ не мстителенъ, но постоять за свою честь въ случаѣ надобности умѣетъ; въ нагайбакѣ, повидимому, простоватомъ, кроется неукротимая воля и сильная энергія. Отличительная же черта въ характерѣ женщинъ—скромность; большинство изъ нихъ очень застѣнчивы.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ молодежь обоего пола предается разнаго рода играмъ и забавамъ; въ вечернее время поетъ пѣсни, водитъ игры и хороводы. Съ наступленіемъ осеннихъ темныхъ вечеровъ хороводы и игры прекращаются, на смѣну имъ являются «вечерки», куда дѣвушки собираются съ рукодѣліями. Сборнымъ мѣстомъ у нихъ бываетъ домъ какой-нибудь бѣдной вдовы или бездѣтной старушки. Сюда являются молодые парни, прошеные и непрошеные, повеселиться.

Дѣвушки на рождественскихъ святкахъ гадаютъ; болѣе всего употре-

бителенъ слѣдующій родъ гаданія: изъ собравшейся молодежи выбираютъ двухъ дѣвицъ, наблюдая притомъ, чтобы онѣ были младшими въ семьѣ, и чтобы родители ихъ были живы; затѣмъ, отправляютъ ихъ на рѣку за водой. Почерпнувъ воды, онѣ опускаютъ въ ведро мѣдную монету: если она ляжетъ на днѣ орломъ вверхъ, значитъ, урожай хлѣба въ предстоящемъ году будетъ хорошій. Потомъ принесенную воду ставятъ на столъ, и каждая изъ дѣвушекъ, загадывая что-нибудь про себя, опускаетъ въ ведро перстень; затѣмъ, одна изъ дѣвицъ начинаетъ разбалтывать рукой воду и поетъ короткій куплетъ святочной пѣсни [1]); пропѣвъ, она вынимаетъ изъ ведра перстень и отдаетъ обладательницѣ его; послѣдняя, по смыслу пропѣтаго куплета, уже догадывается объ ожидающей ее судьбѣ. Гаданіе это продолжается до полночи.

Масляница —самый разгульный зимній праздникъ, и въ немъ участвуютъ всѣ безъ различія пола и возраста. Молодежь катается по поселку съ пѣснями, причемъ поютъ очень протяжно и ѣздятъ шагомъ. Затѣмъ, они собираются на площадь и сваливаютъ другъ друга на снѣгъ; игра эта продолжается всю масляницу.

Случаевъ, когда нагайбаки устраиваютъ попойки, много, но самые выдающіеся изъ нихъ: свадьбы, крестины, храмовые праздники, проводы казака на службу и весеннія скачки.

Проводы казаковъ-нагайбаковъ на службу сопровождаются особыми обрядами. Казакъ, отправляющійся на службу, въ самый день отъѣзда ставитъ передъ иконами свѣчку, затѣмъ беретъ цѣлый коровай хлѣба и, срѣзавъ горбушку, отдаетъ ее семейнымъ, а себѣ отдѣляетъ небольшой ломтикъ и тутъ же съѣдаетъ его; горбушка же должна сохраняться его семейными въ особомъ сундукѣ до возвращенія казака со службы. Съѣвъ ломтикъ хлѣба, казакъ кладетъ передъ иконами три земныхъ поклона, потомъ кланяется въ ноги отцу, матери и другимъ старшимъ членамъ семьи. Всѣ выходятъ во дворъ, затѣмъ казакъ три раза кланяется въ ноги своему коню, боевому товарищу по службѣ; потомъ, перекрестясь, садится на него и при выѣздѣ со двора три раза ударяетъ нагайкой о ворота. На улицѣ онъ слѣзаетъ съ лошади и прощается съ родными и знакомыми, которые тѣсно обступаютъ его съ пожеланіемъ благополучнаго возврата домой. Наконецъ, казакъ беретъ за поводъ лошадь и идетъ съ ней за околицу, и съ нимъ вмѣстѣ и вся остальная толпа. Дѣвушки поютъ ему при этомъ прощальную пѣсню. Приводимъ ее въ переводѣ.

1.

Пришло время вспрыгнуть на коней,
Вотъ виднѣется Гунбейская переправа:

---

[1]) Нѣкоторыя дѣвушки знаютъ около сотни этихъ пѣсенъ.

Таковы ужъ дѣла и обстоятельства моего сына,
Что ему надлежитъ уйти, покинувъ свою родину!..

2.

На вершинѣ Біекейской горы
Лежатъ блистая драгоцѣнные камни...
Лебеди летятъ, но не достигаютъ того мѣста,
Куда уходятъ, говорятъ, казацкія головы (т. е. казаки).

3.

Луна—наверху, мы—внизу.
Развѣ можно догнать луну?
Ужъ не поѣхать-ли намъ вмѣстѣ, вмѣстѣ!
Что мы станемъ дѣлать въ разлукѣ?

Проводы эти имѣютъ видъ довольно торжественный.

Великій праздникъ Пасхи ознаменовывается скачками и джигитовкой. Въ послѣдней участіе принимаютъ не только молодые парни, но и подростки. Джигитовать—значитъ дѣлать всевозможныя эволюціи на лошади: джигитъ становится на перекинутыя крестъ-на-крестъ стремена и скачетъ стоя, скачетъ кверху ногами, держась руками за стремена или за сѣдло или виситъ на одной сторонѣ лошади, стараясь на полномъ карьерѣ поднять съ земли какой-нибудь предметъ. Посадка нагайбака на лошади чрезвычайно красива, какъ и у всѣхъ казаковъ вообще; нагайбакъ ѣздитъ на коротвихъ стременахъ; на рыси онъ становится на стремена и такъ низко наклоняется иногда, что голова его почти касается шеи лошади; но когда ѣдетъ шагомъ или галопомъ, составляющимъ обыкновенный аллюръ, онъ держится прямо.

Къ рыцарскимъ упражненіямъ нагайбаковъ можно еще отнести борьбу: при многочисленной толпѣ зрителей двое изъ присутствующихъ выходятъ на середину, снимаютъ верхнюю одежду, затѣмъ обхватываютъ другъ друга, пригибаются къ землѣ то въ ту, то въ другую сторону, стараясь притомъ повалить противника на землю. Зрители между тѣмъ подзадариваютъ борящихся, выражаютъ одобреніе или осыпаютъ насмѣшками, приходя сами въ то же время въ сильное возбужденіе. Наконецъ, одинъ изъ борящихся, при общемъ хохотѣ окружающихъ, сконфуженный, падаетъ на землю. Поднимается шумъ, восклицанія, слышатся упреки, одобренія и бой оканчивается.

Въ свободное время нагайбаки сидятъ группами на завалинкахъ; женщины всегда съ рукодѣліемъ. Отдѣльно отъ нихъ ведутъ бесѣду сѣдобородые старички и, покуривая коротенькія трубки, вспоминаютъ про былые походы. Въ поселковомъ правленіи часто у казаковъ-нагайбаковъ бываютъ сходки, гдѣ предсѣдательствуетъ поселковый атаманъ. На сходкѣ атаманъ объявляетъ

распоряженія начальства относительно чьей-либо жалобы или дѣлежа луговъ или же рѣшаютъ свои частныя дѣла. Въ поселковомъ правленіи и внѣ оффиціальной сходки всегда бываетъ толпа народа: это для нихъ клубъ своего рода; здѣсь ведутся оживленные споры о чемъ-нибудь, долетаютъ сюда и газетныя новости, причемъ къ новостямъ политическимъ выказывается особенный интересъ.

Въ нагайбакахъ сильно развито гостепріимство и простирается оно на всѣхъ, кромѣ прожорливыхъ киргизовъ. «Если посадить его за столъ, онъ и салфетки всѣ съѣстъ», говорятъ они про него, и, кажется, не ошибаются. Какъ только въ избу зашелъ «кунакъ» (гость), нагайбачка тотчасъ накрываетъ столъ скатертью и ставитъ на него хлѣбъ съ каймакомъ. Гости за столомъ сидятъ чинно, похваливаютъ поданныя кушанія и много не ѣдятъ. Женщины церемонятся больше всего. Прежде былъ обычай, вставъ изъ-за стола, отдавать хозяевамъ по низкому поклону; теперь обычай этотъ утратился.

Въ нагайбакахъ развито и эстетическое чувство, и они не лишены поэтическаго дара. Любимый изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ гусли, на которыхъ они играютъ артистически. Характеръ ихъ пѣсенъ большею частью заунывный; въ нихъ слышится тоска по утраченной милой родинѣ, откуда они были переселены. Въ этихъ пѣсняхъ напрасно искать возвышенныхъ мыслей, выраженныхъ въ изящной формѣ. Нагайбакъ плохо знаетъ свой языкъ, которому никогда правильно не обучался. Главную роль въ его стихахъ играетъ рифма, и, сочиняя пѣсню, онъ больше имѣетъ въ виду приготовленную заранѣе мелодію. Въ пѣсняхъ больше всего воспѣваютъ любовь и природу.

Содержаніе же сказокъ нагайбаковъ наивно-пошлое. Приведемъ одинъ образчикъ изъ ихъ анекдотовъ: «Жили были мужъ да жена. Мужъ занимался ловлею рыбы, а жена ничего не дѣлала и крайне была лѣнива. Мужъ, наловивъ рыбы, приносилъ домой и отдавалъ женѣ чистить; она же, чтобы свалить съ себя эту обязанность, отдавала чистить кошкѣ; та каждый день рыбу съѣдала, а хозяйка терялась въ догадкахъ,—куда дѣвается рыба. Наконецъ, мужъ, выйдя изъ терпѣнія, взялъ прутъ и сталъ лупить кошку; послѣдняя бросилась къ хозяйкѣ и начала ей царапать руки.—Отпустимъ ее, говоритъ жена. — А зачѣмъ она съѣдаетъ рыбу, вѣдь я не для нея тружусь—отвѣчаетъ мужъ. И каждый разъ, какъ онъ начинаетъ бить кошку, она исцарапываетъ руку хозяйки до крови. «Э! подумала она, что же я сама до сихъ поръ не чистила рыбу», и просила мужа не бить кошку. И съ той поры хозяйка уже всегда сама чистила рыбу».

Татарскій языкъ, на которомъ нагайбаки говорятъ, не литературный, а народный, употребляющійся только для выраженія житейскихъ нуждъ. Чужихъ

вліяній на ихъ нарѣчія не замѣтно. Манера говорить у нагайбаковъ очень живая.

Во время болѣзни нагайбаки обращаются къ фельдшерамъ, хотя и не особенно довѣряютъ имъ. Послѣдніе, обучаясь фельдшерскому искусству, преимущественно проходятъ научно-теоретическій курсъ по книгамъ и безъ практической подготовки назначаются въ станицы. Здѣсь, находясь по нѣскольку лѣтъ въ удаленіи отъ войскового врача, они не могутъ пріобрѣсти практическихъ познаній на столько, чтобы самостоятельно и съ успѣхомъ продолжать лѣченіе. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ является недовѣріе со стороны населенія къ раціональной медицинѣ. Эти же причины, въ связи съ природнымъ суевѣріемъ и невысокой степенью умственнаго развитія казачьяго населенія, заставляютъ его для излѣченія своихъ недуговъ обращаться большею частью къ знахарямъ и знахаркамъ, которые съ успѣхомъ отправляютъ своихъ паціентовъ прежде времени къ праотцамъ. Между прочимъ, если болѣзнь, по мнѣнію знахарки, произошла отъ прикосновенія бѣса, то она спрыскиваетъ больного водой, пошептавъ предварительно надъ ней; если отъ покойника—велитъ печь прѣсныя аладьи, а если болѣзнь причинилъ водяной, то въ рѣку спускаютъ щепотку крупы и соли. Но общеупотребительныя средства, какъ то: отвары ромашки, звѣробоя, богородской травы, репейнаго корня, а также нашатырь, синій купоросъ, мышьякъ, сулема здѣсь въ большомъ употребленіи. Кликушъ, или нервно больныхъ, между нагайбачками положительно никогда не бываетъ; надъ подобными больными изъ русскихъ онѣ даже смѣются.

Основаніемъ разныхъ предразсудковъ и суевѣрій въ здѣшнемъ населеніи служитъ, какъ и вездѣ, главнымъ образомъ невѣжество, а отсюда наклонность безсознательно вѣрить всякой небылицѣ, передаваемой изъ рода въ родъ за непреложную истину.

Лѣтъ сто тому назадъ у нагайбаковъ былъ слѣдующій обычай: въ одинъ изъ весеннихъ дней нагайбачка варила кашу, и въ тотъ день въ домѣ должны были царить миръ и спокойствіе; татаръ и русскихъ въ домѣ быть не должно. Затѣмъ, двѣ женщины, надѣвъ чистое бѣлье и положивъ кашу въ двѣ посуды, съ зажженой восковой свѣчой спускались въ подполъ и, кланяясь въ поясъ воображаемому домовому, просили его, чтобы онъ молился Богу за нихъ и чтобы самъ онъ отвратилъ отъ нихъ въ этомъ году всѣ бѣды. Сказавъ такую рѣчь, онѣ несли кашу обратно и семейные тутъ же ее съѣдали, причемъ молиться Богу послѣ стола въ этомъ случаѣ запрещалось. Затѣмъ въ эту же ночь нагайбачка съ кашей и прѣсными лепешками отправлялась на рѣку и, обращаясь къ рѣкѣ, вела слѣдующую рѣчь: «отецъ водяной и красавица водяная, примите отъ меня даръ сей и оградите домъ мой въ этомъ году отъ опасности»! Съ той же молитвой она обращалась

къ Богу и, поклонившись въ поясъ по направленію къ рѣкѣ, спускала принесенную кашу и лепешки въ воду. При возвращеніи домой, оглядываться нельзя. Все вышесказанное женщинами продѣлывалось съ благоговѣніемъ и тайно отъ другихъ. Точно такъ же нагайбачка входила съ кашей въ конюшню, гдѣ на привязи стояла лошадь, и опускала стряпню эту въ ясли; затѣмъ, поставивъ передъ блюдомъ свѣчку, низко кланялась и, шепча, къ кому-то обращаясь, молитвы, просила, чтобы скотъ въ этомъ году оставался цѣлъ и невредимъ и чтобы лошади были такъ же крѣпки, какъ сталь; при послѣднихъ словахъ, она гдѣ-нибудь въ углу конюшни зарывала кусочекъ стали и, опять низко кланяясь,—удалялась.

Нагайбаки вѣрятъ въ безсмертіе души, хотя яснаго представленія объ адѣ и раѣ не имѣютъ; впрочемъ, склонны представлять себѣ рай въ видѣ прекраснаго сада, а адъ, какъ огненное море, гдѣ во всевозможныхъ видахъ мучатся грѣшники. Подобному представленію о загробной жизни много способствуютъ лубочныя картины, такъ распространенныя у насъ на Руси.

Похороны совершаются по христіанскимъ обрядамъ. Причитать и выть по покойникѣ не принято и даже считается неприличнымъ; вообще въ характерѣ и поступкахъ нагайбака замѣтна большая выдержка. По окончаніи похоронъ, всѣ присутствующіе на нихъ приглашаются на поминки. За столомъ гости размѣщаются, какъ и всегда, по старшинству или по важности занимаемаго положенія въ обществѣ. Прежде всѣхъ блюдъ подаются холодные блины съ медомъ. Пить водку на поминкахъ считается предосудительнымъ. Вечеромъ, послѣ похоронъ, въ домъ умершаго приглашаются дѣвушки. Онѣ садятся около опустѣвшей постели умершаго и, какъ бы вспоминая его, поютъ заунывныя, плачевныя пѣсни. По праздникамъ, для поминовенія усопшаго на могилу его родственники приносятъ пищу; послѣдній обычай перенятъ, по всей вѣроятности, отъ русскихъ.

На умственное и религіозное состояніе нагайбаковъ имѣетъ вліяніе не столько жительство близъ русскихъ, сколько школа и церковь. Въ вѣрованіяхъ нагайбаковъ замѣтна смѣсь понятій языческихъ съ христіанскими [1]). Въ перечисленныхъ вначалѣ семи поселкахъ склонности къ магометанству не замѣтно, за исключеніемъ поселка Требій, о которомъ будетъ сказано дальше. Нагайбаки носятъ на груди крестъ, за столъ садятся не молясь, соблюдаютъ воскресные и праздничные дни, посѣщаютъ, хотя и не часто, церковь исполняютъ многіе христіанскіе обряды и въ то же время не соблюдаютъ постовъ, установленныхъ св. церковью. Ученіе христіанской вѣры нагайбаки мало понимаютъ и видятъ въ ней лишь одни внѣшніе обряды безъ пониманія ихъ духовнаго

¹) Нагайбаки, проживая въ Баканахъ, имѣли, должно быть, сношенія съ черемисами и чувашами.

смысла. Преданіе нагайбаковъ гласитъ, что они были крещены насильно, даже при содѣйствіи орудій пытки. Что они были крещены дѣйствительно поспѣшно, безъ руководителей, которые постепенно внушали бы имъ истины христіанской религіи—слишкомъ очевидно, а что касается орудій пытки, то это было въ духѣ временъ Іоанна Грознаго. Всякій знаетъ, какъ трудно склонить магометанина къ какой-либо вѣрѣ. Но что болѣе всего могло отталкивать нагайбаковъ отъ христіанства, такъ это не высокій нравственный уровень первыхъ проповѣдниковъ его въ нѣкоторыхъ поселкахъ. Когда эти пастыри церкви были замѣнены впослѣдствіи лучшими, незнаніе русскаго языка (въ особенности женщинами), съ одной стороны, и татарскаго, съ другой—послужило новымъ препятствіемъ къ ихъ сближенію съ обращаемыми въ христіанство. Индифферентное отношеніе нагайбаковъ къ вопросамъ непонимаемой ими религіи охлаждало первоначальный пылъ священниковъ, и пастыри и новокрещенные были чужды другъ къ другу. И до сихъ поръ нагайбаки разсказываютъ нѣкоторые курьезные случаи изъ того времени. Напр., робкая нагайбачка, идя къ исповѣди, не знала, зачѣмъ ее сюда позвали; затѣмъ, вопросы на ломанномъ татарскомъ языкѣ и наивные отвѣты нагайбачекъ обнаруживали полное непониманіе или значенія исповѣди.

Въ 1880 году нагайбаки впервые услышали, наконецъ, богослуженіе на татарскомъ языкѣ. Радостно встрепенулись они, услышавъ впервые на своемъ родномъ языкѣ содержаніе своей вѣры, обрядамъ которой они до сихъ поръ слѣдовали безсознательно, съ тупою покорностью. Интересъ религіозный между ними возбудился. Они увидали, наконецъ, что обряды и таинства имѣютъ глубокій смыслъ.

Около этого же времени въ школахъ и всюду стали являться въ большомъ количествѣ священныя книги, переведенныя на татарскій языкъ профессоромъ казанской духовной академіи Ильминскимъ. Грамотные изъ нагайбаковъ живо заинтересовались этими книгами, которыя стали переходить изъ рукъ въ руки; распространенію этихъ переводовъ много способствовали, конечно, ученики мѣстныхъ школъ.

Богослуженіе на татарскомъ языкѣ совершило чудо: то, чего не могли достигнуть въ три столѣтія, совершилось въ какія-нибудь 15 лѣтъ. Нагайбаки толпами идутъ въ церковь и прежняя, отображавшаяся скука на ихъ лицахъ во время богослуженія, замѣнилась теперь слезой умиленія.

Священниками теперь состоятъ уроженцы изъ нагайбаковъ и въ мѣстномъ населеніи пользуются большимъ уваженіемъ. Проповѣди въ церквахъ слушаются нагайбакскими христіанами съ напряженнымъ вниманіемъ, и каждый, придя домой, передаетъ смыслъ ея тѣмъ изъ членовъ семьи, которые по какимъ-либо обстоятельствамъ не могли быть въ церкви. Особенно привле-

кательно для нихъ пѣніе церковныхъ пѣсней на родномъ языкѣ. Пѣніе отличается стройностью, выдержанностью и производитъ сильное впечатлѣніе на молящихся.

Но все вышесказанное относится только къ тѣмъ поселкамъ, гдѣ есть церковь, и гдѣ богослуженіе совершается на татарскомъ языкѣ, а въ остальныхъ, гдѣ ничего подобнаго нѣтъ—все остается по прежнему.

Въ настоящее время одинъ только поселокъ Требій открыто отпалъ отъ христіанства: жители его объявили себя магометанами. Исключительную склонность Требійцевъ къ магометанству можно объяснить тѣмъ, что, проживая въ Белебеевскомъ уѣздѣ, они были окружены татарами. Кромѣ того, съ переходомъ въ христіанство они, по всей вѣроятности, были не въ силахъ отречься совершенно отъ прежней религіи, которая такъ овладѣла ихъ умами и воображеніемъ. Церковь въ Требіѣ построена недавно. Священникъ не подготовленъ къ миссіонерскому служенію, а для того, чтобы бороться съ совратившимися, необходимо знать существо магометанской вѣры, убѣдительнаго опроверженія которой онъ, во всякомъ случаѣ, едва ли можетъ представить. Онъ въ ихъ глазахъ не авторитетное лицо [1]): «вѣдь самъ не больше нашего знаешь»,—говорятъ ему требійцы. Если священникъ и озабочивается насчетъ утвержденія ихъ въ христіанствѣ, то все стараніе его обращается теперь на внѣшность: чтобы ходили въ церковь, совершали требы и т. д., потому что обратить ихъ вниманіе на существенныя стороны религіи онъ хотя и старался, но безуспѣшно: темные казаки подчинились произволу татарскихъ муллъ. Между тѣмъ, поселковый атаманъ угрозами заставляетъ ихъ крестить дѣтей. Это еще болѣе ожесточаетъ совратившихся. На отступленіе этой горсти людей отъ прав. вѣры высшее духовенство смотритъ сквозь пальцы, резонно предоставляя времени ихъ возсоединеніе съ христіанскою церковью.

Калмыковъ нагайбаки не любятъ и, зная ихъ привычку питаться падалью, смотрятъ на нихъ съ отвращеніемъ.

Переселившись на новыя мѣста, нагайбаки, въ особенности женщины, сильно тосковали по прежней—богатой природой—родинѣ: приходя съ ведрами за водой, нагайбачки садились на берегу рѣки и горько плакали. Кругомъ казаковъ кочевали киргизы, а угнать чужой табунъ считалось у нихъ особымъ доказательствомъ удальства. Впрочемъ, въ отношеніяхъ нагайбаковъ съ киргизами не замѣтно особенной вражды. Степная жизнь послѣднихъ въ грязныхъ кибиткахъ — крайне непривлекательна для взора нагайбаковъ, и нѣтъ между ними ничего общаго, что могло бы сдружить или сблизить ихъ между собой.

[1]) Требійскій священникъ—бывшій казакъ ихъ поселка.

Башкиры живутъ у нихъ большею частью въ работникахъ. На башкиръ нагайбаки смотрятъ съ пренебреженіемъ, почти не считая ихъ за людей.

Къ русскимъ казаки относятся съ уваженіемъ, не считая однако себя ниже ихъ. А первые, въ свою очередь, смотрятъ на нагайбаковъ свысока; послѣднее происходитъ отъ привычки русскаго человѣка не любить все то, что не русское.

До переселенія у нагайбаковъ былъ обычай, по которому дѣвушка по выходѣ замужъ долгое время не могла говорить со свекромъ, свекровью и старшими изъ мужниной родни. Наконецъ, они сами просили ее разговаривать съ ними и, приэтомъ, поднося ей монету, спрашивали: «серебро или золото»? Она должна была дать отвѣтъ, и съ этого времени ей уже разрѣшалось говорить съ ними.

Нагайбаки во время званныхъ обѣдовъ предлагаютъ тосты, и каждый, обращаясь къ тому, за чье здоровье онъ хочетъ пить, поетъ ему застольную пѣснь, наблюдая приэтомъ, чтобы слова пѣсни подходили къ характеру воспѣваемаго.

Переселяя нагайбаковъ изъ Белебеевскаго уѣзда, правительство предоставило имъ самимъ право выбирать мѣстожительство въ краѣ. Бо́льшая половина ихъ образовала выше переименованные семь поселковъ, а остальная часть разсѣялась по русскимъ казачьимъ селеніямъ—ближе къ Оренбургу [1]). Эти послѣдніе, поселившись въ русскихъ поселкахъ, совершенно утратили свои природные обычаи, одежды и пр., но сносясь съ татарами въ Оренбургѣ, они отчасти, хотя и тайно, предались магометанству. Такъ какъ въ этихъ поселкахъ русскихъ больше, то и богослуженіе въ церквахъ совершается на славянскомъ языкѣ. Большинство здѣшнихъ нагайбаковъ—христіане только номинально, но старательно скрываютъ это отъ русскихъ. Священникамъ мѣстные казаки оказываютъ почтеніе, но если пристальнѣе всмотрѣться въ отношеніе ихъ къ своему іерею, то подъ маской угодливости нельзя не замѣтить въ нихъ холодно-жестокую уступчивость необходимости и совершенное отсутствіе искренности. Они склонны къ магометанству, а сами ровно ничего не понимаютъ въ этой религіи, и не пристали, какъ говорится, ни къ вашимъ, ни къ нашимъ. Изъ обычаевъ, утратившихъ свою самобытность, у здѣшнихъ казаковъ сохранился только одинъ: празднованіе «курбанъ-байрам'а». Въ этотъ день нагайбаки ѣздятъ въ поле и совершаютъ тамъ нѣчто вродѣ жертвоприношенія. Для этого въ поле приглашается татаринъ, который продолжительное время читаетъ молитвы и закалываетъ барана. Затѣмъ, это жертвенное мясо варятъ

[1]) Нѣженскомъ, Ильинскомъ, Подгорномъ, Гирьялѣ и Алабайталѣ.

въ котлахъ и съѣдаютъ. Все это дѣлается незамѣтнымъ образомъ отъ русскихъ. Сюда даже приглашается священникъ служить молебенъ. Татаринъ же колетъ барана, пріѣхавъ на мѣсто еще наканунѣ, и, сдѣлавъ свое дѣло, поспѣшно уѣзжаетъ, а потому нѣкоторые гости изъ русскихъ и не подозрѣваютъ всего происшедшаго.

Недавно жители Нѣженскаго поселка подали прошеніе, изъ котораго видно, что они не желаютъ имѣть въ своемъ обществѣ христіанъ, никогда не посѣщающихъ церкви. Нагайбаки всполошились и не пропускаютъ теперь ни одной церковной службы. Но какъ далеки они отъ того чувства, какимъ переполнены сердца ихъ же собратьевъ Остроленцевъ, Ферелампелуазцевъ, Парижанъ и др.! На своихъ отступниковъ нагайбаки смотрятъ съ презрѣніемъ.

Нагайбакъ рѣзко отличается отъ другихъ инородцевъ въ краѣ. Онъ— казакъ, что̀ означаетъ олицетвореніе отваги, мужества, смѣлости, находчивости и безшабашной удали: одно это названіе можетъ достаточно характеризовать его.

Е. А. Бектеева.

М. Черный Островъ.

ОТДѢЛЪ II.

О бытѣ казаковъ Восточнаго Забайкалья.

Русское казачье населеніе Восточнаго Забайкалья въ данное время населяетъ бассейны рр. Ингоды, Шилки, Онона и Пріаргунскія степи. Оно сложилось изъ двухъ группъ: 1-ю группу составляетъ та русская казацкая вольница, которая открыла свое завоевательное движеніе черезъ озеро Байкалъ въ 1638 году, подъ начальствомъ атамана Максима Перфильева, дѣло котораго продолжали его послѣдователи: пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ съ урядникомъ Скороходовымъ, перешедшіе въ 1643 году Байкалъ, и сотникъ Бекетовъ съ Максимовымъ, которымъ въ 1653—1654 гг. удалось проникнуть чрезъ Яблоновый хребетъ и въ 1654 году заложить Нерчинскій острогъ.

Слѣдомъ за казаками, иногда и раньше ихъ, проникали туда же промышленники, привлекаемые во вновь покоренную землю пушниной, а впослѣдствіи благородными металлами. Изъ тѣхъ и другихъ въ послѣдующее время образовалось служилое сословіе, которое несло свою службу въ городахъ, острогахъ и по границѣ, и во времена Сперанскаго изъ нихъ составили забайкальскій городовой полкъ и возложили на него полицейскую службу; остальные же казаки числились станичными и были обязаны охранять и защищать мѣста, ими заселяемыя, и выставлять по границѣ караулы.

Вторую группу образовали нерчинско-заводскіе крестьяне, которые составлялись изъ крестьянъ, переселенныхъ изъ Западной Сибири въ началѣ 17 столѣтія; къ нимъ приписали жившихъ уже въ Забайкальѣ государственныхъ крестьянъ, которые, начиная съ конца 60-хъ годовъ 17 столѣтія, формировались: изъ крѣпостныхъ крестьянъ, ссылавшихся помѣщиками взамѣнъ рекрутчины, отставныхъ солдатъ, подлежавшихъ ссылкѣ преступниковъ и крестьянъ, отправлявшихся въ концѣ 18 столѣтія добровольно въ Сибирь для пашни.

Въ 1851 году нерчинско-заводскіе крестьяне были переименованы въ казаковъ и вмѣстѣ съ станичными казаками Нерчинскаго округа составили пѣшіе казачьи баталіоны. Въ среду казаковъ, состоявшихъ изъ этихъ двухъ группъ, съ 1854 по 1858 годъ былъ введенъ новый элементъ—штрафованные нижніе чины гарнизонныхъ баталіоновъ внутреннихъ губерній Россіи.

Отсутствіе здѣсь русскихъ женщинъ заставляло казаковъ похищать себѣ женъ изъ инородокъ, почему у русскаго казака, за исключеніемъ позднихъ колонизаторовъ, часто встрѣчаются монгольскія черты лица: то выдающіяся скулы и широкій носъ, то при правильныхъ чертахъ лица жиденькая бородка, то узкіе, сѣрые, съ косымъ разрѣзомъ глаза. Инородческое вліяніе инородческихъ женщинъ отразилось на русскихъ не въ одномъ физическомъ измѣненіи рассоваго типа, оно, частію, отразилось и на ихъ міровоззрѣніи, на языкѣ, обычаяхъ, покрояхъ одежды.

Современная казачья усадьба состоитъ изъ дома, амбара, сарая, повѣтки для скота, хлѣвовъ для овецъ, дворовъ и прилегающаго къ дому огорода. Все это обносится заборомъ, сдѣланнымъ изъ досокъ, бревенъ, жердей или частоколомъ. Въ нѣкоторыхъ же караулахъ, за отсутствіемъ лѣса, надворныя постройки ограничиваются

однимъ амбарчикомъ и жердяными дворикамп. Часто не бываетъ и двора. Входъ въ избу обыкновенно со двора. Изба казачья состоитъ изъ двухъ половинъ: сѣней и собственно избы, а у зажиточныхъ же домъ состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣленныхъ корридоромъ. Иногда внутри дома дѣлаютъ перегородки, на которыхъ размалеваны красками разные узоры или цвѣты. Оконъ бываетъ отъ 3-хъ до 4-хъ съ ординарными рамами. Дома кроютъ берестой, а сверху драньемъ, зажиточные тесомъ, стайки соломой, или лиственничнымъ корьемъ. Стѣны, въ большинствѣ случаевъ, круглыя и потолки не обтесанные и не бѣленые. Одинъ разъ въ году, къ Пасхѣ, какъ стѣны, такъ и потолокъ скребутъ особыми желѣзными скребками. Встрѣчается, что обтесанныя и не обтесанныя стѣны и потолки бѣлятъ известью. Почти половину избы занимаетъ громадная русская печь. Печь дѣлается настолько широкой, что въ зимнее время на ней спятъ нѣсколько человѣкъ; кромѣ того, на ней же сушатъ хлѣбъ для помола; устье печи полукруглое, передъ нимъ шестокъ, который есть продолженіе дна печи; на шесткѣ становятся вынутые изъ печи горшки; нижняя часть печи представляетъ собою ящикъ изъ плахъ, набитый галькой и глиной, и поверхъ всего этого настланъ кирпичный подъ (дно печи) и только стѣны и сводъ печи выкладываются изъ кирпича. Внизу, въ деревянной части печи, устраивается помѣщеніе для куръ (шестокъ), а за печкой, около стѣны, широкая полка «голчикъ», гдѣ кладутъ ухватъ, кочергу, лопаты и проч. Подлѣ печи помѣщается кадка для воды и лоханка для сливанія помой, надъ ней же и умываются, беря изъ ковша воду въ ротъ. Рядомъ съ печкой на аршинномъ разстояніи отъ потолка почти половины избы занимаютъ палати (досчатая горизонтальная заборка). На палатяхъ ночью спятъ, а днемъ складываютъ не нужную «лопать» (платье) и прочія ночлежныя принадлежности. Около самой печи вдоль ея со стороны входной двери тянется «лѣнивка», гдѣ отдыхаютъ днемъ; съ нея же лазятъ на печь и палати. Отъ палатей къ передней стѣнѣ почти по среди избы тянется брусъ, на который кладутъ кушаки, шапки и прочія вещи. Въ «кути» около стѣны придѣлана широкая полка для посуды. У нѣкоторыхъ тутъ же въ углу прибитъ небольшой шкафчикъ. Въ переднемъ углу большая рѣзная божница съ массой иконъ. Около стѣнъ идутъ бѣлыя лавки и разосланная кровать, на которой въ безпорядкѣ валяется разное платье и тряпицы. Полы не крашены; поэтому, желая сохранить ихъ чистоту, на полъ настилаютъ зимой солому, а лѣтомъ свѣжую траву или мелкій песокъ. То и другое создаетъ пыльную, ничѣмъ не вентилированную атмосферу. Зимой въ жиломъ домѣ помѣщаются за особыми перегородками около входныхъ дверей, телята, ягнята и поросята, въ шесткѣ подъ печью—куры. Все это создаетъ невозможный воздухъ; однако и взрослыя, и дѣти такъ свыкаются съ нимъ, что незамѣчаютъ постояннаго зловонія.

Одежда мужчины состоитъ изъ сарпинковой или ситцевой рубахи съ ременнымъ кушакомъ или шнуркомъ, изъ дабовыхъ или тиковыхъ панталонъ (то и другое занашивается до невѣроятности) изъ ичеговъ, изъ картуза, халата или чуги (зипунъ изъ сукна собственнаго издѣлія). Въ праздники грязная рубаха и панталоны смѣняются чистыми и дополняется пиджакомъ или жилетомъ и шароварами изъ бумажной матеріи, а не то и изъ тонкаго сукна. Холостые парни надѣваютъ зачастую «холодай»—рубашка изъ яркоцвѣтныхъ шерстяныхъ матерій или изъ кашемира. Зимой носятъ барашковыя съ ушами шапки; зажиточные же казаки дѣлаютъ ихъ изъ лисьихъ лапъ, а щеголи покупаютъ круглыя бобровыя или другія шапки. Верхней же одеждой въ зимнее время служитъ баранья дубленная шуба; причемъ у ононскихъ и аргунскихъ, а часто и у нерчинскихъ казаковъ шубы бурятскаго покроя съ низкимъ воротникомъ, плисовой оторочкой вокругъ подола, груди и обшлаговъ. Во время зимнихъ работъ или извоза сверхъ шубы надѣваютъ доху изъ шкуры домашней или дикой козы, на руки—бараньи рукавицы или вязанныя изъ шерсти варежки съ «мохнатыми» сверху, т. е. рукавицами, сшитыми шерстью вверхъ. Вмѣсто сапогъ служатъ унты изъ козьей шкуры, сшитые шерстью внутрь, и чулки или же валенки. Женщины носятъ внизу ситцевую рубашку съ подшитой къ ней дабовой или холщевой «станушкой» (юбкой). Сверху надѣвается ситцевое платье, или сарафанъ, или же юбка съ кофтой. Голова бабы прикрывается повойни-

комъ (родъ шапочки съ шнурками), и сверху его повязывается расписнымъ платкомъ, концы котораго завязываютъ подъ подбородкомъ; на плечахъ носятъ шаль, а спереди запонъ. При выходѣ изъ дома женщины надѣваютъ курму, пальто изъ бумажной матеріи, а зимой шубу, покрытую всюду, причемъ праздничная дѣлается съ большимъ лисьимъ или бѣлячьимъ воротникомъ. Одежда дѣвушки таже, что и бабы, только отсутствуетъ повойникъ. Женская обувь состоитъ изъ чулокъ, башмаковъ или сапоговъ. Въ праздничные дни надѣваются чистыя платья изъ цвѣтной матеріи или ситцевыя.

При каждой семьѣ есть старшой—дѣдъ или отецъ, а если нѣтъ таковыхъ, то старшій братъ «большакъ». Старшой есть полновластный хозяинъ и распорядитель.

Пища забайкальскихъ казаковъ хотя и однообразна, но сытна. Скоромные обѣды ихъ состоятъ: изъ щей съ гречневой или ячменной крупой, капустой и съ мясомъ, которое крошатъ ножами въ корытцѣ и всыпаютъ въ общую миску, изъ гречневой или ячменной каши съ саломъ или съ молокомъ, а у зажиточныхъ съ масломъ. Каша иногда замѣняется поджаренными на салѣ или на маслѣ картофелемъ. Въ лѣтнее же время обѣдъ дополняется простоквашей, а у зажиточныхъ и въ зимнее время подаютъ кислое молоко (родъ варенца безъ сахара). Въ праздники обѣдъ разнообразится похлебками изъ брюшины или кишекъ съ картофелемъ, а у зажиточныхъ дополняется жаренымъ мясомъ. Весной передъ отправкой на поле въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣдятъ «заваруху» [1]) съ саломъ, съ масломъ или съ молокомъ. Постные обѣды состоятъ изъ щей съ рыбой и крупой, или съ «порсой» [2]) вмѣсто рыбы; изъ овсянаго киселя съ конопляныиъ масломъ и изъ тертой рѣдьки съ квасомъ и картофелемъ. Въ праздники у зажиточныхъ готовятъ «студень» (холодецъ) изъ гречневой крупы. Къ ужину подаютъ остатки отъ обѣда. Какъ лакомство, зимой ѣдятъ пареную (печеную въ вольномъ жару печи) брюкву и «курсуны» изъ черемухи, битой на каменной плитѣ. «Курсуны» по своей формѣ и величинѣ напоминаютъ собой круглые пряники. Только что приготовленные курсуны сушатъ на солнцѣ и нанизываютъ связками на шнурки для зимняго запаса. «Курсунами» въ большинствѣ случаевъ угощаютъ дѣтей. Сушеную черемуху мелятъ въ муку, которая идетъ для начинки пирожковъ. Позднею осенью спѣлое яблоко разбиваютъ съ молокомъ и морозятъ для зимы.

Чай для забакайльца не только напитокъ, но и одинъ изъ важныхъ пищевыхъ продуктовъ. Чай является необходимымъ для каждой семьи, и забайкальцу не понятно, какъ можно жить безъ него. Правда, въ прошлой старинѣ не многіе имѣли возможность пить чай, зато они замѣняли этотъ напитокъ «шультой» (сгнившая древесина березы), «чагой» (особый наростъ на березѣ), листьями травы «бѣлосвитки» и яблони.

Забайкальцы пьютъ преимущественно кирпичный зеленый чай («карымскій») и только за послѣднее время сталъ распространяться черный кирпичъ (полубайховый); байховый же чай заваривается только для гостей.

«Карымскій» чай пьютъ или съ забѣлой, приготовленной изъ молока, масла и яицъ, или черный съ однимъ масломъ, или бѣленый сметаной. Постный же чай пьютъ съ конопляныиъ сѣменемъ или съ сокомъ; пьютъ его также и съ «затураномъ» (ячменная или пшеничная мука, поджаренная на постномъ или скоромномъ маслѣ).

«Карымскій» чай готовятъ такъ: толкутъ его въ деревянной или чугунной ступкѣ, всыпаютъ въ чугунку съ водой и кипятятъ въ печи, потомъ выливаютъ въ «байдару» (высокая глиняная миска) и солятъ, а затѣмъ деревяннымъ или желѣзнымъ ковшемъ («поваренкой») «сливаютъ» [3]) его около ¼ часа. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ Забайкалья чай всыпаютъ въ воду послѣ того, какъ она будетъ влита въ «байдару». Когда же чай остываетъ, его подогрѣваютъ горячими камнями, опуская ихъ въ «байдару». «Шару» (выварка чая) большинство сушатъ и снова завариваютъ. Болѣе бѣдныя семьи варятъ такимъ образомъ «шару» раза два.

---

[1]) Пшеничная или ячменная мука, замѣшанная въ кипящей водѣ.

[2]) Мелкую рыбу чабановъ, юнельзковъ и пр. варятъ вмѣстѣ съ кишками, затѣмъ отдѣляютъ кости и сушатъ оставшееся мясо, которое и составляетъ «порсу».

[3]) Зачерпываютъ чай ковшемъ и, приподнявши его, снова выливаютъ въ «байдару» потомъ опять зачерпываютъ и выливаютъ, и т. д.

Увеселенія Забайкальскихъ казаковъ.

Здѣсь я имѣю въ виду только тѣ увеселенія, которыми пользуется взрослая молодежь обоего пола совмѣстно. Болѣе веселое время для деревенской молодежи, какъ и вообще для всѣхъ поселянъ —святки, которыя въ Забайкальѣ называются «страшными вечерами». По народному вѣрованію, ночью въ эти дни по улицамъ бѣгаютъ шиликуны, т. е. незлобивые духи, которые продѣлываютъ различныя мелкія пакости [1]); больше же всего появляются шиликуны наканунѣ Новаго года и Крещенія. Вечеромъ въ эти дни, жители углемъ ставятъ кресты на откосахъ дверей, оконъ домовъ, прочихъ построекъ и на воротахъ дворовъ. Нужно замѣтить, что эти кресты ставятся не въ силу христіанскаго міровозрѣнія, а въ огражденіе отъ шиликуновъ, которые въ предстоящую ночь убѣгутъ отъ нихъ.

Игранчики [2]). Игранчики устраиваются въ продолженіе всѣхъ святокъ—«страшныхъ вечеровъ». Иниціатива устройства ихъ принадлежитъ дѣвицамъ, которыя для этой цѣли абонируютъ на всѣ святки просторную избу. За абонементъ хозяйка избы получаетъ съ каждой дѣвушки фунтовъ по 10 круглаго хлѣба или по 6—9 мягкихъ (ячменныхъ, гречневыхъ или пшеничныхъ) булокъ; случается, что платятъ и деньгами. Игранчикъ начинается съ наступленіемъ сумерекъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока окончательно не стемнѣетъ (часовъ до 9 вечера). Дѣвицы и парни приходятъ на игранчикъ въ обыденной грязной одеждѣ и большая часть какъ дѣвушекъ, такъ и парней остается въ верхнемъ платьѣ. Парни не принимаютъ активнаго участія въ играхъ и танцахъ дѣвицъ, приходятъ же они на игранчикъ лишь для того, чтобы, пользуясь полумракомъ, пошалить съ дѣвицами. Все свободное пространство около дверей заполняется толпой подростковъ мальчишекъ и дѣвочекъ. Послѣднія, въ свою очередь, такъ же, какъ и взрослыя дѣвушки, стараются устроить на площадкѣ около дверей хороводные танцы, но назойливые мальчишки своей шалостью не даютъ имъ возможности доканчивать начатую пѣсню; галденіе мальчишекъ лишь дополняетъ шумъ и нестройно-крикливое пѣніе дѣвушекъ. Болѣе распространенными играми являются «жилинъ, или бояре» [3]), «А мы просо сѣяли», «Золото хороню». Въ послѣдней игрѣ послѣ словъ: «очутился перстень на правой ручкѣ, на лѣвомъ мизинцѣ», конецъ варіируютъ такъ:

«Ой вы, дѣвушки, не дайте,
Мое золото отдайте,
Меня мать будетъ бить,
Меня мать будетъ бранить:
По три утри, по четыре прута золотые,
Пятымъ жемчужнымъ.
Куда мышка шла,
Туда рожь густа, умолотиста,
Какъ изъ колосу коврига,
Изъ полузерна пирогъ.

Сѣять макъ и ленъ. Къ этой игрѣ поется слѣдующій варіантъ, повторяющійся до тѣхъ поръ, пока не скажутъ—«поспѣлъ».

На горѣ-то макъ, макъ,
Подъ горой-то такъ, такъ,
Маковка—маковочка,
Златая головочка!
Встаньте врядъ,
Не пора ли рвать?

Игра въ олени. Эта игра нѣсколько варіируетъ отъ игры описанной. Среди избы на стулѣ или скамьѣ садится парень. Дѣвушки ходятъ кругомъ и поютъ:

Подъ кустикомъ олень,
Подъ ракитовымъ олень,
Тепло литѣ, олень,
Холодо литѣ, олень,
Пріодѣнься, олень
Пріокутайся, олень!
Съ мужичка облачка опоясочки,
Съ малаго робеночка пеленочки,
А со дѣвушки платокъ.

---

[1]) Рѣзвыхъ и шаловливыхъ дѣтей называютъ шиликунами, вѣроятно, отъ слова шалѣть.

[2]) Описаніе игранчика взято у казаковъ Нерчинскаго округа, Ундинской станицы.

[3]) «Народныя увеселенія Иркут. губ.» Щукина. «Зап. Император. Рус. Геогр. Общ.» 1869 г. Т. II.

Приэтомъ какая-нибудь дѣвушка отдаетъ платокъ, послѣ чего снова начинается пѣсня и такимъ образомъ продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ участвующія дѣвушки не отдадутъ платковъ, которые въ концѣ игры выкупаютъ поцѣлуями.

Круговыя пѣсни. Во время пѣнія круговыхъ пѣсенъ дѣвушки, обнявшись другъ съ другомъ или съ парнями, ходятъ кругомъ и поютъ извѣстныя пѣсни: 1. «Во лузяхъ было, въ зеленыхъ лузяхъ». 2. «Какъ по ельничку, да по березничку». 3. «Со вьюномъ я хожу, животомъ гуляю». 4. «Сѣни мои, сѣни». Эта пѣсня въ началѣ и въ концѣ варіируетъ такъ:

Сѣни новыя, королевыя.
Изба стара Зубирева!
Буть-то быть-то мнѣ
По сѣнечкамъ не хаживайте и т. д.

Заканчивается же слѣдующимъ варіантомъ:

Я не слушала отца,
Да потѣшала молодца,
«Я зато его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца—
Зовутъ Ванюшкою-Пивоварушкою.

5.

Вечеръ шла молода,
Поздно вечеромъ одна.
А на встрѣчу молодой
Закатистый удалой,
Закатистый удалой,
Подъ нимъ конь вороной,
И весь уборикъ золотой,
И золотая претупея
Улыбается на немъ;
Черна шляпа са перомъ
И эполеты серебромъ.
Черну шляпу скидывалъ,
Честь дѣвицѣ отдавалъ:
—Здравствуй, милая моя,
Да вечеръ былъ у тебя,
Не узнала ты меня,
Не узнала, отсылала,
Прочь отказывала.

6.

По утру рано младешинька вставала,
Я сердечнаго дружка дожидалась.
Не ему было, канальѣ, мной владѣти,
Что владѣть было прежнему дружку,
Я котораго въ дѣвицахъ любила,
Золотымъ его колечкомъ дарила.
Не за-толь меня маменька журила:
Ты куда, дочерь, колечко дѣвала?
—Въ зеленомъ саду, маменька, гуляла,
Я зеленую капусту поливала,
Съ гряды на гряду колечко катила.
Ужъ я тутъ свое колечко потеряла,
Потеряла, обронила, призамяла!—
Не далеко мила дружка проводила:
Я отъ Троицкихъ воротъ да до Горбатскихъ
Ужъ я голосомъ рывѣла,—
Милъ не слышитъ;
Шелковымъ платочкомъ махала,
Милъ не видитъ.

7.

Изъ-за лѣсу, изъ-за горъ
Подымались тучи, громъ
Со великимъ со дождемъ.
Какъ со этого дождя
Стала улица грязна.
Стала улица грязна,
Пройти молодцу нельзя.
Прошелъ, прошелъ молодецъ мостовиночкой,
Противъ Машина окна останавливался:
Черну шляпу скидывалъ,
Честь дѣвицѣ отдавалъ.
—Ужъ ты, дѣвица, душа,
Да кто есть дома у тебя?
—Да нѣту никого,
Да заходи ко мнѣ въ окно.

8.

Вьюночикъ мой, да вьюночикъ,
Лазуревый да цвѣточикъ.
Я куда тебя, вьюночикъ, положу?
Положу тя, вьюночикъ, на головку
Ко удалому да къ молодцу.
Что не кумъ съ кумой да покумилися,
Что не братъ съ сестрой да посестрилися,
Дорогимъ съ дорогимъ да подарился,
Золотымъ кольцомъ да обручился.
Середи кружка да остановился,
Середи кружка да на лужечкѣ [1])
Красны дѣвушки да во кружечкѣ.
—«Ужъ ты, мой кумъ,
Ужъ какъ я, твоя кума,
Гдѣ мы съ тобой сойдемся,
Тамъ и обоймемся».

Дѣвушка выходитъ изъ кружка и каждая цѣлуетъ какого-нибудь парня; послѣ чего снова продолжаютъ хороводъ.

Помимо «игранчиковъ» въ «страшные вечера» по домамъ устраиваютъ «имельцы» (жмурки) [2]).

Гаданье и маскарадъ (машкарадъ). Гадаетъ и маскируется молодежь описываемаго мною района преимущественно наканунѣ Новаго года и Крещенья, какъ бы пользуясь въ эти дни веселіемъ духовъ-шиликуновъ. Маскарадный костюмъ состоитъ изъ шубы, вывернутой шерстью вверхъ, и берестяной или бумажной собственнаго издѣлія маски; за неимѣніемъ же таковой, лицо намазываютъ сажей и подвѣшиваютъ бороду. Въ такомъ видѣ замаскированные сначала ходятъ изъ дома въ домъ, а потомъ бѣгаютъ по улицамъ и, соединившись вмѣстѣ съ прочими парнями и подростками, которые ищутъ спрятавшихся дѣвушекъ, разбираютъ заборы, выволакиваютъ изъ оградъ телѣги, сани, бороны, сохи и т. п. и изъ всего этого дѣлаютъ посреди улицъ баррикады. Дѣвушки, между тѣмъ, скрывшись отъ назойливыхъ парней, начинаютъ гадать. Каждой изъ нихъ хочется приподнять занавѣсъ своего неизвѣстнаго будущаго и

[1]) Лужайка. [2]) Щукинъ: «Народныя увеселенія Иркут. губ.». «Записки. Импер. Рус. Геогр. Общ.» 1869 г. Т. II.

узнать, что ее ждетъ. Главное же что дѣвушку интересуетъ, это скоро ли наступитъ желанное время замужества, въ которую сторону предстоитъ ей выйдти замужъ, кто и каковъ по характеру и состоятеленъ ли будетъ ея мужъ и, наконецъ, какова будетъ ея новая жизнь. Ради всего этого создались различные способы гаданья.

Молоть иглу. Межъ жернова ручной мельницы кладутъ иголку. Одна дѣвушка крутитъ жерновъ, а другая садится подъ него и прислушивается къ звукамъ иголки, на основаніи которыхъ и дѣлаетъ выводъ, сообразуясь съ своимъ завѣчаніемъ.

Замыкаться. Ложась спать на Крещенье, дѣвушки замыкаютъ воротъ своей рубашки висячимъ замкомъ, и что приснится ей въ эту ночь, то и сбудется.

Иманомъ (козломъ). Дѣвушки заходятъ въ хлѣвъ и въ потьмахъ стараются изловить козла. Если дѣвушка изловитъ козла (имана), то женихъ будетъ богатъ; если козлуху, то—бѣденъ.

Вещами. Это гаданье похоже на гаданье «на сборникъ» у великорусскаго населенія; только тамъ кладутъ три вещи въ горшокъ. У Забайкальскихъ казаковъ кладутъ на столъ уголь, бумагу, кольцо, повойникъ [1]), соль и проч., послѣ чего всѣ дѣвушки закрываютъ глаза; руки складываютъ назадъ и пятятся къ столу, чтобы взять какую-либо изъ вещей и по взявшей, такимъ образомъ, вещи дѣлаютъ слѣдующіе выводы: кто возметъ уголь у той женихъ будетъ кузнецъ, соль—поваръ, бумагу—писецъ, кольцо знаменуетъ скорый выходъ замужъ, повойникъ—быть замужемъ за вдовцемъ.

Кольцомъ. Въ стаканъ, налитый водой, кладутъ кольцо и смотрятъ въ него. Показавшійся въ кольцѣ мужчина будетъ женихомъ, а показавшійся гробъ предвѣщаетъ скорую смерть. Или: Кольцо, подвѣшенное дѣвушкою на волосѣ съ своей головы, медленно опускается въ стаканъ съ водой, и въ который край стакана оно ударитъ, въ той сторонѣ и быть замужемъ. Количество же ударовъ опредѣляетъ, сколько лѣтъ осталось ей до замужества.

Снѣгомъ. Дѣвушки, войдя ночью въ огородъ, падаютъ на снѣгъ навзничь. Если лежбище утромъ окажется аккуратное, то женихъ будетъ красивъ, и на оборотъ. Или: дѣвушка ложится на снѣгъ спиной и если на утро около этого лежбища окажется еще второе, то она скоро выйдетъ замужъ; если же во второмъ лежбищѣ окажется земля вырытой, то скоро умретъ.

Гаданье на растани. Дѣвушки, выйдя ночью на растань, чертятъ два круга. Въ одинъ кругъ садится дѣвушка, желающая гадать, а въ другой всѣ остальныя. Наступаетъ тишина. Первая дѣвушка усиленно старается услышать или лай собаки, или звонъ колокольца, и съ которой стороны она услышитъ, туда и выйдти ей замужъ. Или: Иногда на растани бросаютъ кольцо, съ приговоромъ: «гдѣ собака залаетъ, тамъ мой женихъ». А то дѣлаютъ и такъ. Приводятъ на растань старую кобылицу, завязываютъ ей глаза мужскими панталонами, и дѣвушка, желающая гадать, садится на кобылицу лицомъ къ хвосту; затѣмъ, взявшись за хвостъ, погоняетъ кобылицу. Куда она повезетъ, въ той сторонѣ и быть замужемъ. Или: Наканунѣ сочельника дѣвушки выходятъ на растань съ двумя зеркалами. Одно зеркало ставятъ на снѣгъ, а съ другимъ въ рукахъ дѣвушки становятся спиной къ лунѣ такъ, чтобы отраженіе въ немъ луны было видно и въ первомъ зеркалѣ; причемъ одна изъ нихъ смотритъ въ стоящее зеркало. Если покажется ей въ зеркалѣ идущіе къ вѣнцу, то она скоро выйдетъ замужъ, а если—гробъ, то умретъ.

Лошадью. Лошадь приводятъ на прорубь, завязываютъ ей глаза и, сбивши съ пути, пускаютъ ее. Въ которую сторону она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвушкѣ замужемъ.

Пѣтухомъ. Хлѣбное зерно насыпаютъ въ нѣсколько кучекъ (по количеству дѣвушекъ) и выпускаютъ пѣтуха. Чью первую кучку онъ будетъ раньше клевать, та дѣвушка выйдетъ замужъ.

Курицой и пѣтухомъ. Посередъ пола ставятъ кольцо, зеркало, воду и выпускаютъ курицу съ пѣтухомъ. Если они будутъ клевать кольцо, то скоро быть замужемъ, если станутъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница. Причемъ, если клюетъ одна изъ птицъ, то супружеская жизнь будетъ не дружная; когда же онѣ клюютъ

[1]) Женскій головной колпакъ, который женщины носятъ по выходѣ за мужъ.

вмѣстѣ и смотрятъ въ зеркало, это предвѣщаетъ хорошую семейную жизнь. Иногда завѣщаютъ о томъ, кто впередъ умретъ, и если первымъ клюнетъ кольцо пѣтухъ, то прежде умретъ мужъ, и на оборотъ.

Пепломъ. Ночью на Новый годъ на снѣгѣ сѣютъ пепелъ. Если утромъ на пеплѣ окажется слѣдъ ичига, то быть замужемъ за бѣднымъ, если—слѣдъ сапога—за богатымъ. Парни иногда подсматриваютъ дѣвушекъ и дѣлаютъ на посѣянномъ пеплѣ слѣды по своему усмотрѣнію.

Гаданье въ банѣ. Болѣе смѣлыя дѣвушки отправляются въ отдаленную баню. Войдя въ нее, онѣ открываютъ окошечко и выставляютъ въ нее извѣстную обнаженную часть своего тѣла, наблюдая, кто къ ней прикоснется. Если ощущеніе будетъ чего-то мохнатаго въ шерсти,—быть замужемъ за богатымъ, если—голаго, то въ замужествѣ ожидать бѣдности. Парни нерѣдко подшучиваютъ надъ дѣвушками и трогаютъ ихъ по выставленнымъ въ банное окно оголеннымъ частямъ.

Соломинкой или лучинкой. Въ щель скамьи или стола втыкаютъ соломинку или лучинку, и поджигаютъ снизу; въ которую сторону упадетъ подгорѣвшая соломинка, тамъ и быть замужемъ.

Коноплемъ. Берутъ клокъ конопеля и, подожженный, пускается на воздухъ; если онъ полетитъ вверхъ,—значитъ сбудется завѣщаніое, а если внизъ—не сбудется. А то дѣлаютъ изъ конопеля кольцо, кладутъ его на столъ и поджигаютъ; который бокъ прогоритъ скорѣе, въ ту сторону и выйдти замужъ.

Полѣномъ. Ложась спать, кладутъ подъ голову краденое полѣно дровъ и что приснится по завѣченному вопросу, тому и быть.

Позвонками. Вывариваютъ позвонки коровьяго хвоста; затѣмъ каждая изъ дѣвушекъ беретъ по одному позвонку и кладетъ его передъ собой. Чей позвонокъ раньше съѣстъ впущенная собака, та дѣвушка и выйдетъ замужъ прежде другихъ.

Вечерки. Прошли веселыя святки, но сельская молодежь не унываетъ. Она пользуется вечерками, которыя устраиваются въ честь пріѣзжихъ гостей дѣвицъ—родственницъ или по случаю свадьбъ и дѣвичниковъ. Когда же долго нѣтъ поводовъ къ устройству вечерокъ, то парни устраиваютъ ихъ складчиной въ праздничные дни. Такія вечерки обходятся не больше отъ 1 р. 50 к. до 2 р., а то и того меньше, такъ какъ расходъ требуется лишь на скрипача отъ 50 к. до 1 руб., за квартиру почти ту же плату и расходъ на сальную свѣчу. Звать гостей на вечерку отправляютъ верхомъ на лошади какого-нибудь мальчика, который подъ окнами каждаго дома, гдѣ есть дѣвушка, кричитъ: «милости просимъ на вечерку» къ такому-то (имя хозяина дома). На вечерку обыкновенно собирается такая масса молодежи, что, не находя свободнаго мѣста по лавкамъ, разставленнымъ вокругъ стѣнъ, гости садятся другъ къ другу на колѣни, т. е. парни и дѣвушки. Иногда сидятъ ряда въ 3 или 4. Такое положеніе вещей даетъ полный просторъ цинизму парней въ обращеніи съ дѣвушками. Не остается свободнымъ и мѣсто у дверей,—тамъ своя компанія, состоящая изъ подростковъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Несмотря на тѣсноту помѣщенія, шумную возню ребятишекъ, спертую атмосферу, пропитанную табачнымъ дымомъ и прочими зловоніями, молодежь веселится здѣсь неустанно, отхватывая подъ хриплую скрипку свое молодцоватое «трепака» или вертлявую «барыню».

Но случается, что веселое настроеніе молодежи быстро смѣняется партійнымъ ожесточеніемъ, которое какъ пламя охватываетъ всѣхъ. Дѣвушки съ ужасомъ вскакиваютъ на лавки и спѣшатъ убѣжать по домамъ; между парнями идетъ повальная драка. Изъ избы они выбѣгаютъ на улицу и уже тамъ взамѣнъ кулаковъ пускаются въ ходъ «стяжки» (дубинки). Подобныя драки происходятъ изъ ревности къ дѣвушкамъ. И эту затаенную вражду соперники долго носятъ скрытно, но на вечеркѣ, гдѣ позволяются всякія вольности по отношенію къ дѣвушкамъ, лишь стоитъ кому-нибудь изъ парней задѣть своего соперника словомъ или своимъ поведеніемъ, затрагивая самолюбіе послѣдняго, какъ моментально вспыхиваетъ драка, и всѣ парни раздѣляются на два враждебныхъ лагеря.

Когда же вечерка проходитъ безъ дракъ, то она продолжается далеко за полночь. Расходясь по домамъ, каждый парень подъ полой своего халата или шубы провожаетъ свою возлюбленную.

Въ перерывъ пляски парни и дѣвушки совмѣстно хоромъ поютъ проголосныя пѣсни, хватающія за душу своимъ минорнымъ тономъ, въ которыхъ вы ясно чувствуете отклики радости иль горя народной жизни, излившіеся въ той или другой пѣснѣ Но за послѣднее время развитіе среди молодежи отхожаго промысла по городскимъ и пріисковымъ прислугамъ внесло въ народную поэзію чуждые элементы. Часто можно слышать на вечеркахъ романсы съ искусственными мотивами и исковерканными словами. Тоже самое встрѣчается и въ пляскѣ. Нерѣдко можете услышать, напр., какъ какой-нибудь паренъ или дѣвушка, побывавшіе въ городѣ, проситъ сыграть «валецъ» или «польку»; кадриль же сдѣлалась уже почти общеупотребительной.

Голубецъ. Эта состязательная пляска напоминаетъ своимъ исполненіемъ и музыкой «камаринскаго», только здѣсь танцующіе парни исполненіемъ «колѣнъ» (фигуръ) чередуются. Тотъ, у кого истощается запасъ фигуръ, считается побѣжденнымъ. Къ музыкѣ «голубецъ» существуетъ слѣдующій припѣвъ:

Футы, нуты голубецъ,
Матрофановъ жеребецъ.
Матрофанова кобыла
По расадушкѣ ходила,
Киселя блюдо носила.

Парочка. Тоже что и «камаринскій», только непремѣнно пляшетъ здѣсь паренъ съ дѣвушкой. Музыка для парочки называется «бычекъ», съ слѣдующимъ къ ней припѣвомъ:

Гдѣ это виданное,
Да гдѣ это слыханное,
Чтобы курочка бычка принесла,
Поросеночекъ яичко снесъ,
Тутусеночекъ за печку унесъ,
Кобыла цыплятъ выпарила,
Жеребенокъ раскудахтался,
Безрукій яйца покралъ,
Голопузый за пазуху поклалъ,
А глухой-то подслушивалъ,
А слѣпой-то подглядывалъ,
А нѣмой караулъ закричалъ,
Безногій на побѣгъ побѣжалъ!
—Ахъ, мамонька, разбой, разбой, разбой,
Государиня, денной, денной, денной.
Разбилъ меня дѣтинка молодой,
Схватилъ меня въ охапочку,
Посадилъ за столъ на лавочку!
Ахъ, маменька, бычекъ, бычекъ, бычекъ,
Еще, маменька, теленочекъ!—
Ужъ ты, тетушка, сыграй бычка:
Не попляшетъ ли моя дочка—Феколочка.

Послѣ этихъ несложныхъ танцевъ начинаются болѣе сложные въ нѣсколько паръ.

Барыня. Въ 8 паръ [1]) къ музыкѣ существуетъ припѣвъ:

У барыни угурцы,
Да ее любятъ всѣ купцы.
Футы-нуты барыня, } Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ строкъ.
Да сударыня, барыня. }

[1]) См. Щукина. «Народ. увесел. Иркут. губ.» «Записки Импер. Рус. Геогр. Об.». 1869 г. Т. II.

Барыня кочевала,
Подъ уваломъ ночевала. (Припѣвъ).
У барыни огородъ,
Да ее любитъ весь народъ. (Прип.)
Загляну я на палати,
Тамъ барыня въ халати. (Прип.)
Загляну я подъ порогъ,
Тамъ барыня ѣстъ творогъ. (Прип.)
Барыня на брусу,
Да у ней шишка на носу. (Прип.)
Барыня шита, мыта,
На базарѣ кнутомъ бита. (Прип.)

Польскій. Пляшутъ во 4 пары. Своимъ расположеніемъ пары образуютъ крестъ. Начинается круговымъ шеномъ [1]), затѣмъ слѣдуетъ перемѣна мѣстъ обоихъ визави. Послѣ этого сначала первая пара дѣлаетъ проходный шенъ [2]) (какъ въ кадрили въ первой фигурѣ) съ своей сосѣдней парой, а 3-я пара съ остающейся. Въ концѣ каждой фигуры парни шлепаютъ ладошками разомъ. Послѣ каждой изъ этихъ фигуръ исполняется (по усмотрѣнію) какая-нибудь фигура «барыни».

Монашенька. Пляшутъ въ 4 пары, которыя располагаются крестообразно. Сначала вальсируютъ каждое визави, проходя на мѣста другъ друга и обратно; затѣмъ, первая пара дѣлаетъ проходной шенъ съ правой сосѣдней парой, послѣ чего эта же пара крутится съ сосѣдней лѣвой парой. Тоже дѣлаетъ и визави первой пары, а потомъ и всѣ остальныя пары, чередуясь между собою. Послѣ этого парни одинъ послѣ другого крутятся съ каждой изъ дѣвушекъ, взявшись руками за спиной другъ друга.

Къ музыкѣ существуетъ слѣдующій припѣвъ:

Ужъ вы, кумушки, голубушки, подружки,
Вы которому спасителю молились?
Вы которому святому унижались?
Что мужья то у васъ да молодые,
Будто ягодки, да наливныя!
У меня-то младой да старичище!
Старичище не отпуститъ на игрище.
Я отъ стараго уходомъ уходила:
Цвѣтно платье подъ полою уносила,
Я бѣлильцы, румянцы во карманицы;
Я чулочки, башмачки—въ бѣлы ручки.
Я у ближняго сосѣда снаряжалась,
Во хрустальное зеркальцо смотрѣлась.
Не ему, канальѣ, мной было владѣти...
И т. д. (см. «Игранчики» круговая пѣсня, № 6).

Ярославъ. Ярославъ преимущественно пляшутъ въ Нерчинско-Заводскомъ и въ Нерчинскомъ округахъ. Онъ состоитъ изъ 4-хъ паръ, которыя располагаются крестообразно. Сначала исполняется круговой шенъ, какъ у «барыни»; послѣ этого каждая пара со своимъ визави исполняютъ вторую фигуру кадрили, послѣ которой слѣдуетъ опять круговой шенъ. Далѣе пары визави вальсируютъ, переходя на мѣста другъ друга, послѣ чего снова круговой шенъ и первая фигура кадрили; затѣмъ, дѣвушки визави, а также и парни между собою, берутъ другъ друга за руки и, образуя такимъ

[1]) Дѣлаютъ кругъ, потомъ дѣвушки идутъ вправо, а мужчины влѣво и при встрѣчѣ подаютъ другъ другу руки, пропуская дальше.

[2]) Дѣвушки и парни—пары визави—проходятъ въ средину другъ друга по діаганалямъ.

образомъ крестъ, крутятся въ обѣ стороны по очереди, и, наконецъ, снова круговой шенъ.

Цыганочка. Цыганочку пляшутъ дѣвушки. Одна изъ нихъ надѣваетъ мужскую шапку, изображая изъ себя цыгана, другая—цыганку. Послѣдняя садится между подругъ, а цыганъ начинаетъ плясать одинъ, какъ бы ища цыганку. Всетаки онъ находитъ свою пару и, продолжая пляску, въ тоже время поклонями приглашаетъ ее къ себѣ, но цыганка, разобиженная чѣмъ-то, не выходитъ къ нему. Наконецъ, настойчивость цыгана заставляетъ ее выйдти. Теперь онѣ пляшутъ вмѣстѣ. Въ это же время цыганъ хочетъ поцѣловать свою жену, но послѣдняя сначала отъ него отвертывается, а потомъ, когда изъявляетъ на это желаніе, то уже поздно: цыганъ оскорбленъ первымъ ея отказомъ, уходитъ со сцены и садится на лавку. Теперь настаетъ очередь цыганки продѣлать все, что было изображено ея мужемъ. Приэтомъ, она выражаетъ свое огорченіе слезами. Цыганъ, послѣ нѣкотораго сопротивленія, забываетъ свое оскорбленіе и выходитъ къ женѣ. Наступаетъ обоюдное удовлетвореніе, которое и заканчивается поцѣлуемъ. Этотъ танецъ оригиналенъ тѣмъ, что онъ похожъ скорѣе на пантомиму, изображающую небольшой семейный разладъ между мужемъ—цыганомъ и его женой—цыганкой.

Закабланъ. Это одна изъ старинныхъ плясокъ, которую теперь рѣдко можно встрѣтить. Его пляшутъ въ 6 паръ. Парни становятся на одну сторону, а дѣвушки на другую; причемъ каждый парень стоитъ противъ своей дѣвушки. Въ первой фигурѣ парни и дѣвушки по направленію влѣво обходятъ во кругъ другъ друга и становятся на прежнія мѣста. Во второй фигурѣ пары, взявшись каждый со своей дѣвушкой за руки, начинаютъ движеніе вправо и влѣво, а потомъ исполняютъ первую фигуру. Въ третьей—каждая пара верхняго конца, приходя въ интервалы между сосѣднихъ паръ, двигается внизъ, а нижнія пары такимъ же образомъ—вверхъ и опять обратно.

Въ 4-ой фигурѣ первая пара, взявшись руками, крутится, а потомъ парень вывертываетъ дѣвушку, такъ что ея руки остаются за ея спиной въ его рукахъ. Затѣмъ онъ цѣлуетъ дѣвушку и для той же цѣли подводитъ ее къ остальнымъ парнямъ, принимающимъ участіе въ танцахъ. То же самое исполняютъ и остальныя пары, чередуясь по порядку.

Въ 5-ой фигурѣ первая пара, взявшись крестообразно руками со второй, крутится съ ней, потомъ также съ слѣдующей и т. д. спускаясь внизъ. Остальныя пары одна за другой идутъ по тому же направленію, крутясь съ послѣдующими. Когда всѣ пары расположатся въ нисходящемъ порядкѣ, тогда снова начинаютъ такое же движеніе обратно.

Въ 6-ой фигурѣ (послѣдней) каждая дѣвушка по очереди дѣлаетъ со всѣми парнями круговой переборъ, какъ въ «барынѣ», т. е. русскую. Къ музыкѣ имѣются слѣдующіе припѣвы:

Трамъ, трамъ закабланъ,
На зорьку передамъ.
Изъ-подъ дуба домозуба,
Изъ-подъ вязя домовяза.

Журонька. Журоньку пляшутъ въ 2 или въ 4 пары. Визави располагаются крестообразно. Каждая пара, взявшись руками, идутъ на встрѣчу со своимъ визави; затѣмъ, всѣ пары разомъ начинаютъ крутиться, вывертывая руки надъ головами, послѣ чего каждое визави, чередуясь, исполняетъ проходной шенъ; затѣмъ пары одна за другой идутъ кругомъ и вальсируютъ. Послѣ вальса пары снова крутятся, какъ и вначалѣ. Послѣ этой фигуры парнями дѣлается «переборъ», т. е. каждый парень сначала со своей, а потомъ съ остальными дѣвушками, по очереди, пляшетъ «русскую». Къ музыкѣ существуетъ слѣдующій припѣвъ:

Журонька, попляши,
Долгоногенькій, поскачи!

Молодчикъ. Для исполненія этой пляски требуется 2 пары, при чемъ каждый парень приглашаетъ по 2 дѣвушки и становится въ средину ихъ. Пары располагаются другъ противъ друга. 1 фигура. Сначала пары, обнявшись и вальсируя, проходятъ на мѣста своихъ визави и обратно. 2-я фигура. Послѣ этого исполняютъ проходной шенъ, и парни проходятъ въ рединѣ по прямой линіи, а дѣвушки по діагонали. Затѣмъ, снова повторяется первая фигура. Въ 3 фигурѣ дѣвушки входятъ въ кругъ и, взявшись крестообразно правыми руками, крутятся. 4 фигура. Сначала одинъ парень вальсируетъ съ каждой изъ дѣвушекъ, въ отдѣльности; то же дѣлаетъ и другой. Затѣмъ, идутъ въ круговой шенъ, послѣ котораго опять исполняется «переборъ» дѣвушекъ. Къ музыкѣ припѣваются плясовыя пѣсни.

1.

Да ты, молодчикъ, молодчикъ молодой!
Да не заигрывай, пожалуйста, со мной,
Да ты не бей меня по бѣлому лицу (2 раза).
Да мое личико разгорячивое, (2).
Разгорячится не уймется (2).
Прійду домой догадаются (2),
Отчего лицо пылается (2).
Да отъ того лицо пылается.
Что часто съ молодцомъ видается (2).
Не могу я таку радость получить
Да залучить дружка отподчивати.
Залучу дружка одподчиваю,
На серебрянномъ подносѣ поднесу,
На кроваточкѣ постельку постелю.
На постельку мила спать положу,
Сама сяду въ изголовьицѣ ему,
Стану сказывать ему:
— Не женись, не женись, молодецъ.
Если женишься, спокаешься.
Съ молодой женой намаешься.

2.

— Да ты, молодчикъ, молодчикъ молодой (2 раза),
Да ты, голубчикъ, голубчикъ сизой мой,
Да поживи, радость, со вѣрной, со мной,
Да ужъ я вѣрная сударушка твоя!
— Во глаза льстишь, обманывашь меня,
Да по-заочь честь мою хочешь рядить,
Да хочешь, матушка, иного полюбить!
— Да я по истинной по правдѣ побожусь:
Одного тебя—молодчика, люблю,
Да одного тебя молоденькаго,
Да не жанатаго, холостенькаго!
Да не женись, не женись, молодецъ,
Да не женись, удалая голова:
Если женишься—спокаешься,—
Да съ молодой женой намаешься,
Да съ молодыми дѣтушками поплачешься.
Да подъ порогомъ наваляешься.

Дудка. Дудку пляшутъ отъ 4 до 8 паръ. Сначала составляютъ общій кругъ, и идутъ въ круговой шенъ. Затѣмъ, парни выдѣляются и идутъ въ лѣвую сторону, а

дѣвушки навстрѣчу парнямъ—въ правую сторону; при встрѣчѣ снова идутъ въ шенъ. 2-я фигура. Визави дѣлаютъ шенъ, какъ въ 1-ой фигурѣ кадрили. 3-я фигура. Идутъ въ круговой шенъ, послѣ чего каждый парень, по очереди, съ каждой дѣвушкой въ отдѣльности, зацѣпившись локтями, крутятся. 4 фигура есть повтореніе 3-й, только здѣсь вторая ея часть исполняется дѣвушками. Къ музыкѣ этой пляски имѣется припѣвъ:

Дудка, ты дудка, зеленая юбка.
Стала дудку свататься,
Стала дудка прятаться
По печуркамъ, по лугамъ,
По амбарамъ, сундукамъ.

По улицѣ. Играютъ общеизвѣстную пѣсню съ ея мотивомъ. Этотъ танецъ пляшется въ одну пару. Пара, взявшись руками, дѣлаетъ плавное движеніе, подъ темпъ музыки, вправо и влѣво, а потомъ, зацѣпившись локтями, крутятся въ темпъ музыки. Послѣ этого музыкантъ играетъ «бычка», и пляшущіе исполняютъ «парочку» (камаринскій). Если исполняютъ въ 2 пары, то каждая пара, взявшись локтями, крутятся одновременно обѣ пары, потомъ каждая пара, по очереди, пропускаетъ другъ друга въ средину и снова крутятся, какъ вначалѣ.

Мясоѣдъ заканчивается веселой и шумной масляницей. На масляницѣ каждый спѣшитъ побывать въ гостяхъ у своихъ дальнихъ родственниковъ. Молодые, недавно поженившіеся, первую поѣздку къ своему тестю пріурочиваютъ такъ же къ масляницѣ. Разнаряженныя дѣвушки ходятъ по гостямъ. Пожилые мужчины и парни озабочены устройствомъ призовыхъ бѣговъ на лошадяхъ и въ то же время предаются игрѣ въ «арлянку» на деньги. Мальчишки кавалькадами разъѣзжаютъ по улицамъ верхомъ на жеребятахъ, безъ сѣдла. Челки и гривы жеребятъ изукрашены яркими лентами. По вечерамъ съ наступленіемъ сумерекъ собирается вся молодежь гдѣ-нибудь на ближайшемъ увалѣ и съ шумомъ и крикомъ толпой скатываются или, лучше сказать, сбѣгаютъ съ него на ногахъ. Иногда катаются на большихъ саняхъ или на кожахъ. На каткѣ все время происходитъ шумная возня мальчишекъ между собой и шалость парней съ дѣвушками. Въ послѣдній день масляницы къ кавалькадѣ мальчишекъ на жеребятахъ присоединяются тройки, запряженныя въ кошевы, пары и одиночки съ разукрашенными яркими лентами дугами и челками лошадей. Съ наступленіемъ сумерекъ ходятъ по домамъ прощаться. Въ каждомъ домѣ столы бываютъ заставлены соотвѣтствующими явствами; поэтому, по приходѣ въ гости садятся за столъ поѣсть.

Во время постовъ не устраивается вечеровъ или другихъ общественныхъ увеселеній. Но вотъ наступаетъ Пасха и на время притихшія увеселенія молодежи снова оживаютъ. Теперь молодежь веселится уже на лужайкахъ, гдѣ-нибудь за деревнями или посередь деревни. Тамъ устраиваютъ деревянную качель. Для этого ставятъ высокіе козла, надѣваютъ на нихъ кольца и прикрѣпляютъ къ послѣднимъ два шеста, концы которыхъ соединяются березовымъ вязомъ. Качаются на ней стоя, или одинъ, или вдвоемъ. Приэтомъ, любители сильныхъ ощущеній дѣлаютъ на столько велики размахи, что зачастую становятся въ положеніе паралельное поверхности земли. На томъ же лужкѣ устраиваютъ игры:

«Въ разлуку» общеизвѣстная игра въ горѣлки.

Въ воротца. Парни, взявшись руками попарно, съ дѣвушками, становятся рядомъ, приподнимая взявшіяся руки вверхъ; въ образовавшійся, такимъ образомъ, проходъ пары одна за другой пробѣгаютъ и также становятся на другомъ концѣ всѣхъ паръ и т. д.

Въ веревку. Эта игра напоминаетъ собою игру въ «кошку и мышку», только здѣсь парень или дѣвушка находившіеся въ кругу, стараются ударить кого-либо по рукѣ.

Лужекъ. Начиная съ Пасхи, каждый праздникъ молодежь собирается на лужайкѣ, или въ самой деревнѣ, если таковой имѣется, или за деревней. Здѣсь молодежь поетъ пѣсни и играетъ въ «разлуку». Вечерами въ лѣтніе праздники молодежь развлекается

вечерками, устраиваемыми на помочахъ поселянами для жатвы или сѣнокоса. Молодежь идетъ на эти помочи въ виду предстоящей вечерки, съ большой охотой.

Съ октября, съ окончаніемъ полевыхъ работъ, въ длинные осенніе вечера дѣвушки устраиваютъ посидѣлки (посидѣнки). Для этого онѣ занимаютъ избу у одинокой хозяйки куда и собираются по вечерамъ съ работой. До прихода парней, собравшіяся дѣвушки продолжаютъ принесенную съ собой работу, но вотъ явились парни, и работа смѣнилась любезничаньемъ, возней и хоровыми пѣснями, въ промежуткахъ которыхъ разсказываютъ сказки и загадываютъ другъ другу загадки. И это осеннее веселье молодежи затягивается почти до полночи. Въ прежнее время посидѣлкамъ предшествовалъ «дѣвичій саламатъ», или, какъ говорили, «смывать съ рукъ мозоли». Для чего 1 октября собравшаяся молодежь устраивала гулянку: они переходили изъ избы въ избу съ пѣніемъ и плясками, а вечеромъ собирались въ заранѣе условленный домъ гдѣ готовили ужинъ, изъ принесеннаго участниками гулянья мяса и изъ крупы съ масломъ изготовляется «саламатъ». Теперь обычай устройства «дѣвичьяго саламата» исчезъ, но посидѣлки сохранились въ той-же силѣ.

Бирки и сельскіе деревянные календари.

Слабое развитіе грамотности зачастую заставляло людей прибѣгать къ различнымъ іероглифамъ, къ какимъ-либо фигурнымъ письменамъ. Такіе условные знаки встрѣчаются на биркахъ—деревянныхъ календаряхъ и другихъ записныхъ дощечкахъ. Бирки и по настоящее время встрѣчаются въ употребленіи въ Забайкальѣ между казаками, крестьянами и инородцами, хотя, съ развитіемъ грамотности, онѣ постепенно исчезаютъ, и не далеко то время, когда совсѣмъ исчезнутъ изъ употребленія. Бирки въ настоящее время замѣняютъ собою росписки при сдачѣ животныхъ въ пастьбу и хлѣба въ общественный магазинъ; нерѣдко онѣ служатъ и памятными листками для прочихъ домашнихъ разсчетовъ.

Бирку составляетъ 4-хъ гранный деревянный брусокъ (см. табл. фигуры 1 и 2), толщиной въ $^1/_3$ вершка, длиною же отъ 2-хъ вершковъ до 1 аршина. Одинъ обозначается одной вертикальной чертой; два—двумя чертами, пять—чертой, наклоненной верхнимъ концомъ влѣво; десять—буквой X и т. д. При сдачѣ хлѣба четверти отмѣчаются на одной плоскости бруска, а гарнцы—на другой и, притомъ, болѣе мелкими знаками.

Послѣ нарѣзки соотвѣтствующей записи на биркѣ послѣдняя надрѣзается продольно такъ, чтобы надрѣзъ прошелъ по срединѣ знаковъ. Одна половина бирки остается у хозяина, а другая отдается пріемщику или должнику. При уменьшеніи или увеличеніи записи половинки бирки соединяютъ и дѣлаютъ соотвѣтствующую отмѣтку. Для провѣрки правильности записи половинки снова соединяютъ, причемъ требуется, чтобы всѣ нанесенныя на биркахъ отмѣтки совпали. Къ числу подобныхъ «памятушекъ» можно отнести записную дощечку, присланную мнѣ казакомъ Донинской станицы Нерчинскаго заводскаго округа, Косыхъ, которая употребляется инородцами р. Борзи при разсчетахъ съ казаками и другъ съ другомъ (смотр. табл. А фиг. 3). Эта дощечка служила памяткой для должника и заимодавца. На ней изображены предметы забора фигурами, а подъ ними стоимость ихъ въ рубляхъ — чертами, а въ копѣйкахъ—точками. Черты имѣютъ то же значеніе, что и на биркахъ; точки, наставленныя лѣвѣе чертъ, означаютъ десятки копѣекъ, а точки надъ фигурами—пятаки *).

Казачьи караулы и монгольскіе сторожевые пикеты во время дѣловыхъ переговоровъ для удостовѣренія полномочій своихъ представителей пользуются дощечками, на которыхъ вырѣзано, съ одной стороны по-русски, а съ другой—по-монгольски, на-

*) Фигуры изображаютъ слѣдующіе предметы: а) шкуру животнаго, б) вилы (значитъ, возъ сѣна), в) сани,—условно означаютъ два воза дровъ, г) стегно (бедро) мясо, д) лошадь е) деньги, ж) мѣшокъ съ хлѣбомъ, з) телѣга и топоръ, к) чугунный котелъ, л) чай кирпичный.

званіе казачьяго караула и его станичного округа. Эта дощечка расщепляется по поламъ: одна половина остается у нашихъ казаковъ, а другая отдается монгольской стражѣ.

Кромѣ только что перечисленныхъ записныхъ дощечекъ и бирокъ, которыми донынѣ пользуются забайкальскіе казаки, крестьяне и инородцы, прежде употреблялись деревянные календари или народные святцы, въ настоящее время исчезнувшіе въ народномъ обиходѣ. Они когда-то были настольной книгой. Эти календари играли важную роль въ обыденной жизни забайкальцевъ, служили указателемъ праздниковъ, постовъ, именинъ; ими руководствовались и для опредѣленія времени полевыхъ работъ.

Здѣсь сдѣлано совмѣстное описаніе календарей, найденныхъ у забайкальскаго казачьяго населенія, съ календарями, найденными у крестьянъ по р. Ленѣ и у инородцевъ Приморской области, въ виду того, что календари, найденные въ этихъ сопредѣльныхъ областяхъ, имѣютъ близкое сходство по начертанію знаковъ и по отмѣткамъ чтимыхъ дней. Вѣроятно, всѣ они занесены одними и тѣми же первыми колонизаторами нашего края, которые съ одинаковой энергіей и смѣлостью проникали въ глухую Якутскую тайгу, въ Даурію и въ бассейнъ далекаго Амура, всюду занося свои обычаи, вѣрованія и утварь домашняго обихода.

Въ Забайкальѣ календари, найденные въ Нерчинскомъ округѣ,—одинъ въ станицѣ Шелопугинѣ, а другой въ поселкѣ Пуринскомъ,—имѣютъ форму шести-гранной призмы, въ 7½ верш. длиною и вершокъ толщиной. На каждой грани помѣщается два мѣсяца. Календарь ленскихъ крестьянъ имѣлся у меня въ чертежѣ, который былъ найденъ г. Владиміровымъ въ архивѣ читинской консисторіи. Этотъ календарь формы 4-хъ гранной призмы, въ ¾ аршина длиною и въ вершокъ толщиной. На каждой грани вмѣщается 3 мѣсяца. Числа обозначены на всѣхъ календаряхъ зарубками на граняхъ, а праздники и прочіе почему-либо памятные дни отмѣчены или разнообразными знаками (эмблемами народныхъ вѣрованій, связанныхъ съ этими днями) или начальной буквой праздника.

Я пытался установить древность календарей, найденныхъ въ Нерчинскомъ округѣ, но на всѣ мои вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: «остался отъ стариковъ, а какъ они по немъ читали—не знаемъ». Календарь, чертежъ котораго былъ доставленъ г. Владиміровымъ, найденъ у крестьянина по р. Ленѣ и, судя по прилагаемому къ нему объясненію, его нашелъ одинъ священникъ около 50-хъ годовъ IX-то столѣтія. На просьбу священника отдать ему календарь, старикъ владѣлецъ, его, ни за что не соглашался на это. Онъ ссылался на то, что календарь остался отъ прадѣда; отецъ же, умирая, завѣщалъ дѣтямъ хранить календарь и передавать по наслѣдству. Такимъ образомъ священнику пришлось ограничиться лишь чертежемъ.

Новый годъ, по всѣмъ признакамъ, отмѣченъ на календаряхъ 1 сентября. Такъ напримѣръ, на календарѣ табл. I-го счетъ идетъ отъ лѣвой руки къ правой, и сентябрь стоитъ въ началѣ грани, тогда какъ январь въ срединѣ. На календаряхъ табл. 2 и 3-й первыя числа какъ сентября, такъ и января отмѣчены въ срединѣ грани, но здѣсь на обоихъ календаряхъ 1 января не отмѣчено никакимъ особеннымъ знакомъ и не отдѣлено ничѣмъ отъ декабря, какъ конца стараго года, тогда какъ 1 сентября на календарѣ табл. 2-ой отличено буквою Н; кромѣ того, между первымъ числомъ сентября и послѣднимъ числомъ августа вырѣзана фигура, состоящая изъ шести короткихъ вертикальныхъ линій, пересѣченныхъ одной общей горизонтальной. Этотъ знакъ какъ бы отдѣляетъ новый годъ отъ стараго; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что онъ является единственнымъ знакомъ въ срединѣ двухъ мѣсяцевъ.

Начало счета на календаряхъ табл. 2-й и 3-й съ 1 сентября идетъ отъ правой руки къ лѣвой, а на календарѣ табл. 1—отъ лѣвой руки къ правой и, затѣмъ, лентообразно переходитъ съ одной грани на другую.

Празднованіе новаго года въ сентябрѣ даетъ право предполагать, что эти календари принадлежатъ ко времени до-Петровской реформы или сдѣланы староверами.

На правыхъ концахъ каждой плоскости календарей табл. 2-ой и 3-ей вырѣзаны кресты; причемъ на календарѣ табл. 2-ой впереди каждаго креста имѣются особые разнообразные знаки.

Въ сентябрѣ отмѣчены слѣдующіе, болѣе чтимые народомъ, праздники: 1 сентября—

Семеновъ день. Къ этому дню пріурочено окончаніе нѣкоторыхъ полевыхъ работъ, потому и существуетъ пословица: «въ Семеновъ день косу въ пень». На всѣхъ трехъ календаряхъ онъ обозначенъ различными знаками: С. Н. и трехконечнымъ крестомъ. 8 сентября—Рождество Пресвятой Богородицы; на календаряхъ табл. 2-ой и 3-ей отмѣчено кругомъ. 14 сентября — Воздвиженіе животворящаго креста. На всѣхъ календаряхъ это число отмѣчено восьми-конечнымъ крестомъ. Съ этого дня всѣ зимоспящія животныя ложатся въ норы на зимнюю спячку. Къ этому же времени приближаются къ концу полевыя работы, поэтому говорятъ: «въ здвиженье послѣдняя копна съ поля двинется». 20 сентября—Евстафьевъ день, на календарѣ табл. 1 отмѣчено, какъ начало охоты за оленями и бѣлкой въ сѣверной части Забайкалья. 24 сентября отмѣченъ отъ прочихъ будничныхъ дней, по всей вѣроятности, какъ день многихъ именинниковъ. 26 сентября—Іоанна Богослова, отмѣчено на календарѣ табл. 1-ой иниціаломъ святого, а на календаряхъ табл. 2-й и 3 й—крестомъ.

Въ октябрѣ: 1 октября — Покровъ Пресвятой Богородицы. Съ этимъ днемъ связано полное окончаніе полевыхъ работъ; говорятъ: «овинъ — именинникъ», который и придаетъ празднику характеръ болѣе веселый: дѣвушки въ честь овина-именинника устраиваютъ саломатъ, т. е. варятъ гречневую или ячную крупу и, влившн въ нее въ изобиліи масла, ѣдятъ въ такомъ видѣ. Въ иныхъ же мѣстахъ вмѣсто крупы варятъ на водѣ муку. Полученное такимъ образомъ тѣсто поджариваютъ на сковородѣ и ѣдятъ съ масломъ. Во время саломата на складчину покупается и водка для того, чтобы, какъ говорятъ: «смыть съ рукъ мозоли». Покровъ изображенъ на календарѣ табл. 1-й кустомъ безъ листьевъ, что, по всей вѣроятности, указываетъ на осеннее время, когда деревья и кусты теряютъ свои листья, а на календаряхъ табл. 2-й и 3-й отмѣченъ крышей, что значитъ: кроетъ кровъ, покровъ. На календарѣ табл. 2-ой отмѣчены 5 и 9 октября, а на табл. 3-й—5 число; на табл. 1-ой—10 октября. По всей вѣроятности, всѣ эти числа отмѣчены, какъ дни мѣстныхъ или семейныхъ праздниковъ. 22 октября—Казанская Божія Матерь. На календарѣ табл. 1-ой отмѣчена буквою К, а на календаряхъ табл. 2-ой и 3-й—крестомъ на кругѣ. 26 октября—Дмитріевъ день. Какъ говорятъ: «Митрій рѣкоставъ». Къ этому дню въ восточной части Забайкалья мелкія рѣки замерзаютъ. Отличенъ буквою 4—Д.

Въ ноябрѣ: 1 ноября отмѣчено на всѣхъ календаряхъ: на табл. 1-ой буквою «Н», а на остальныхъ—нѣсколько удлиненной чертой. Нужно полагать, что это число являлось какимъ-либо мѣстнымъ праздникомъ. 8 ноября—Михаилъ Архистратигъ. Этотъ праздникъ почитается сельскимъ населеніемъ повсемѣстно. На календаряхъ табл. 2-ой и 3-ей онъ отмѣченъ копьемъ, какъ эмблема небеснаго воина. 14 ноября. Это число отмѣчено, какъ начало Филиппова поста. 21 ноября—Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы («Введеньевъ день»). На календаряхъ табл. 1-й и 2-й отмѣчено буквою «В», а на табл. 3-й—крестомъ на кругѣ. 24 ноября—Екатерина Великомученица. Эта святая пользуется у населенія большимъ почетомъ, и ея имя часто дается дѣвочкамъ при крещеніи. 24 ноября—Знаменіе Пресвятой Богородицы. По народному повѣрію, кто работаетъ въ этотъ праздникъ, тотъ будетъ наказанъ или неудачей въ дѣлахъ или потерей животины; поэтому каждый старается не работать, а почтить этотъ праздникъ.

Въ декабрѣ: 6 декабря - Николай Чудотворецъ, «Николинъ день». Этотъ святой среди крестьянскаго населенія пользуется особеннымъ почетомъ. Его называютъ не иначе какъ «Микола милостивый». На календаряхъ табл. 2-й и 3-й онъ изображенъ кустомъ, что указываетъ на него, какъ на покровителя растительнаго царства. На это же указываетъ и народный обычай, когда, при полномъ окончаніи жатвы на полѣ, оставляется клокъ несжатыхъ колосьевъ, какъ говорятъ: «Миколѣ на бородку». Онъ же считается и покровителемъ охоты; поэтому звѣропромышленники къ Николину дню стараются вернуться изъ тайги домой, чтобы дома почтить «Миколу». 12 декабря—св. Спиридона. Спиридоновъ день не почитается какъ праздникъ, но съ нимъ связана народная примѣта о перемѣнѣ съ этого дня состоянія погоды: «солнце на лѣто, зима на морозъ», потому и называется этотъ святой «Спиридономъ-солноворотомъ». На календарѣ табл. 1-ой изображено это число буквою «С», а на остальныхъ—фигурой, напоминающей собой солнце. 25 декабря—Рождество Христово отмѣчено на календаряхъ

табл. 2-й и 3-й четырьмя крестами; четвертый крестъ, по всей вѣроятности, относится къ сочельнику; остальные же три указываютъ на три дня праздника.

Въ январѣ: 1 января—Васильевъ день. Отмѣченъ на календарѣ табл. 1-й буквою «В», а на табл. 2-й и 3-й—крестомъ. Наканунѣ этого дня старики гадаютъ объ урожаѣ хлѣба. Для этого они наливаютъ въ ложки воду и, завѣтивъ каждую ложку на извѣстный хлѣбъ, ставятъ ихъ въ рѣшето съ хлѣбомъ и на ночь выносятъ на улицу. Въ которой изъ ложекъ вода замерзнетъ съ болѣе высокимъ бугоркомъ, урожай того завѣтченнаго хлѣба будетъ хорошій. 6 января—Крещеніе Господне. Этотъ праздникъ отмѣченъ на календаряхъ табл. 1-й крестомъ, какъ бы изображающимъ явленіе Св. Троицы, а на табл. 2-й и 3-й—хоругвями, напоминающими о крестномъ ходѣ. 18 января. Относительно этого числа говорятъ: «полозъ покатится», т. е. въ это время путь обледенѣетъ, и получится хорошая санная дорога; поэтому 18 января на табл. 2-й и 3-й отмѣчено изображеніемъ саней. 24 января. Это число не почитается какъ праздникъ. Оно лишь связано съ народной примѣтой относительно того, что съ этого дня наступаетъ вторая половина зимы. Поэтому говорятъ о числѣ: «Оксинья-полузимница». 30 января—день трехъ святителей. На всѣхъ календаряхъ онъ отмѣченъ тремя линіями, исходящими изъ одной точки.

Въ февралѣ: 2 февраля—Срѣтенье Господне. На календарѣ табл. 1-й отмѣчено буквою «С», а на остальныхъ—крестомъ. 24 февраля—Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи. На календарѣ табл. 1-й отмѣчено буквою «Г», что значитъ глава; на остальныхъ же изображена фигура головы. 29 февраля отмѣчено, какъ число, относящееся къ високосному году. На календаряхъ табл. 2-й и 3-й оно стоитъ отдѣльно и отмѣчено крестомъ; на календарѣ же табл. 1-й соединено съ 28-мъ числомъ.

Въ мартѣ: 1 марта — Евдокіинъ день; отмѣченъ не какъ праздникъ, а какъ день, связанный съ примѣтой, что съ этого дня наступаетъ тепло. На календаряхъ таб. 1-ой и 2-ой это число обозначено буквою «Е». 6-е и 9-е марта. 6 числа воспоминаются 42 мученика, а 9—40 святыхъ, причемъ въ этотъ день стряпаютъ изъ пшеничнаго тѣста жаворонки въ виду ихъ прилета 9 марта. 17 марта — Алексѣевъ день. Это число отмѣчено не какъ праздникъ, а какъ день, связанный съ народной примѣтой о томъ, что съ этого дня наступаетъ оттепель: «Загорается ледъ отъ воды, а снѣгъ отъ земли». 25 марта—день Благовѣщенья Пр. Богородицы поселяне строго соблюдаютъ; по ихъ вѣрованію, въ этотъ день ласточка не вьетъ себѣ гнѣзда, поэтому они стараются избѣгать работы. По вѣрованію ихъ, если женщина будетъ шить въ Благовѣщенье, то всѣ вновь родившіеся ягнята будутъ безъ задняго прохода. По примѣтамъ, къ Благовѣщенью прилетаютъ утки, поэтому на календаряхъ табл. 2-ой и 3-й 25-ое марта отмѣчено изображеніемъ птицы.

Въ апрѣлѣ: 1 апрѣля—Марія Египетская. Это число отмѣчено слѣдующими знаками: на календарѣ табл. 1 изображеніемъ голой женской фигуры въ воспоминаніе изъ страницъ житія этой святой, на календарѣ табл. 2-й и 3-й—иниціаломъ «М». 23 апрѣля—Георгій Побѣдоносецъ («Егорьевъ день»). На календаряхъ отмѣченъ на табл. 1-й изображеніемъ лошади, въ воспоминаніе дня отдыха лошадямъ, а на табл. 2-й и 3-й—изображеніемъ копья, какъ эмблемы храбрости и силы святого. Въ этотъ день въ селахъ устраиваются крестные ходы на ближайшую рѣку или озеро, гдѣ служится молебенъ, послѣ котораго купаютъ лошадей. Работы въ Егорьевъ день на лошадяхъ не производятъ, такъ какъ этотъ день есть лошадиный праздникъ.

Въ маѣ: 1 мая отмѣченъ не какъ праздникъ, а какъ начало весенней полевой работы, т. е. пахоты, поэтому и говорятъ объ этомъ числѣ: «Врема запрягальникъ». Согласно со смысломъ этой пословицы, связанной съ сельско-хозяйственными работами, на календаряхъ сдѣланы слѣдующія изображенія: на табл. 1—верхняя часть сохи, а на табл. 3—сошникъ; на табл. же 2-й надъ этимъ числомъ стоитъ буква «И». 9 мая—Перенесеніе мощей Николая Чудотворца или, какъ говорятъ: «Николинъ день». Почитается этотъ праздникъ также, какъ и 6 декабря, и отмѣченъ изображеніемъ тѣхъ же знаковъ. 21 мая—матери Елены, царя Константина или, какъ говорятъ: «Царя града». Въ этотъ день стараются избѣгать полевыхъ работъ, такъ какъ, въ наказаніе за нарушеніе праздника,

святой выражаетъ свой гнѣвъ надъ виновнымъ тѣмъ, что посылаетъ градъ, которымъ истребляется весь хлѣбъ. 25 мая—Обрѣтенье главы Іоанна Предтечи.

Въ іюнѣ: 12 іюня—Онуфріевъ день. Это число отмѣчено не какъ праздникъ, а какъ день, съ которымъ связана народная примѣта о состояніи погоды. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстахъ Забайкалья ночная температура до 12 іюня бываетъ низкая, и крестьяне, желая узнать, будутъ ли инеи съ 12 іюня, для этого выносятъ на ночь мокрую судомойку. Если судомойка обледенѣетъ, то, значитъ, еще будутъ инеи. 24 іюня—Рождество Іоанна Предтечи, или, какъ говорятъ: «Иванъ Травникъ». Наканунѣ этого дня ходятъ въ поле и собираютъ лѣкарственныя травы. На календарѣ табл. 2-й и 3-й это число отмѣчено нѣсколькими знаками. 29 іюня—Петра и Павла. Это число отмѣчено изображеніемъ рыбы, и знакъ этотъ напоминаетъ о только что прошедшемъ постѣ, когда употреблялась въ пищу рыба, или есть эмблема того, что эти апостолы были рыбаками.

Въ іюлѣ: 8 іюля—Прокопьевъ день. Съ этого дня начинается сѣнокосъ, поэтому на календаряхъ табл. 1-й и 3-й надъ нимъ изображена коса (горбуша), а на табл. 2-й буква «П». 20 іюля—Ильинъ день. Считая Илью Пророка громовержцемъ, такъ какъ громъ, по вѣрованію сельскаго населенія, происходитъ отъ его поѣздки на колесницѣ, поселяне стараются избѣгать полевыхъ работъ въ этотъ день; если же кто производитъ ихъ въ Ильинъ день, то вся его исполненная въ этотъ день работа будетъ истреблена молніей. На всѣхъ календаряхъ онъ отмѣченъ изображеніемъ колеса, какъ части колесницы пророка. 28 іюля—отмѣченъ какъ праздникъ Смоленской Божіей Матери, которая пользуется особымъ почетомъ и у забайкальскаго населенія.

Въ августѣ: 1, 6 и 15 августа—глубоко чтимые народомъ два Спаса и Успеніе Пр. Богородицы. Въ память крестнаго хода 1 августа, какъ первый Спасъ, отмѣченъ изображеніемъ хоругви; 6 августа отмѣченъ изображеніемъ креста, а Успеніе Пр. Богородицы на табл. 2, 3 изображеніемъ гроба. 18 августа. Это число мы встрѣчаемъ, отмѣченнымъ на двухъ календаряхъ табл. 2-й и 3-й, какъ день Фрола и Лавра. На первомъ оно отмѣчено изображеніемъ лошади, что указываетъ на народное повѣріе, которое считаетъ этихъ святыхъ покровителями домашнихъ животныхъ, въ особенности лошадей. Въ силу этого повѣрія, во всѣхъ наговорахъ, во время лѣченія животныхъ, или огражденія ихъ отъ порчей, обращаются къ защитѣ и помощи Фрола и Лавра. Изображеніе серпа надъ этимъ же числомъ на календарѣ таб. 3-й напоминаетъ собой о времени наступленія жатвы, такъ какъ обыкновенно къ этому времени уже начинаютъ жать хлѣба. 29 августа Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. На календаряхъ табл. 1-й и 3-й это число отмѣчено изображеніемъ креста, какъ эмблемы Крестителя. На календарѣ табл. 2-й изображенъ мечъ, въ память отсѣкновенія главы святому.

Помимо описанныхъ праздниковъ на всѣхъ календаряхъ имѣются дни, отмѣченные какъ второстепенные праздники или просто дни именинъ. На ленскомъ календарѣ табл. 1-й отмѣчены числа слѣдующихъ святыхъ: Михаила Архистратига, 6 сентября, Евлампія 10 октября, св. Наума 1-го и Варвары велико-мученицы 4 декабря Василія пресв. 22 марта, преподобнаго Георгія 7 апрѣля, Іоанна Богослова 8 мая, Тихвинской иконы Божіей Матери 26 іюня, Маріи Магдалины 22 іюля. Изъ этого перечня святыхъ, отмѣченныхъ на ленскомъ календарѣ, видно, что у крестьянъ по р. Ленѣ преобладающія мужскія имена слѣдующія: Михаилъ, Евлампій, Матвѣй, Наумъ, Василій, Лука, Иванъ и Егоръ; женскія же: Марія, Варвара, Аксинья, Фекла и Дарья. На календаряхъ табл. 2-й и 3-й отмѣчены, кромѣ перечисленныхъ прежде, еще дни именинъ и прочихъ семейныхъ праздниковъ въ слѣдующія числа: 3, 17, 26 и 27 ноября, 29 мая, 8 іюня Ѳеодора Стратилата отмѣчено буквою «Ѳ», 1, 15, 24 и 26 іюля.

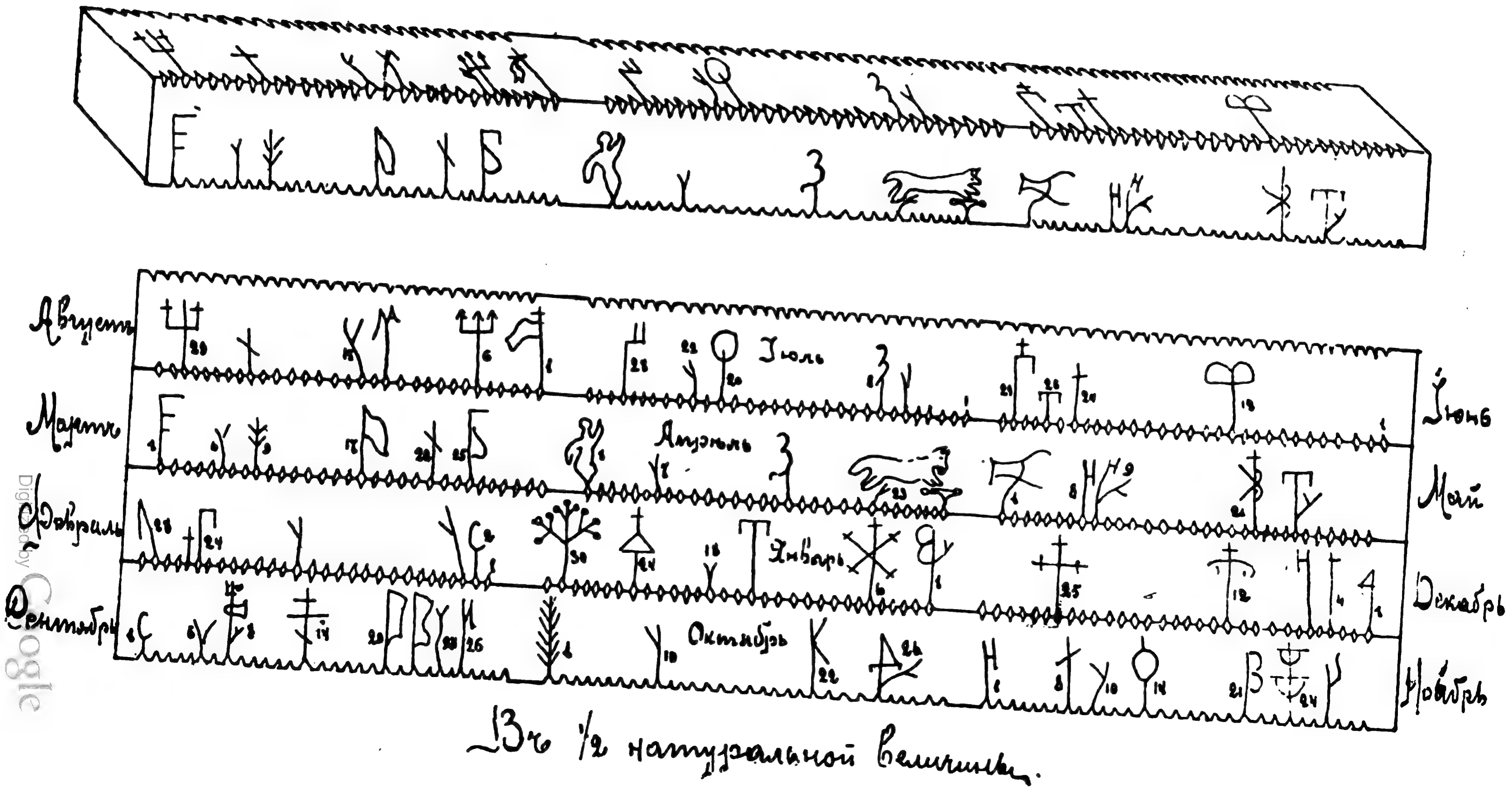
Въ коллекціяхъ Хабаровскаго музея имѣется костяной календарь, какой встрѣчалъ въ свое время Миддендорфъ у якутовъ. Онъ имѣетъ форму шестигранной призмы съ расширеніемъ въ срединѣ. Знаки на этомъ календарѣ, по своему начертанію, нѣсколько напоминаютъ знаки предыдущихъ календарей (см. табл. 4-ая). На каждой грани этого календаря помѣщено два мѣсяца. Отмѣчены на немъ слѣдующія праздничныя числа: 6 января—Крещеніе Господне изображено крестомъ. 18 января. Это число отмѣчено фигурой, изображающей сани, что подтверждаетъ народную поговорку: «Полозъ покатится», т. е. устанавливается къ этому времени обледенѣвшій путь. 24 января—число, обозна-

чающее половину зимы. 30 января трехъ святителей, на что и указываютъ три точки. 2 февраля—Срѣтенье Господне изображено пятью точками. Отмѣчены 7 и 11 и 21 февраля. Это послѣднее число, вѣроятно, ошибочно отмѣчено вмѣсто 24, какъ дня Обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи; тѣмъ болѣе вѣроятна эта ошибка, что фигура надъ этимъ числомъ напоминаетъ собою голову; 9 марта—день 40 святыхъ отмѣченъ восьмью точками; 17 марта — Алексѣевъ день отмѣченъ изображеніемъ вилообразной фигуры. 25 марта—Благовѣщенье Пр. Богородицы изображено неопредѣленной фигурой. Можетъ быть, это гнѣздо, какъ эмблема того, что птица въ этотъ день не вьетъ гнѣзда; 23 апрѣля—Егорьевъ день, отмѣченъ изображеніемъ фигуры, напоминающей какого-то животнаго. Въ маѣ болѣе другихъ отмѣчены: 9 мая, какъ день св. Николая Чудотворца, 21—Царя града, 25—третье обрѣтеніе главы Іоанна Предтечи, на что и указываетъ изображеніе трехъ точекъ. Въ іюнѣ отмѣчены: 12 число, какъ день Онуфрія. Знакъ надъ этимъ числомъ отличается отъ знаковъ прочихъ календарей; 15 число отмѣчено изображеніемъ пяти точекъ, 24-го—Рождество Предтечи, 29—Петра и Павла. Въ іюлѣ имѣющими болѣе важное значеніе отмѣчены: 8-го Прокопьевъ день и 20—Ильинъ день, который и обозначенъ колесомъ. Въ августѣ: 1, 6 и 15 числа, какъ три, почитаемые народомъ Спаса. 1-го Сентября отмѣчено какъ и на прочихъ календаряхъ. 8 сентября—Рождество Пр. Богородицы. 14-е—какъ день Воздвиженья Креста Господня. 1 октября отмѣчено изображеніемъ куста, какъ и на календарѣ табл. 1. Въ ноябрѣ: 1, 8, 14 и 24, изъ которыхъ болѣе всѣхъ празднуется въ народѣ 8-ое, Михайловъ день. Въ декабрѣ: 6-ое число, какъ праздникъ Николая Чудотворца, и 25—Рождество Христово. Помимо тѣхъ чиселъ, которыя перечислены здѣсь, встрѣчаются отмѣтки еще и на другихъ числахъ, но нужно полагать, что это незначительные мѣстные или семейные праздники.

Членъ сотрудникъ Приамурскаго Отд. И. Р. Г. Общ. *К. Д. Логиновскій.*

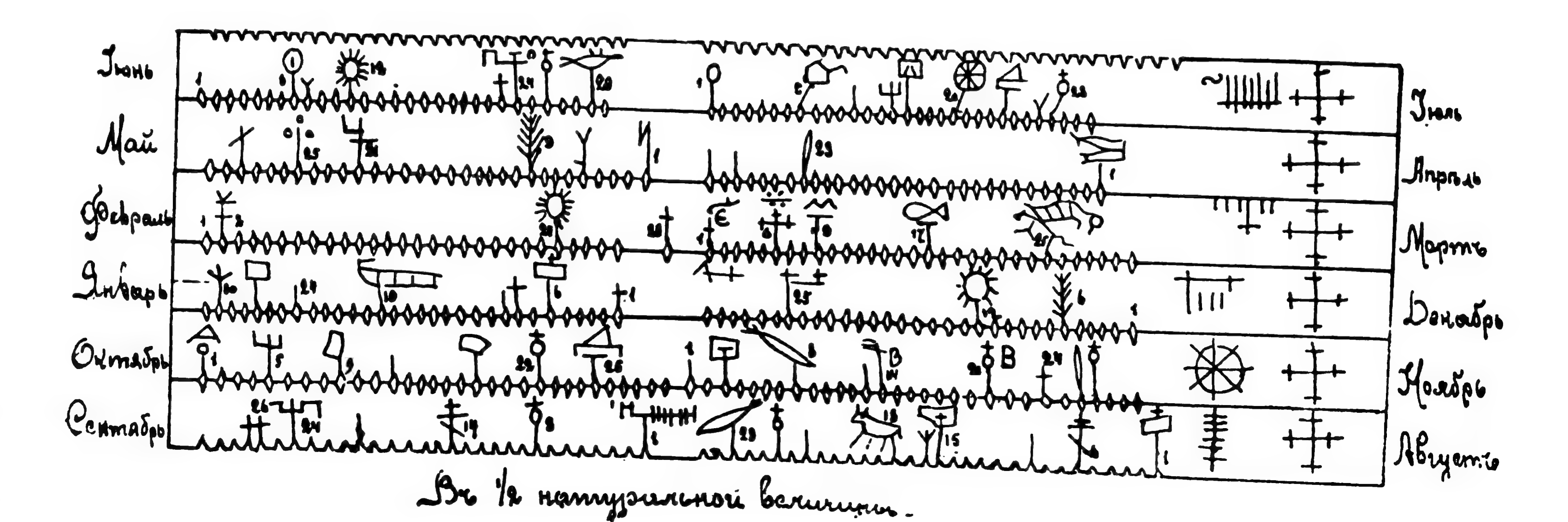
Хабаровскъ.

Таблица 1.

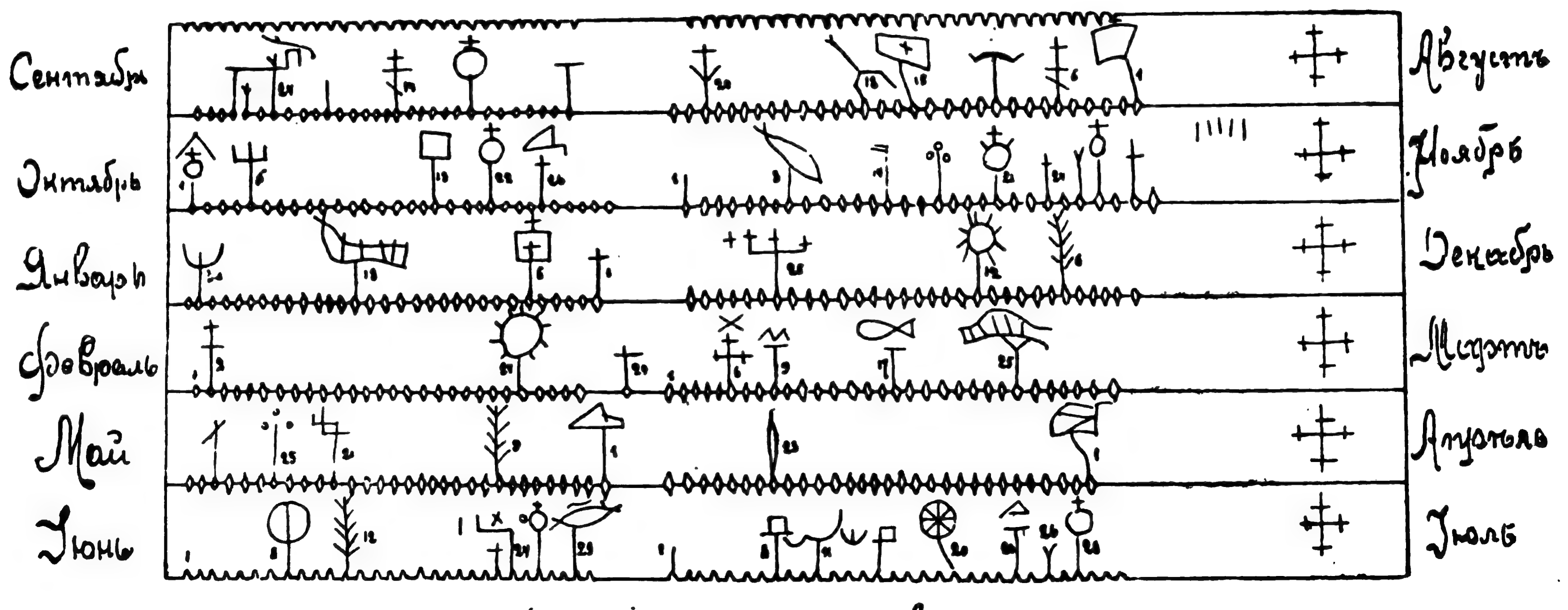
Въ ½ натуральной величины.

Таблица 2.

Въ 1/2 натуральной величины.

Таблица 3.

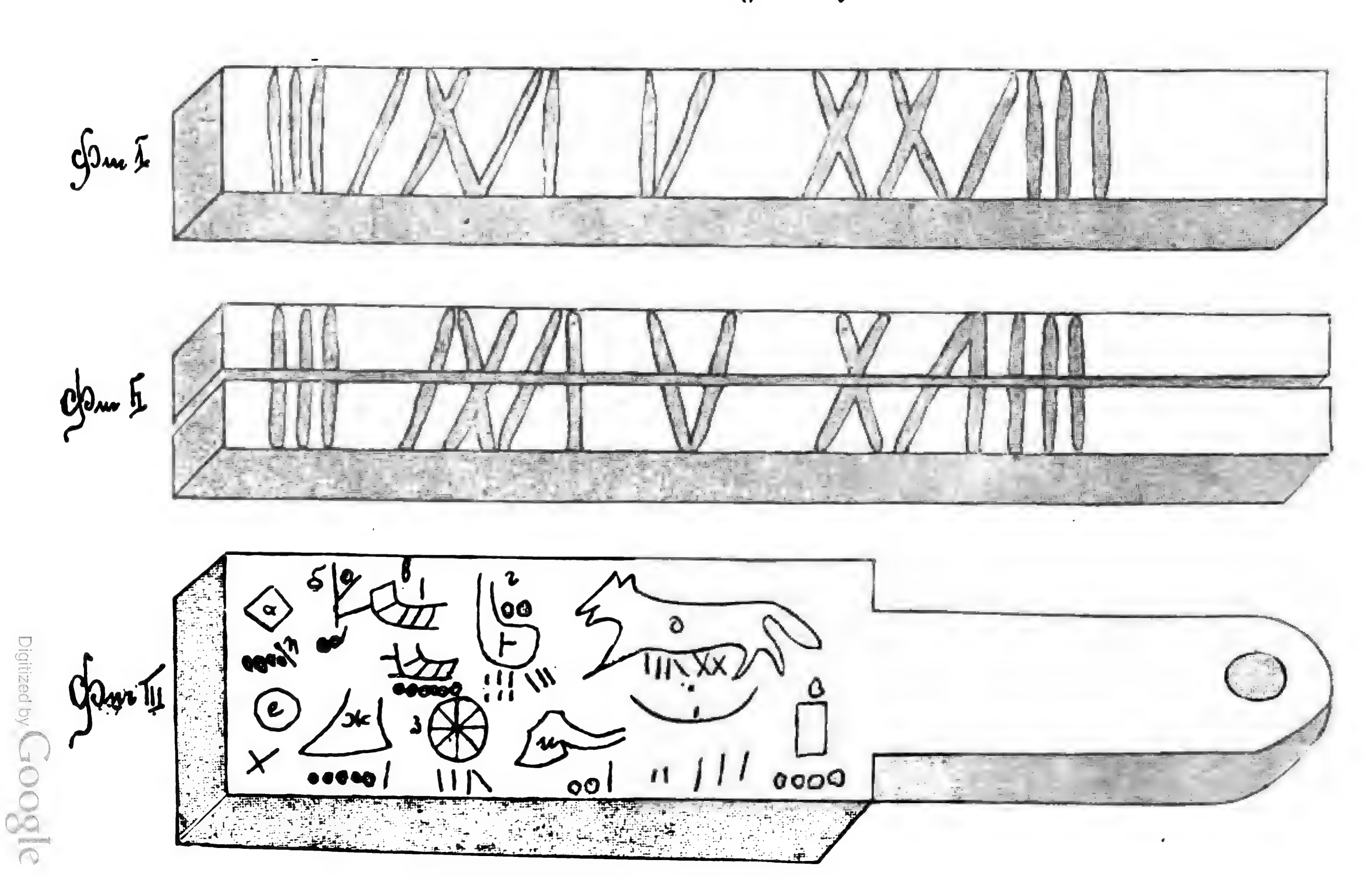
Въ ½ натуральной величины

Таблица 4

Февраль | Январь
Ноябрь | Декабрь
Октябрь | Сентябрь
Іюль | Августъ
Іюнь | Май
Мартъ | Апрель

Въ натуральную величину

Таблица А.

Простонародное лѣченіе болѣзней въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, съ постепеннымъ развитіемъ промышленности и народнаго образованія всюду въ сельскомъ населеніи замѣчается упадокъ старинныхъ обычаевъ, нравовъ. и т. п.; все это естественно, иначе и быть не можетъ.

Для этнографа такой моментъ въ жизни народа очень важенъ. Важенъ онъ въ томъ отношеніи, чтобы не пропустить времени для отмѣтки того или другого изъ «старины глубокой» по части этнографіи, пока это то или другое не перешло въ область преданій. Вотъ почему и я пишу настоящую свою замѣтку, повидимому, не имѣющую теперь особаго значенія для читателя.

Прежде всего надо сказать, что въ послѣднее время земская медицина въ Кадниковскомъ уѣздѣ поставлена весьма удовлетворительно, доказательствомъ чего можетъ служить то обстоятельство, что земство ассигновало по смѣтѣ на 1900 годъ къ расходованію на это дѣло 55.348 руб.,—сумма, какъ видите, довольно изрядная, и на нее можно кое-что сдѣлать. Немало, конечно, уже и сдѣлано. Такъ, напр., изъ отчетовъ по врачебной части видно, что больныхъ въ кадниковской больницѣ и четырехъ лѣчебницахъ въ 1899 г. было 1928 человѣкъ, проведшихъ на излѣченіи 35.926 дней, амбулаторныхъ же больныхъ по уѣзду въ томъ году было 91.091 человѣкъ [1]).

Но несмотря на все это, простонародное лѣченіе болѣзней всюду по уѣзду практикуется еще до сихъ поръ, особенно въ глухихъ, отдаленныхъ отъ больницъ деревняхъ; съ этого-то рода лѣченіемъ я и хочу познакомить читателя.

Начнемъ съ головной боли и кончимъ болѣзнями ногъ.

I. а) Отъ головной боли лѣчатся такъ: беруть кусокъ глины, размачиваютъ его въ водѣ и разминаютъ, а затѣмъ кладутъ ее пластомъ въ тряпку и обвертываютъ голову. Сырая глина, какъ извѣстно, холодитъ голову и больной чувствуетъ нѣкоторое облегченіе.

б) Прикладываютъ къ головѣ капустные листья, смоченные предварительно въ квасу.

в) Прикладываютъ тертую рѣдьку.

г) При нервныхъ боляхъ, голову обвертываютъ платкомъ какъ можно туже, т. е. крѣпче.

д) Пьютъ траву, по мѣстному названію «адамова голова». Приготовляютъ эту траву такъ же, какъ чай: кладутъ въ чайникъ 2—3 травинки и, заваривши, пьютъ по чайной чашкѣ 3—4 раза въ день.

2. Глазныя болѣзни. а) Моютъ глаза хорошимъ мыломъ глицерниновымъ или яичнымъ, а когда это не помогаетъ, то спускаютъ въ глаза растворъ крымзы [2]).

б) Смѣшиваютъ яичный бѣлокъ съ тертыми квасцами и, намазавъ такую смѣсь на тряпку, прикладываютъ къ глазамъ.

в) При бѣльмахъ употребляютъ имбирный корень или леденцовый сахаръ въ порошкѣ. Если это средство не помогаетъ, то промываютъ глаза виномъ, настоеннымъ на камфорѣ, дабы «проѣло».

---

[1]) Доклады кадниковской уѣздн. земской управы и журналы земск. собранія 1900 г. стр. 114, 115 и 545.

[2]) Крымза—каломель.

г) Если глаза «засыпаются», т. е. по утрамъ бываетъ нагноеніе, то бросаютъ въ нихъ нюхательнаго табаку.

д) При болѣзни вѣкъ употребляется въ дѣло лѣченія хмѣлевой листъ; листомъ этимъ (шаршавой стороной) трутъ вѣка; если это не поможетъ, спускаютъ въ глаза регальное или муравьиное масло. Послѣднее приготовляется такъ: берутся муравьи и кладутся въ бутылку, которую ставятъ въ жаркую печь; когда же всѣ муравьи полопаются отъ жары, тогда ихъ извлекаютъ оттуда и выжимаютъ изъ нихъ сокъ, который и называется масломъ.

е) При краснотѣ глаза засыпаютъ его чистымъ и пережженнымъ сахаромъ.

ж) Засореніе глаза очищаютъ языкомъ какой-нибудь «мастерицы», т. е. спеціалистки.

з) При коньюнктивитѣ спускаютъ въ глаза растворъ kali jod.

и) Опухоль железы на вѣкахъ («письякъ») лѣчатъ примачиваніемъ своей мочей или прикладываніемъ къ глазу теплаго мягкаго хлѣба, который при остываніи долженъ быть выброшенъ собакѣ, иначе это средство не поможетъ. Отдается же собакѣ этотъ хлѣбъ, а съ нимъ и самую болѣзнь потому, что, по повѣрію, и самая-то болѣзнь эта получается отъ собаки, а именно тогда, когда видишь, что собака испражняется, и если не съумѣешь или не успѣешь сказать: «собака сцы и с... и себѣ на глаза», то и сдѣлается письякъ.

3. Насморкъ («насмока»). а) Насморкъ излѣчиваютъ такъ: мажутъ переносье саломъ, нюхаютъ табакъ, сморкаются въ портянки.

б) Если ни одно изъ упомянутыхъ средствъ не помогаетъ, то мажутъ соплями дверную скобу, чтобы насморкъ перешелъ къ тому, кто послѣ того первый возьмется за скобу.

в) При коростахъ у носа отмачиваютъ ихъ теплымъ спитымъ чаемъ—травой.

г) Мажутъ носъ сажею и по повѣрью кто первый скажетъ, что у тебя-де на носу сажа, къ тому и перейдетъ насморкъ.

д) Прилѣпляютъ къ носу травинку осоки, и кто скажетъ, что «у тебя на носу осока», слѣдуетъ отвѣтить: «перейди къ нему моя насмока».

е) Трутъ носъ кошачьимъ хвостомъ.

4. Зубная боль а) Кладется на больной зубъ лозорь (краска), купоросное масло или крѣпкая водка (acidum nitricum) или же стручковый перецъ, вино.

б) Если это не поможетъ, то приготовляется настой изъ горошечнаго перца съ виномъ, и держатъ этотъ настой во рту.

в) Кладется на зубъ даже человѣческій калъ, полощутъ холодной водой.

г) Дѣлается такая специія: берется часть толченаго перцу, часть сахарнаго песку и немножко вина, чтобы развести эту смѣсь и на ложкѣ или на чайномъ блюдечкѣ нагрѣваютъ ее надъ свѣчкой и затѣмъ этой смѣсью, пока она не остыла, залѣпляютъ дупло и мажутъ десну.

д) Если въ домѣ никто не умиралъ, то берутъ изъ трещины въ стѣнѣ (изъ бревна) перемычку и выходятъ съ нею ночью на улицу, когда свѣтитъ луна, и говорятъ, повторяя трижды: «какъ у покойника не болятъ ни зубы, ни дёсны, такъ бы и у раба Божія (имя рекъ) не болѣли бы ни зубы, ни дёсны», и перемычку эту кладутъ на больной зубъ.

е) Ходятъ на кладбище и ищутъ тамъ человѣческую кость, если найдутъ, то трутъ ею зубы и десна, говоря тѣ же слова, что и при употребленіи перемычки.

ж) Настаиваютъ на винѣ траву—«подорожникъ» и кладутъ на зубъ.

5. Боль въ горлѣ. а) При болѣзни горла (напр. ангина) кладутъ на горло сахарную бумагу, смазанную саломъ; привязываютъ къ ночи шерстяной носокъ, предварительно смазавши шею саломъ же.

б) При кашлѣ сухомъ употребляется настой травы, извѣстной подъ названіемъ «звѣробой», и также намазывается горло и грудь саломъ.

6. Грудныя болѣзни. а) Отъ грудной боли пьютъ вино, настоенное на стручковомъ перцѣ. Кромѣ того мажутъ грудь и бока скипидаромъ, чтобы «разогнать кровь».

б) Если эти средства не помогають, то водять больного въ баню и тамъ дѣлають припарки изъ сѣнной «трухи» [1]) и къ ночи поять настоемъ изъ «дорогой травы» (Sarsaparilli) съ виномъ.

в) Заваривають овесъ, какъ чай, и тоже пьють.

7. Желудочныя болѣзни. а) Сначала растирають животъ (массажъ), а затѣмъ дають пить скипидаръ, а иногда и нашатырь, конечно, по немногу.

б) Если это не поможетъ, то наливають въ бутылку горячей воды и катають ею по животу больного или же накладывають на животъ горшокъ, предварительно вложивши въ него немножко кудели и зажегши ее, и получается нѣчто вродѣ сухихъ банокъ.

в) Пьють соленый квасъ, водку съ солью или съ перцомъ, также и хрѣнъ, называя его «сердечнымъ порошкомъ».

г) Если животъ болитъ отъ глистовъ, то пьють постное масло (изъ сѣмянъ льна) и повертывають пупъ.

д) Если боль объясняется, что «пупъ сорвалъ», то кувыркаются черезъ голову и пьють соленую воду, настой изъ калганнаго корня.

е) При запорахъ пьють «сыворотку», т. е. отбросы отъ творога.

8. Болѣзни спины. а) При лѣченіи боли въ спинѣ, больного берутъ въ охабку и встряхивають.

б) Сѣкутъ т. е. рубятъ какія-нибудь межевыя вѣхи (утинъ, по мѣстному) и, придя къ больному, кладутъ его на порогъ животомъ, а на спину кладется голикъ (вѣникъ безъ листья) и стучать по голику топоромъ, при этомъ кто-нибудь долженъ спросить: «чего сѣчешь?», сѣкущій отвѣчаетъ: «утинъ».—«Ну, такъ,—говорятъ,—сѣки его больнѣе, чтобы не было у Степана боли».

в) Если спина болитъ отъ ушиба, то больного заставляють перегибаться черезъ палку или кувыркаться, а также употребляется натираніе спины скипидаромъ или керосиномъ.

г) При простудѣ, когда спину «надуло» вѣтромъ, прикладываются иногда припарки изъ сѣнной трухи.

9. Простуда, лихорадка («кумуха»). а) Прежде всего, когда человѣкъ почувствуетъ ознобъ, его ведутъ въ баню и тамъ парятъ, какъ возможно дольше, чтобы пропотѣлъ. Послѣ бани натирають его скипидаромъ или керосиномъ или же муравьинымъ спиртомъ.

б) Къ ночи больного поять настоемъ на винѣ стручковаго перца, а ноги обкладывають чистымъ березовымъ листомъ; утромъ же заставляють его ходить по росѣ босымъ, если это случилось не зимою.

в) Если эти средства не помогутъ, то приносится изъ лѣсу муравьище и кладется на него кадка съ теплой водою, куда больной и кладетъ свои ноги. Это тоже своего рода припарки.

г) Лѣчать и паровыми ваннами, а именно: обертывается больной мокрой простыней, садится на стулъ съ рѣшеткой, подъ стулъ ставится какой-нибудь сосудъ, наполненный какимъ-нибудь горючимъ матеріаломъ, каковой и зажигается. Отъ жара нагрѣвается мокрая одежда и образовавшіеся пары согрѣвають тѣло больного.

10. Накожныя болѣзни. а) При лишайныхъ сыпяхъ мажутъ пораженныя части дегтемъ, клюквой, а иногда и сметаной, которую, затѣмъ, дають слизать съ больного собакѣ.

б) При мокнущемъ лишаѣ или экземѣ присѣкають кремнемъ и огнивомъ (желѣзная пластинка) летучій огонь, но при этомъ наблюдается, чтобы одинъ изъ присѣкающихъ былъ самый старшій изъ семьи, а другой—самый младшій; одинъ другого долженъ спросить: «что присѣкаешь?» Отвѣтъ: «летучій огонь засѣкаю»:—«Сѣки бойчѣе, чтобы вѣкъ его не было».

в) Сухой лишай мажутъ грязью изъ трубки или чубука.

г) Коросты на головѣ и вши смазываются ртутной мазью, которую приготовляють сами изъ ртути, свѣжаго сала и масла.

д) При чесѣ моются въ банѣ дегтярной водой или соленымъ молокомъ. Такъ же

[1]) Труха—измельченное сѣно.

мажутъ сметаной, что и при сыпяхъ или мажутъ мазью, приготовляемой изъ горючей сѣры со сметаной.

е) На вереда прикладываютъ печеный лукъ, привязываютъ варъ, бѣлый грибъ, смоченый въ теплой водѣ, иногда шкурку лѣтяги (мездрою на вередъ). Это послѣднее средство, по словамъ знатоковъ, очень хорошее средство, жаль только, что звѣрковъ этихъ мало водится въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

ж) Прикладываютъ нѣкоторые знахари вмѣсто упомянутыхъ веществъ битые пряники или теплый творогъ.

з) Раны засыпаютъ табакомъ, засыпаютъ сахарамъ, паутиной, сверху же кладется листъ подорожника или бересты. Свѣжія раны покрываются лакомъ спиртовымъ и завязываются тонкой кожей—бахтармой. Иногда раны засыпаются алебастромъ.

и) При проколотой ранѣ, когда сдѣлается уже нарывъ, привязываютъ жеванный хлѣбъ съ солью.

і) Къ нарывамъ привязываютъ мыло, подорожникъ и варятъ еще какой-то пластырь съ сѣрою.

к) При ранахъ, напр., sifilis'а, щелокомъ гонятъ волосъ, прикладываютъ заячью шкурку, мездрою къ ранѣ. Первое средство извѣстно, какъ шарлатанство знахарей и дѣлается оно такъ: знахарь приноситъ къ больному своего щелоку; положивши предварительно въ щелокъ нѣсколько волосинокъ, онъ начинаетъ мыть рану и какъ будто изъ нея вытаскиваетъ одну за другой волосинки, говоря: и у тебя оттого долго не заживаетъ рана, что тамъ росли волосинки, но теперь я ихъ выгналъ, и рана скоро заживетъ». Больной, конечно, обрадуется, и лишній «пятакъ» перепадетъ въ руку такому знахарю.

л) При трещинахъ сосковъ (у женщины) мажутъ ихъ яичнымъ масломъ (изъ желтка) или деревяннымъ (елеемъ), а также, если найдется, свѣжимъ медвѣжьимъ саломъ. Послѣднее—отличное средство при всякихъ трещинахъ на тѣлѣ или царапинахъ, но, къ сожалѣнію, не всегда имѣется оно. Къ ранамъ прикладываютъ еще варъ съ масломъ.

м) Кровотеченіе изъ ранъ останавливаютъ засыпкою сухимъ мохомъ, сахаромъ, трутомъ (грибокъ съ березы) и алебастромъ, а сверху покрываются подорожникомъ или капустнымъ листомъ.

11) Дѣтскія болѣзни. а) Если ребенокъ не крѣпко спитъ, дрыгаетъ ногами, ёжится и гнется на спину—это значитъ: у него щекотуха. Чтобы избавиться отъ щекотухи, дѣлаютъ изъ крупчатой муки на женскомъ молокѣ крутое тѣсто, въ видѣ колобка, и несутъ ребенка въ баню, гдѣ прежде всего вымоютъ его, а затѣмъ натираютъ этимъ колобкомъ спину, задницу, наружныя стороны верхняго плеча и заднюю поверхность бедеръ до подколѣнной ямки, и потомъ тотчасъ же смываютъ. Когда смоютъ это тѣсто съ ребенка, то снова натираютъ и прикладываютъ чистыя тряпки, затѣмъ пеленаютъ его и оставляютъ уже до слѣдующей бани, обыкновенно до завтра, такъ какъ въ первое время по рожденіи ребенка бани топятся ежедневно.

б) Нѣкоторыя женщины вмѣсто колобка натираютъ тѣ же мѣста у ребенка кускомъ или порошкомъ квасцовъ. Щекотуха, по словамъ лѣкарокъ, выходитъ изъ тѣла въ видѣ черненькихъ волосковъ, какъ щетинка.

в) При коликахъ въ животѣ парятъ ребенка въ банѣ почти до потери имъ сознанія.

г) При грыжѣ поятъ грыжной травой, пропускаютъ черезъ животъ мышенка, прижигаютъ пяткою веретена, нагрѣтаго сильно треніемъ о что-либо, зажигаютъ на пупѣ небольшой клокъ кудели и надѣваютъ на шею старинную мѣдную монету, которую отчасти пилятъ, и опилки даютъ ребенку выпить въ водѣ.

д) Когда ребенокъ опрѣетъ, то присыпаютъ опрѣвшія мѣста толченымъ ольховымъ листомъ и корой или березовымъ задубомъ; нѣкоторыя, впрочемъ, присыпаютъ овсянымъ толокномъ или гарь-дьякою, получаемою отъ тренія мельничнаго вала.

е) Чтобы сохранить ребенка отъ лихого глаза, слѣдуетъ, по повѣрію, обмыть три дверныя скобы и затѣмъ этою водой обмывать ребенка, положивши предварительно въ воду горячихъ угольковъ.

ж) Отъ золотухи (по мѣстному, «просѣнье») поятъ и моютъ ребенка настоемъ

калины. Затѣмъ, существуетъ еще заговоръ: «Встану я раба Божія, благословясь и перекрестясь, и пойду изъ воротъ въ ворота, во чистое поле, во чистомъ полѣ стоитъ золотой стулъ и сидитъ на немъ бабушка Соломонида, она хвощетъ и полощетъ всѣ 12 просоній съ раба Божія (имя рекъ): костяное, жильное, мясное, язычное, подъязычное, зубовое, глазное, головное, мозговое, ножное, подреберное и брюшное». Заговоръ этотъ произносится надъ ребенкомъ, когда его моютъ въ банѣ.

з) Ребенку только-что родившемуся жуютъ хлѣбъ или пряники—сусленики и, завернувши въ рѣдкую тряпку, суютъ въ ротъ—это соска.

и) Если ребенокъ не мочится, то берутъ съ крыши гумна моху, заваривают его какъ чай и даютъ пить.

і) Судороги у ребенка («родимецъ») вылѣчиваютъ массажемъ.

12. Женскія болѣзни. а) При кровотеченіи изъ матки, пьютъ черный брунецъ (ядовитыя ягоды), заваривая его какъ чай. Брунецъ употребляется какъ и абортивное средство.

б) Для ускоренія родовъ даютъ роженицѣ пить настой травы, извѣстной подъ названіемъ «прыгунъ» или воду, въ которой были обмочены 2—3 ключа.

в) Если у роженицы слабы потуги, то суютъ ей въ ротъ волосы и даже плюютъ, кромѣ того рвутъ руками наружные половые органы.

г) Если ребенокъ идетъ неправильно то роженицу вѣшаютъ къ воронцу (балка) внизъ головой и встряхиваютъ. Если при родахъ показалась ручка или ножка, то безъ церемоніи ухватываются за нее и тянутъ изъ всей силы.

д) Пупокъ завязываютъ какъ можно ближе къ тѣлу ребенка и непремѣнно суровою ниткою, скрученою съ волосами матери. Коса во время родовъ должна быть расплетена, и самые роды должны производиться тайно, дабы они были легче.

е) Послѣ родовъ тащутъ роженицу въ баню, нерѣдко съ невышедшей еще постелькой. Послѣ бани даютъ пить сулой (овсяная мука, замѣшанная на квасу или водѣ). Женщины-сосѣдки приносятъ роженицѣ здоровья въ видѣ пирога изъ ржаной или ячной муки.

ж) Во время беременности, при судорогахъ, носятъ кольца золотыя, серебряныя или же изъ старинной мѣди. Въ то же время, если случится изжога, то ѣдятъ горохъ, мѣлъ или держатъ дробинку во рту.

13. Разныя общія болѣзни. а) Sifilis. Болѣзнь эта называется здѣсь «купорсоницей», «худой болѣзнію». Лѣчатъ ее, напр., папулы на губахъ, кондиломы на мошонкѣ и заднемъ проходѣ смазывая мѣднымъ купоросомъ. Затѣмъ, подкуриваются киноварью, пьютъ бѣль съ виномъ, дорогую траву (Sarsaparilli), настоенную на винѣ же.

б) Impotentia. Эта курьезная болѣзнь чаще всего случается въ первые дни женитьбы, лечатъ ее такъ: скоблятъ ножемъ рогъ и стружку пьютъ въ винѣ, говоря: «стой мой . . . . ., какъ рогъ».

в) Отъ порчи во время свадьбы, молодой втыкаютъ въ рубашку, которая на ней, «протышъ», т. е. иглу безъ ушей. Былъ такой случай: «молодая» сѣла, и игла—довольно большая—ушла въ ягодицу; несчастная, не смѣя или стыдясь сказать, носила ее три дня, пока не кончились всѣ свадебныя пиршества.

г) Если кто во время перваго грома перекувырнется, то во весь годъ не будетъ болѣть у того поясница.

д) Переломы, вывихи и ушибы. При переломахъ размываютъ переломленныя части съ мыломъ, обкладываютъ затѣмъ дранками или берестой и на̀-туго перетягиваютъ толстымъ поясомъ изъ коровьей шерсти.

При вывихахъ поступаютъ также. При этомъ бываютъ такіе печальные случаи, какъ нижеслѣдующіе: разъ пьяненькій мужичекъ ушибъ руку; призванная къ нему костоправка стала править здоровую руку и вывернула ее. Ушибленная рука поправилась, а та, которую правила баба, и теперь не дѣйствуетъ. Фактъ.

Есть костоправы, дѣйствительно, знающіе отчасти это дѣло, но и съ ними случаются казусы (впрочемъ, и съ докторами случаются ошибки!). Такъ, напр., у больного костоправъ, «ничтоже сумняшеся», снялъ повязку фельдшера и началъ «править», послѣ чего у больного появились нарывы, и онъ умеръ.

При ушибахъ привязываютъ болотную широколистную траву, извѣстную здѣсь подъ названіемъ «урѣзная», предварительно смоченную въ теплой водѣ.

При ушибахъ же иногда употребляютъ такое средство, какъ смачиваніе дѣтской мочей.

е) Ожоги, занозы. Ожоги лѣчатъ прикладываніемъ тертаго картофеля, смазываніемъ вареным постнымъ масломъ или дрожжами.

При занозахъ, когда уже началъ образовываться нарывъ, жгутъ крашенинный холщевый лоскутъ и надъ дымомъ отъ него держатъ пораженную часть тѣла. Если нарыва еще нѣтъ, то занозу просто вынимаютъ иголкой.

ж) Отъ водянки пьютъ настой березовыхъ почекъ на винѣ.

з) При икотѣ стараются испугать чѣмъ-нибудь. Угри и прыщи оттираютъ въ банѣ грязной рубашкой. Трещины на ногахъ смазываютъ сметаной или скоромнымъ масломъ.

д. Хмѣлевская.

А. А. Шустиковъ.

Нѣкоторыя повѣрья, пѣсни и обряды Орловской и Калужской губерній.

Авсень.

(Въ с. Кошелевѣ Орловской губерніи, Кромскаго уѣзда, подъ новый годъ справляютъ Авсень).

Приходятъ мальчишки въ хату, посыпаютъ овсомъ и поютъ пѣсню:

Ой, Авсень, Авсень
Ой во борѣ, борѣ,
Сосенка стаяла,
Зелена, кудрява.
Ой Авсень, Авсень!
Ѣхали баяре,
Сасенку срубили,
Въ дащечки пилили,
Масточки мастили,
Сукномъ устилали,
Гвоздиками убивали.
Ой, Авсень, Авсень!
Каму ѣхать
По етаму мосту?
Ѣхать тамъ
Авсену да новаму году.
Ой, Авсень, Авсень!
Курочкѣ съ пѣтушкомъ,
Полковничку съ дьячкомъ.

По окончаніи пѣсни спрашиваютъ у бабъ, сколько онѣ напряли нитокъ. Бабы показываютъ ребятамъ нитокъ, изъ которыхъ нѣсколько берутъ себѣ ребята.

Масляница.

(с. Самбурово Мещовскаго уѣзда).

На масляницу пекутъ блины и аладьи. Яичницу жарятъ; драчоны пекутъ. Женщины наряжаются мущинами, а мущины женщинами. Поютъ разныя пѣсни.

Понедѣльникъ I недѣли вел. поста

(с. Кошелево, Кромскаго уѣзда, Орловской губерніи).

Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста сажаютъ на салазки мужика или мальчишку съ поддѣльной бородою, даютъ ему донце, гребень и намычку и заставляютъ его прясть, а бабы и мальчишки возятъ его по всей деревнѣ и поютъ:

Маслина—кургузка,
Безъ тебе намъ жить груска:
Сыръ масла пализала;
Намъ дурамъ ни сказала.
Я на улицы была,
Я видѣла драку,
Разарвала сарафанъ
Па самаю с...

Подъ Петровъ день

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

Подъ Петровъ день бабы и ребята ходятъ по садамъ чужимъ, рвутъ яблоки, кружевникъ и кушаютъ. Выкатываютъ на дорогу лѣсъ. У кого есть борона, вынесутъ на дорогу. Двумя боронами и длиннымъ бревномъ—«долживомъ» стараются перегородить дорогу.

(С. Лубянки и Кошелево, Кромскаго уѣзда, Орловской губ.).

Подъ Петровъ день всю ночь ребята ходятъ по деревнѣ и караулятъ солнце; приэтомъ они носятъ съ собою косу. Всю ночь караульщики солнца заняты усиленною работою:—все, что попадетъ подъ руки: сани, повозки, бороны, кадушки, бревна—однимъ словомъ, что по оплошности домохозяевъ оставлено въ эту ночь на улицѣ, все это разбрасываютъ по дорогѣ, такъ что на Петровъ день домохозяева весь день разыскиваютъ и собираютъ свое имущество. Тѣ же домохозяева, у кого поспѣли на огородѣ овощи, какъ-то: лукъ, морковь, огурцы, всю ночь караулятъ огородъ; кто же оставитъ безъ караула, тотъ на утро найдетъ свой огородъ опустошеннымъ; не тронутъ только тѣ овощи, которыхъ въ сыромъ видѣ не ѣдятъ.

Ильинъ день

(с. Сабурово, Мещовскаго уѣзда).

На Ильинъ день ходятъ въ поле; смотрятъ льны, горохи.

Подъ Петровъ день поется пѣсня

(с. Пятницкое, Мосальск. уѣзда).

Пятровская кила
Па зѣримъ хадила,
Усихъ пабудила,
Ахрасинью забыла.
Пò двору хадила,
Ашмётки сбирала,
Храсѝнью бувàла.
Храсинья уснула,
Пра всё ина забыла.
А дѣвушки ходють,
Пѣсни поють,
И Храсинью величають,
И килу̂ Храсиньи причипляють...

Эту пѣсню поютъ тому, кто не принимаетъ участія во встрѣчѣ солнца подъ Петровъ день; тому поютъ пѣсню, стучатъ въ окно и привѣшиваютъ на крыльцѣ лошадиную голову.

Змѣй - Любакъ

(сельцо Теребень, Жиздринскаго уѣзда).

I.

Змѣй-любакъ, летаетъ къ женщинамъ, отъ него женщины дѣтей раждаютъ. Разъ змѣй-любакъ присталъ къ коровѣ; отъ него сосѣдская корова бычка телила.

Сталъ змѣй-любакъ летать къ одной женщинѣ. Стала эта женщина сосѣдкамъ говорить: «ко мнѣ мужъ приходитъ». Сосѣдки говорятъ: «дура! откуда ему приходить къ тебѣ—мужъ твой далече». И научили бабы: «ты возьми гребенку; сядь на кровати и расчесывай волосы да бери конопли въ ротъ и хряпай ихъ. Змѣй подойдетъ къ

тебѣ и спроситъ: «что ты дѣлаешь?»—Ты отвѣчай ему: «расчесываюсь». — А что ѣшь?—спроситъ тебя любакъ.—Ты отвѣчай ему:—ѣмъ вши.—Любакъ отвѣтитъ:—развѣ можно крещеной кости вшей ѣсть?—А ты ему отвѣтишь:—развѣ можно некрещеной кости къ крещеной ходить?—Любакъ отъ этихъ словъ въ конфузъ придетъ и больше къ тебѣ не явится». Баба, любовница любака, такъ и отвѣтила змѣю, какъ учили ее сосѣдки. Любакъ отъ такихъ словъ смутился, ударилъ дверью во весь махъ и болѣе въ тотъ дворъ не являлся.

II.

Супрати Антошкиныхъ змѣй часто разсыпаитца.—Праскута, што ета такоя? Какая-нибудь завѣтка есть... Спрашиваютъ бабы у Праскути, молодухи съ того двора, гдѣ змѣй разсыпаитца. Праскута божитца: «нѣтъ!»—А кое-кто (люди старые) говорятъ: «Ета ниправда,—какая-нибудь завѣтка есть».—Пошли по грибы бабы; стали говорить; одна баба говоритъ:—«Не запирайся: я завѣтку стямила за табою»—Врёшь.—«Нѣтъ, я ня вру, а всю правду скажу».—Какую?—«Такъ-та и такъ-та: ты занявшись съ деверимъ. Не запирайся!» Да и свякрови Праскутинай баба та и даказала; свякрова и дазрила. «Точно такъ, молодка: теперь за вэми я дазрила; тебе со двора согнать, ли сынка со двора согнать».—Свякрова была взяла да и далоў ка тцу сагнала Праскуту; ва атца Праскута пажила недѣли двѣ, а деверь опять взялъ невѣсту къ сибѣ отъ отца роднаго. Тутъ Праскута отъ него родила мальчика и дѣвочку и стала народу стыдитца.

Какъ спросить домового о судьбѣ?

(с. Сильковичи, Мосальск. уѣзда).

Надо поставить на ночь прялку въ то мѣсто, въ которое прялка прибиралась прежде. За эту прялку и садится прясть домовой. Вотъ его, домового, и спрашиваютъ: къ счастію или къ несчастію? Если онъ заплачетъ — это къ несчастію; къ счастью домовой смѣется и стучитъ сильно. Оставить прялку неубранною считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

Если грива вьется у лошадей, лошади пришлись по двору, и наоборотъ.

Если кошки не ведутся дома, считается дурнымъ предзнаменованіемъ.

Бабочка ночная «смерточка», «ворогуша»—(лихорадка).

(Теребень, Подбужъ, Жиздринск. уѣзда).

Когда пролетаетъ мимо огня ночная бабочка или моль, жители Теребенской волости, Жиздринскаго уѣзда, крестятся и говорятъ: «ахъ, Божа мой, смерточка, смерточка!» Жители Подбужской волости, Жиздринскаго уѣзда, называютъ бабочку «варагушей».

Старикъ со старухой клада ищутъ.

(с. Теребень, Жиздринск. уѣзда).

Старикъ со старухой пошли искать клада. Пришли на мѣста, разстелили простыню и налажили крестъ. Нѣсколько времени просидѣли. Вдругъ, показалось имъ разсвѣло. Идутъ люди и говорятъ:—Што вы тамъ сидитя. Адинъ и другой?—Ани видютъ, што день, што кладъ ни укараулили, пошли дамой. Аташли атъ етыва мѣста

на нидалекая разстаянія, абуала ихъ ногъ и съ тѣмъ пришли дамой ночью, и ещо до разсвѣта спали дома.

Вотъ и прихажу я къ Аленѣ, что узнавала та и абмывала та.

—«Бабушка, я, мылъ, нихарашо видила!» Ды и разсказала такъ-та и такъ-та. Мине вòтаранъ биреть ни къ пажару лàба, ни къ смерти ли вѣщь падалъ мой.

Алена побалакала, побалакала ды и гырть: «ета, матушка, ни рабѣ: ета къ диляшў!»

И точно, такъ и пришлось! Ды, гыть, деверь васъ атгонить —и тòшна прагналъ. Разсòлка, гыть, будить здаровая —и, тòшна, вышла у насъ и разсолка, да и здоровая. Пришлось по ней правда.

Мяне вы̀дваранилъ съ дѣвычкой деверь.

Апять прихожу къ старухи!

— Правда твая!

— «Ни плачь, гырть: а бярись за Бога: Гаспоть нивидўма надѣлить тябе».

Видѣніе къ дѣлежу

(с. Теребень, Жиздринск. уѣзда).

Свякроўю схараня, были мы ладныи и жили съ деверемъ. Лѣта, рабочее время, мèжинь; я деверя берèсту драть привàдила, а сама дома управлàлася.

Устала рана, ищо до свѣта, и былъ у мене маленькій рабёначикъ.

Вышла на дворъ и думаю:—«а, ну, падаю карову! Выхажу и карова стаить, вѣдаишь, въ аглобляхъ, передкомъ къ телѣги. А я такъ-та падхажу; глянь, къ стѣнѣ мой голый стаить.

А я такъ стрàсти абмерла; даёнка изъ рукъ пакатилася; я закалѣла—и ни помню. А дальши вѣдаишь, устàтчи кароў пагнала, стала старухамъ коя-какымъ разсказывать. Аны стали гаварить:—у васъ въ двора кое-какая бида здѣлаитца.— А дальши я помню только, што іонъ мима минэ халодный прашолъ и пашолъ у закутку на тотъ бокъ, адѣ Самсонъ-та живеть. И пошла къ той старухи, которая усю причинку аттадываить.

Старушка сказывала:—я не вѣрила, что мнѣ на васъ говорили—вотъ мой змѣй и открылся! Мой глазъ ни глядить на добрыхъ людей тиризъ васъ. Вотъ мой змѣй открылся.

Крестины

(с. Сабурово, Мещовск. уѣзда).

Когда народится младенецъ, зовутъ кума и куму; кума и кумъ несутъ по «карвèгѣ» хлѣба, кума бубликовъ и ризку, полотенце батюшкѣ, кумъ крестикъ и готовится заплатить священнику за крестины.

Когда станутъ крестить, кума разстилаетъ ризку для принятія въ нее ребенка. По окончаніи крестинъ, священникъ, вымывъ руки, спрашиваетъ у кумы полотенце руки вытирать.

Садятся за столъ. «Идутъ харчи»: холодецъ, солонина, баранина, лапша, курятачки жареные. Въ заключеніе становятъ горшокъ каши и покрываютъ этотъ горшекъ полотенцемъ. И кладетъ бабка двѣ ложки, одну на свою долю, другую на долю родихи, и сама объясняетъ: —«это моя ложка, а это родихи».

Отецъ крестный кладетъ въ ложку родихи копѣекъ десять, а въ ложку бабки копѣйки двѣ; присутствующіе кладутъ въ ложку родихѣ копейки три, а бабкѣ копейки двѣ. Бабка снимаетъ ложки, а деньги беретъ себѣ, деньги изъ родихиной ложки

отдаетъ родихѣ, по принадлежности; потомъ бабка снимаетъ полотенце и покрывается имъ, говоря:—слава Богу, напряла за одну дочку!

Приходитъ бабка черезъ трое сутокъ и размываетъ руки родихѣ. Водицы нальютъ въ чашечку. Бабка умоется этой водицей и родиху умоетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ Господь прощаетъ и ослобоняетъ и брызгаетъ вѣничкомъ на стѣны; съ этого вѣничка грѣтой водой брызгаютъ на ребенка.

Кумъ, кума, сосѣди навѣщаютъ родиху; приносятъ ей: кто бараночекъ, кто бѣлаго хлѣба.

Сватовство.

(с. Сабурово, Мещовск. уѣзда).

Когда невѣста сходится съ женихомъ на улицѣ, то женихъ спрашиваетъ невѣсту, согласна ли она итти за него замужъ. Невѣста въ случаѣ согласія отвѣчаетъ:—я согласна съ удовольствіемъ итти за васъ замужъ.

Невѣста приходитъ къ своимъ родителямъ, «обрящаетъ», т. е. сообщаетъ о предложеніи жениха, а женихъ посылаетъ своихъ родителей въ сваты.

«Выходятъ» родители жениха и самъ женихъ къ невѣстѣ.

— «Здравствуйте! Мы пришли къ вамъ въ гости. Наслыханимъ, что у васъ есть барышня. Снѣгу не было бы—и слѣду не было! Гаспоть подалъ намъ снѣгу—и подпалъ къ вамъ слѣдочекъ.—Желаемъ вашу барышню пасматрѣть».

Посмотрѣли барышню—всѣмъ она понравилась. Спрашиваютъ у родителей ея, согласны ли они отдать ее, а тѣ у своей барышни спрашиваютъ:

— Согласны ли вы за него итить?

Невѣста къ своимъ родителямъ обратилась:

— Я всѣмъ серцамъ за него иду.

Тогда они сами собою (женихъ и невѣста) вышли въ особенную кȯмнать, «аны сами собою успросились»; женихъ спросилъ:—согласны ли вы за мене итти, барышня? Невѣста отвѣчаетъ:—я очень согласна, даже не нашла сибѣ пȧрубка луччи васъ.

Невѣстина мать и отецъ прилогъ прикладаютъ, что луччи пȧрубка (т. е. парня, жениха) ни найти, женихова мать и отецъ, что луччи невѣсты ни найти.

Тогда родители и говорятъ:—ну, дѣти, вы согласны ли? Можна ли намъ таперь дѣлать образованію?—«Втадȧ» (тогда) дѣти отвѣчаютъ:—«больши дѣлать нечива! Дѣлайте образованію»—Жениховъ родитель и спрашиваетъ:— Сваты (сваты ли будитя вы или люди добрыи), сколько нарядовъ вы дадитя барышни, сколько вы ее убиритȧ?

Невѣстина мать и папаша отвѣчаютъ, что мы ни съ богатой руки: мы ей четыре одежины отдаемъ—больши ня хватаетъ въ насъ силы справить.

Жениховъ отецъ и мать отвѣчаютъ:—ежели намъ Гаспоть дасть всево хорошива, тада можимъ ей прибавить сами.

Происходитъ соглашеніе между родителями:—Давайтя тяперь по рукамъ бить и Богу молитца.

Помолились Богу, благословили своихъ дѣтей, невѣсту и жениха; тогда сѣли «трипезовать», гулять—«пошли въ нихъ разныи гостинцы, вины-напитки; отгуляли аны, таперича вылазютъ всѣ на прощѣни и провожаютъ своихъ гостей и очень радасна. Праводили ихъ да дому. Тада же жинихъ приглашаетъ невѣстинова отца и матерю и, какіе есть, родные, къ себѣ въ гости погулять».

Затѣмъ происходитъ осмотръ двора жениха родителями и родными невѣсты. Собрались всѣ невѣстины родные и поѣхали до свата. Ихъ сватъ встрѣтилъ и принялъ очень хорошо; и проситъ онъ свата: «сватушка, пасматритя нашу созданія».—Пошли въ горницу смотрѣть его жительства. Потомъ ихъ сватъ повелъ въ амбаръ: «пасматритя, что въ мине въ амбари припасшȯна». Посмотрѣли—всего достаточно.—«Слава Богу, говорятъ, можно проживать!» Тогда невѣстинъ папаша говоритъ:—«посмотримъ вашихъ кониковъ!» Пошли по хлѣвамъ, по конюшнямъ; все понравилось, и говоритъ

свату невѣстинъ папаша:—«все хорошо, слава Богу! кушать—есть что; пить—есть что; жить—есть въ чёмъ; есть на чёмъ выѣхать; нашей дочкѣ жить можно!».

А зять приглашаетъ всѣхъ за столъ «на гуляніе». Сѣли за столъ «пошли у нихъ трапеза, гуляніе, вины и закуски разныя».

Вылѣзаютъ вонъ изъ-за стола; бабы пѣсню поютъ:

Прапилась галовушка!
Што прапилъ, што праѣлъ
Родный батюшка.
Прапилась и свалилась.
Што свалёмши мая галовушка,
То свалёмши,
Крѣпка снула...
Што праснумши мая галовушка,
То праснумши.
Тада схватилась и схватиласи;
Што схватёмши то схватёмши:
—«Ни тдавай мине, батюшка, младу замужъ:
Ни кидайся, батюшка, на багатства—
Мнѣ не съ багатствомъ жить—
Мнѣ жить съ человѣкомъ:
Съ человѣкомъ са савѣтамъ,
Ни са савѣтамъ, а са любовію..

Поется также пѣсня «вясёлая бисѣдушка, гдѣ батюшка пьётъ»; поется и слѣдующая пѣсня разбойничьяго содержанія:

Собралося насъ усовъ дивяноста маладцовъ.
Какъ адинъ тамъ былъ усища-атаманища;
Сталъ приказывати:
Вы придете къ хазяину, вы приздравьтя яго:
Ужъ ты, багатый хазяинъ,
Выхади-ка къ намъ и вынаси денихъ намъ.
Ну, хазяинъ пабажился:
Ни капейки денихъ нѣтъ.
Одинъ малинькій мальчишка
Онъ прамолвалси;
Что у майво дѣдушки деньги есть,
У дѣдушки деньги есть.
Ляжать въ старомъ сундукѣ,
Ляжать въ старомъ сундукѣ,
Аны зарыты у мукѣ...

Ѣдутъ къ вѣнцу. Собираются поѣдзане у жениха, собирается весь поѣздъ: дружко, поддружья, обльош бàрень, женихъ, сваты схадàтыи. Кони запряжены. Дружко, поддрўжья ѣдутъ впереди, женихъ съ большимъ бàренемъ за ними, а въ третьей подводѣ ѣдутъ сваты схадàтаи (маладыи и сѐрдавыи), ѣдетъ сваха съ чашкою, а въ чашкѣ у нея хмель.

Подъѣхавъ къ невѣстину дому, поѣздъ останавливается, всходятъ одинъ за однимъ въ избу, а невѣста на лавкѣ сидитъ, ее окружаютъ женщины — подходитъ къ нимъ дружко и поддружья и хотятъ невѣсту взять, а бабы говорятъ: «не дадимъ—купите!»— Женщины всей гурьбой защищаютъ невѣсту и тогда только уступаютъ её, когда имъ дадутъ двѣ бутылки вина и рубль двадцать копѣекъ денегъ. Женщины, задобренныя подарками, говорятъ: «Дай Богъ вамъ святой часъ!»

Дружки жениха уводятъ невѣсту за руку и сажаютъ ее за столъ съ женихомъ; садится за столъ и вся поѣзжанія трипезывать, и всѣхъ обносятъ виномъ.

Пайдутъ харчи, выпиваютъ, закусàютъ. Потомъ выходятъ изъ-за стола и обходятъ кругомъ всѣхъ коней: большой бàрень идетъ впереди всѣхъ, потомъ женихъ съ невѣстою, а женщины за ними, онѣ поютъ пѣсни, приглашая сваху къ обсѣванью поѣзда:

Абсѣвай, сваха, правымъ хмелямъ.
Штоба у нашива князя
Галава ни балѣла,
Пахмѐлю ни брала,

Сваха кругомъ бросаетъ хмель; мусчины шапками ловятъ хмель и «наздѣваютъ»— потомъ шапки съ хмелемъ на головы.

Потомъ дружко проситъ всѣхъ поѣзжанъ благословить молодого князя, т. е. жениха; «старые дѣдушки, сердавыи дядюшки, малодыи братцы и вы, игрицы-нерицы, и красныи дѣвицы, благославитя нашива князя къ суду Божьиму ѣхать и сужиную узять и злать

вѣнецъ принять», тѣ отвѣчають: — «Гаспоть благославляить» — Когда молодые подъѣзжають къ дому жениха, женщины поютъ пѣсню:

Радавалась серца Масковская
Видючи на неби свѣтла мѣсица,
Видючи маладую снаху!...

Принимають въ домъ невѣсту и всю «поѣзжанія».

За столомъ поютъ пѣсни, въ которыхъ заключается величаніе или похвала всѣмъ присутствующимъ.

Жениха и невѣсту величають слѣдующею пѣснею:

Ва горницы во навой,
Во кравати тисавой,
На перинахъ пуховыхъ,
На падушкахъ шелковыхъ,
Сидѣлъ голубъ,
Сидѣлъ сизай
Съ сизъ-галубашкаю.
У голуба залатая галава,
У галубки пазалочиная.
У Микити маладая жена,
У Иванавича еще малоденькія
Саизжалися баярія
Сдивовалися Ивановый жанѣ:
Коба ета сударушка,
Ина намъ, маладцамъ,
Мы бы лѣтамъ ее катали во калясочки.
Извощички маладыи,
Пріударьтя па канямъ,
Штоба коники бяжали,
Вароныи ни дримали,
Аннушку забавляли.

Подается за обѣдомъ холодецъ, солонина, свѣжина, куряты, поросяты, гусяты. При кончении обѣда подають коровай, коровай кроютъ ножиками, потомъ его маслятъ и закусають имъ. За обѣдомъ обносятъ виномъ всю бесѣду. Гости, закусивъ, вечеромъ отправляются домой, свата провожають до самаго дома, молодые остаются одни.

Невѣстина отца зовутъ въ гости на третій день. Опять подають за обѣдомъ холодецъ, солонину, пироги пшеничные, свѣжину, курятъ, поросятъ жаренихъ и гусей. Опять новый каравай печется у женихова отца. Каравай украшается разными лѣпными украшеніями: птичками, шишечками. Невѣстина мать приглашаетъ къ себѣ молодыхъ въ воскресеніе. Теща старается угостить молодыхъ получше и проситъ зятя, чтобъ онъ остался ночевать у нея въ домѣ съ нареченною женою. Теща устаетъ «наутрею» и готовитъ блины. — «Ну, дѣти мои, садитесь, покушайте: я вамъ блинковъ приготовила» — когда молодые покушали и поблагодарили, зять проситъ у тещи позволенія ѣхать домой: — мамаша, можно двору ѣхать. — А теща удерживаетъ: — дѣтки, попьемъ чайку, тогда поѣдете, — когда свиты ѣдутъ къ невѣстину отцу, про нихъ говорятъ: собираются въ «отводное». Теща зятя угощаетъ въ «отводномъ».

Прежде, въ старину, въ давношнее время, былъ выговоръ. Невѣста съ жениха требовала выговоръ, рублей двадцать; а женихъ спрашивалъ постелю хорошую, чтобы были перины и одѣялы, прѡстины хорошіи, зȁнавѣси къ постели. Выговоръ давался по силѣ, по средствамъ: хто сколькѝ одѐлить. Теперь невѣстѣ ничего не даютъ, и невѣста съ жениха ничего не требуетъ.

Если родители присоглашаютъ жениха брать невѣсту, а женихъ не «узлюбляетъ» ее, женихъ говоритъ прямо: «живите вы съ нею, а ни я».

В. Н. Добровольскій.

Свадебный обрядъ въ Калужской губ.
Село Сильковичи, Мосальск. уѣзда.

Сватовство. Отецъ и мать, собираясь женить сына, идутъ въ какой-нибудь домъ дѣвку сватать. Вотъ приходятъ они.

— Драстуйтя, говоритъ сватъ: я вотъ къ вамъ пришолъ; у васъ есть нивѣста, а у насъ женихъ—давайтя сват́атца.

Прежде всего начинается разговоръ о средствахъ жениха и невѣсты:

— Какъ нажитокъ?

— У насъ жить можно.

Окончатъ «размолвливать», коли дѣло идетъ на ладъ, станутъ Богу молиться. А у пришедшихъ сватовъ водка призапасена; въ кошель кусочки мясушка да пирожки поналожены, таскаютъ все это изъ кошеля и ставятъ на столъ. Собираютъ родню невѣстину—и давай пировать. Если сосватали сваты дѣвку, какъ говорится «поладили»: выпивка и закуска называются «лад́ами». Въ случаѣ отказа отговариваются тѣмъ, что «дѣвка молода, неопытна».

Запой. Запой бываетъ послѣ «ладовъ». Онъ сопровождается иногда «образованіемъ»; иногда бываетъ безъ священника. Запой устраивается въ домѣ невѣсты. Со стороны жениха собирается на запой отъ 7 до 15 человѣкъ; непремѣннымъ условіемъ полагается, чтобъ число гостей было нечетное. Ѣдутъ непремѣнно на лошадяхъ и въ несколько подводъ, хотя бы это были и сосѣди между собою. Получаютъ приглашеніе на запой и близкіе заживные люди; число гостей доходитъ до 50. Гостей сажаютъ прямо за столъ, который убирается привезенными со стороны жениха продуктами и виномъ. По окончаніи стола отъ жениха, ставятся на столъ кушанья отъ невѣсты. Во время небольшого промежутка, когда гости выходятъ изъ-за стола студиться, дѣлается уговоръ о времени свадьбы.

Дѣвичникъ или рукобитье. Опять собираются ѣхать изъ жениxова дома къ «дѣвкѣ» или невѣстѣ (хъ дѣуки, къ невѣсты или невѣстя). О предстоящемъ пріѣздѣ сватовъ провозглашаютъ на деревнѣ пѣшіе мальчики съ дубинкой; они ходятъ изъ конца въ конецъ по деревнѣ, кричатъ и постукиваютъ. Когда мальчики окончатъ свое порученіе, имъ выносятъ въ чашкѣ кашу. Мальчики кашу поѣдятъ, а потомъ говорятъ: «Купи ты чашку». Чашку возьмутъ, а мальчикамъ поднесутъ по стакану водки. Но вотъ пріѣзжаютъ сваты. Застучатъ въ ворота дубиною три человѣка. Выходитъ къ нимъ хозяинъ, дѣвкинъ отецъ, братья отцовы, выходитъ дѣвкина мать и говорятъ:

— Что вы стучитя? Кто вы такіе?

— Да вотъ мітель забила, пустите поночевать!

— Нѣзачѣмъ!

— Какъ нѣзачѣмъ: Мы люди знакомыи; мы вамъ заплотимъ; да вотъ случай таковъ: мы ѣхали, ѣхали, дальнія дарога, мятель, а у васъ въ избѣ шумитъ, шумитъ народъ. Мы и думаимъ: дай себѣ заѣдимъ на эту хвартѐру. Господа хозяева, ня можна ли намъ атпригать лашадей: мы разачтемся честна, степенна, па харошиму. Сейчасъ ихъ вспущаютъ во дворъ.

— Нада успущать что-лича—люди, кажется знакомыи, харошіи?

Оттворяютъ ворота.

— Драстуйтя!

— Драстуйтя, извощички!

Извощички достаютъ изъ кошеля водку, и пьютъ по стаканчику и хозяева, пустившіе извощичковъ, и сами извощички. Все это дѣлается у воротъ («на воротахъ»).

Дѣвкины братья идутъ отпрягать лошадей. Сваты, запасшись кошелями (а въ кошеляхъ вино, кусочки мясушка, баранки, пироги), толпятся въ сѣняхъ. «На парови, у горницы» сватовъ встрѣчаетъ отецъ невѣсты уже ласковѣе:

— Хадитя, сватушки, мы давно жилали васъ. Ждали, ждали, каба винца съ васъ выпить.

Сначала дружко наливаетъ стаканъ себѣ и выпиваетъ его; другой стаканъ дружко наливаетъ коренному свекору и пойдетъ дружко по его роднѣ. А другой дружко подноситъ вино своимъ. Обнесутъ разъ и два. И говоритъ свекоръ грозно:

— Ну, што вы къ намъ наѣхали? Ну, што вы намъ ни даетя спакóя? Скажитя-жъ вы намъ—чего? Долга вы сидитя за нашимъ сталомъ и ничаго вы намъ ни гавóритя! Мы думали, что вы памарились, а вы праклажàитись!..

— А мы, сватушка, ни тавó пріѣхали. А што у васъ куницы и лисицы и красныя дѣвицы? Мы ходимъ, ѣздимъ, ищимъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ.

— И не думайте, извощики: мы вамъ не покажемъ нашихъ лисицъ, куницъ и красныхъ дѣвицъ. Наши дивицы сидятъ мазаныя, абасы́я, бизъ абóвки; сидятъ анѣ разу́мши, раздѣвши и растрепамши...

— Дяловъ нѣту... Мы сичасъ дивицу убяремъ вамъ; мы и абуимъ и адѣнимъ.

— Ладна. Давайте примѣръ атъ васъ, съ чимъ паказатца къ дивицы.

Подаютъ «невѣсты» полсапожки, посылаютъ ей чулки, «грахвинъ» водки дѣвокъ поить, куска два пирога дѣвкамъ. И три раза вино носятъ подружкамъ невѣсты. Ублаготворивъ, какъ слѣдуетъ, невѣсту и ея товарокъ, пріѣзжіе сваты заговорятъ съ хозяевами смѣлѣе, потребуютъ отъ нихъ рѣшительно, чтобъ они показали имъ лисицу, куницу, красную дѣвицу.

— Что же вы, сватушки-хозяева, сидитя и намъ ничаво ни гаваритя. Что мы лисицыю, куницыю и красныю дѣвицыю вашу дѣвку адѣли и абули и напрянули, а вы намъ іе ни паказываите!

Рѣшительное слово сватовъ оказываетъ дѣйствіе: сейчасъ сваха и дружко большій и меньшій, втроемъ, ведутъ невѣсту. Подойдя къ свекору, она поклонится ему прямо въ ноги и благодаритъ за присланную «абýвку». Но не долго покрасуется въ избѣ невѣста предъ сватами: подружки уводятъ ее; это вызываетъ гнѣвъ у пріѣзжихъ сватовъ.

— Что-жъ вы, свáтушки, стали шутки шутить или смѣятца надъ нами?! Мы ѣхали, ѣхали; хватеру аблюбовали харошую, а вы сейчасъ, какъ взяли мы ее, привели дѣвку ды абманули насъ: торнули, а потомъ схаранили её... Нѣтъ, не гнѣвайтесь! Мы искать станимъ—найдимъ...

— Да што вы, сватушки, сейчасъ помирится—отдадимъ лисицу, все вамъ отдадимъ: мы люди ни такоу́скія!

Посылаютъ дружка къ невѣстѣ. Выходитъ невѣста, не одна, за нею шествуетъ сваха, нагруженная доброй охапкой даровъ. Какъ подходитъ невѣста, кланяется въ ноги свекору; поднимается она, дружко наливаетъ ей рюмку вина; она подаетъ свекору вино, и даритъ невѣста свекора платкомъ, а платокъ этотъ длинный, аршина въ три. Вынимаетъ свекоръ денегъ пять рублей или троякъ и отдаетъ невѣсткѣ, а богатый, какъ раздобрится, и пятерки не пожалѣетъ. Невѣста опять бухъ въ ноги свекору. Потомъ пойдетъ невѣста по свекоровой роднѣ и будетъ дарить ее рядомъ. Запоютъ дѣвки «невѣсты» пѣсни:

1. Гусли, маи гусильцы,
Идѣ были, побыли?
А мы ли были, побыли,
А въ Дарьюшки въ тиримѣ,
У въ Аннушкѣ на касѣ.
Видѣли мы красную дѣвушку:
Ава все раздарила,
Ана все разнасила;

Свекору станочикъ,
А свякрови платочикъ,
А залоўки вяночикъ:
Красуйся, мая заловушка,
Какъ я красувалась
Въ радимага ў батюшки.

2. У варотъ трава расла,
У варотъ шалковая.
Хто ету траву таптали?
Таптали сватоўюшки,
Сваты багатыи.
Какъ Аннушкинъ батюшка
Ходить по двару,
Завизамши го́лаву,
Расчисамши бо́раду:
Какъ съ ней [1]) быть, Дарьюшка [2])
Какъ съ ней быть Иванавна?
Намъ ни жалка Аннушки,
Толька жаль приданава,
Гусака чубарыва,
Гусыню съ перьими,
Гусыню съ сяри́наю,
Свѣтъ Аннушку съ пяринаю.

3. Былка ты, былка,
Былка чернабылка,
Къ лўжку припадала,
Прапойничка искала.
Прапойникъ разбойникъ!
Прапилъ сваю чалу
За винную чару,
За медъ за пата́ку,
За сладкій кусочикъ,
За сладкій кусочикъ,
За одинъ вичарочикъ.
Купилъ ей батюшка
Шалковый платочикъ.
Ина по̀ пылю ѣдить—
Все поле свѣтить;
У деревню възижаить—
Всю деревню асвѣтила;
На дворъ узъизжаить,—
Весь дворъ асвѣтила;
У сѣни вступила—
Сѣни скалыхнулись (2),
Скамейки пагнулись
Гаспада баяря,
Ане праздравляли,
Чару наливали,
Ей давали.

Аннушка:

—Я, права, ня пью,
Я, вѣрна, ня пью,
Повѣрь Богу, ни пью,
Мой батюшка ни пьеть,
Мой матушка ни пьеть.

Сваты-баяря:

Спалать, Аннушка, спалать,
Вумница Аннушка — спалать:
Харашо сказала, умѣльна атвѣтила.

4. Залатой мой пирстянёкъ,
Іонъ ни тонить, ни плывётъ,
Ни вадой перстень несётъ.
Даляко милый живеть:
Ни въ Питири, ни въ Москвѣ,
Ни въ питейномъ кабакѣ—
Зиляноя вино пьеть.
Ступай, пьяница, дамой:
Прапилъ усё имѣнія свое,
Прапилъ усё приданыя моё.

Во время пѣнья пѣсенъ дружки сидятъ за столомъ, сидитъ за столомъ и свекоръ со своей родней; вылазить съ-за стола свекоръ и всѣ вылазятъ вонъ. Садится за столъ невѣстина родня: сестры, братья, дядьки, тетки. Отецъ невѣсты, окинувъ взоромъ свою родню и найдя, что ея не мало собралось въ хатѣ, считаетъ долгомъ извиниться передъ сватомъ:

— Ну, сватушка, извини: мы тебе кругомъ обсѣли: и на полу сколько, и на лавкахъ сколько объѣди оказывается! У насъ по всей деревни родня; что дѣлать— хуть всю деревню зави. У тибе, сватушка, мала хватить на насъ капиталовъ.

— О, сватушка, не безпокойся: я цѣлую к у х у вина привёзъ.

Сваты, разсыпаясь другъ передъ другомъ въ любезностяхъ и извиняясь, идутъ во дворъ студиться. Станетъ невѣста дарить родню свою платками красными и сборниками, и ей дарятъ денегъ отъ тридцати до сорока копѣекъ. Послѣ даренія поведутъ невѣсту въ другую избу; поютъ ей подружки пѣсни:

[1]) Съ ней, т. е. съ дочерью.

[2]) Дарьюшка—это супруга Аннушкина батюшки; у нея онъ спрашиваетъ совѣта и ей признается, что ему больше жаль приданого, нежели дочери.

Изъ-за лѣсу солнышка
Катаить, катаить;
Ванюшка коника
Братаить, братаить.
Ридный батюшка пытаить:
—Куды-жъ ты, Ванюшка,
Каня братаишь?
—Батюшка, я въ дарогу—
Дай мнѣ падмогу:
Двинацыть лашадушикъ вараныхъ,
Двинацыть каретушикъ залотыхъ;
Пріѣду я къ тетёвымъ варатамъ:
Тетёвы варотички запёртыи,
Вароныи лашадушки заржали,
Залотыи каретушки зазвинѣли,
Молодыи свагиньки заиграли,
Свѣтъ наша Прасковушка сплакнулася:
Свѣтъ мая косынькя была русая;
Вы три причѣ была косынька
А стала въ шесть причѣ.

Собираясь домой ѣхать, свекоръ и свекровья заходятъ къ невѣсткѣ прощаться. Даритъ свекоръ невѣсткѣ «на прощеніе» три рубля, а свекрова—платокъ хорошій. Невѣстка кланяется въ ноги, подаетъ свекоръ «невѣсты» грахвѐнъ рябый вина въ восьмуху, да связку баранокъ для дѣвокъ. Пріѣзжіе 12 человѣкъ собираются домой: «мы, говорятъ, невѣсты отдарили». Невѣста сзываетъ въ свою компанію всѣхъ своихъ знакомыхъ дѣвокъ и потчуетъ ихъ; угощаетъ подружекъ дочери и мать невѣсты. Подружки воютъ по невѣстѣ въ причотъ: милая наша тайная подружинькя, русая каса, растрипалися тваи валаса. Теперь мы атъ тибя атлишились, съ тобою всѣ сказки, присказки, скоки—всё лишилась, и прясть мы съ табою ходили вмѣстѣ, вмѣстѣ шили. Патиряли мы милаю сваю падружку.

Каравай пекутъ на дивичникѣ, предварительно поставивъ на дежу четыре свѣчки. Жениховъ отецъ и мать цѣлуются и чокаются стаканами съ виномъ чрезъ дежу, говоря: «чтобъ наши маладыи такъ ладны были, какъ мы». Бабъ набирается цѣлая комната; жениховъ отецъ угощаетъ бабъ водкою. Отецъ на каравай кладетъ крестъ. Какъ принесутъ жениховъ и невѣстинъ караваи въ церковь, дьячки подымаютъ ихъ, а молодые иногда спорятъ, чей каравай выше. Невѣстинъ каравай раскроютъ по поламъ, ширинкою накроютъ, половинку отдадутъ дьякону, а половинку матери невѣсты. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берется къ вѣнцу одинъ каравай, съ нимъ пироги; дорогой ѣдятъ пироги, а каравай ставятъ на курчину, мостницу посреди хаты.

Подъ вѣнецъ ѣдутъ. «Отъ невѣсти къ жениху ѣдуть троя дружки». Соберется много повозниковъ. Жениха соберутъ, нарядятъ: навѣшаютъ ему «лѐндовъ» на шею, крестовъ нацѣпляютъ, полотенцевъ напихаютъ подъ подпояску. Ѣдутъ съ наряженнымъ женихомъ невѣсту брать. Въ воротахъ какъ застучатъ, сейчасъ невѣста «поднимитъ голосъ»: «кормилецъ-батюшка, что-жъ ты на мине такъ разгнѣвался? Что-жъ ты мине такъ нявозишь»? Женихъ съ дружкомъ идутъ прямо въ свѣтлицу А дѣвушки подвязали сами себѣ такіе платки, какъ невѣста, и сами такъ понарядились: «узнавай, говорятъ жениху, свою сужинаю и свою ряжинаю; выкупи iё». Женихъ долго старается понапрасну узнать невѣсту.—«Да ты атдай намъ полштофъ вина! говорятъ дѣвушки: не скупись! мы тибѣ перину набивали, мы тибѣ рубашку шили».

Женихъ отдаетъ дѣвушкамъ полштофъ вина; дѣвушки отдаютъ жениху невѣсту въ руки. Сейчасъ «обаславлять» начнутъ молодыхъ, рагожку растелютъ, карвѐгу хлѣба положать, на карвѐгу крестъ. Женихъ съ невѣстою кланяются въ ноги родителямъ. Невѣста голоситъ: «Баслави мине, батюшка, у чужія люди итить! У чужихъ людяхъ жить нада умѣючи». Женихъ цѣлуетъ невѣстину родню, кланяется въ ноги всѣмъ роднымъ, даже маленькимъ братьямъ и сестрамъ невѣсты. Относительно этого обычая мнѣ разсказчица-старуха съ сожалѣніемъ замѣтила: «такая ужь у насъ дурацкая повѣрья»!

«Абаславёмши молодыхъ», посадятъ ихъ за столъ; невѣста заголоситъ: «кармилецъ—мой батюшка, спасиба, батюшка кормилецъ, за хлѣбъ, за саль—значить, я тибѣ была, батюшка, ни работница и ни угодница»!

И посадятъ малаго лѣтъ десяти къ невѣстѣ прямо на колѣни и дадутъ малому въ руки невѣстину косу; она, коса «растрепана и лѐндами перевязана». И дадутъ малому палку у р у ч н и ь, большой, толстый, какой онъ можетъ поднять.

Сейчасъ дружко и говоритъ: «зачимъ ты ускачилъ у нипаказная мѣста»? И грозитъ дружко мальчику «ряменнымъ кнутьимъ». А мальчикъ грозитъ дружку урушнимъ,

пилитъ имъ по косѣ невѣсты. «Отдай, говоритъ, полтину: касу покину. Выкупи касу, ня буду тутъ». Дѣлать нечего, дружко наливаетъ мальчику стаканъ водки, на дно стакана кладетъ десять копѣекъ. Мальчикъ выпьетъ стаканъ, деньги возьметъ и отдастъ стаканъ дружку. Дружко скажетъ мальцу: «ну, мы теперь съ тобою въ расчетѣ»! И даютъ мальцу еще стаканъ; мальчикъ или выпиваетъ или, если не въ силахъ, отдаетъ его «срдычамъ».

Станетъ вязать невѣсту съ женихомъ родная мать невѣсты (иногда помогаетъ отецъ); заголоситъ невѣста: «кормилецъ-батюшка, ай я вамъ была неугодница и неработница, а вы мине куете-вяжитя». Или невѣста причитаетъ такъ: «ай, я у васъ была какая разбойница»!

Дружко посыпаетъ хмелемъ невѣсту и жениха. Поставятъ «подъ жениха» стаканъ вина и «подъ невѣсту»; а они и «губий» шевельнуть не смѣютъ. Надъ молодыми потѣшаются: «биэрўкыи какыи—сами сибе ни развяжуть». Молодая баба въ насмѣшку надъ женихомъ сорветъ съ него шапку, увернетъ въ платокъ и положитъ себѣ на колѣни, а женихъ все сидитъ невозмутимо. Дружина жениха жалуется на насиліе, просятъ развязать молодыхъ: «мы пріѣхали къ вамъ па харошиму, а вы насъ аграбить хочитя». Теща заявляетъ «тстемъ» права на молодую и молодого—хочетъ ихъ оставить у себя: «Сватушка высвайтовалъ зётя и нашъ товаръ намъ пусть и астанитца». Наконецъ, теща соглашается взять выкупъ за молодыхъ рубля три, выкупается и женихова шапка у молодой свахи; какой-нибудь дружко со стороны жениха, выставивъ шапку, собираетъ деньги съ невѣстиной родни, чтобъ вознаградить молодого за обиду и насиліе надъ нимъ; деньги эти потомъ сыплютъ жениху въ голенища.

Село Пятницкое, Мосальскаго уѣзда.

Когда дочку замужъ отдавала, мать причитывала: дитя-жъ маё милыя, дитя-жъ маё жалкыя, дитя-жъ маё Хрипушка! Скажи, мае дитятушка, на каво-жъ ты при старысти лѣтъ мине покидаишь?! На каво-жъ мнѣ надѣитца, на каво-жъ мнѣ понадеитца?!.. Батюшка твой старёшоникъ, и матушка твая также! Съ аткель намъ чаво при старости лѣтъ дожидать, и хто намъ што прибридёть, и хто намъ што принисёть? Дитя маё Хрипушка, успомни, маё дитятушка, какъ я тибе растила. Маё дитятушка, када я буду итить кала варотъ, и зайду я къ тибѣ—успомни, маё дитятушка, какъ я тибе зъ горимъ зъ большимъ узращала, и сколька мы съ табою горюшка видали. Успомни, мая дитятушка, када я тибе у міръ сабирала и дала тибѣ сумочку и правадила тибе у диревню, пакеда ты, маё дититка, узвярнулася, и я всё горькими слизами абливалася. Охъ, Божа мой, заидять іе сабаки—и корийть ина мине ни накормить! Напрасна я тибе пасылала п по милостыни! Приходишь ты съ міру, приносишь ты хлѣбушка, уходишь ка мнѣ у хату... И я такъ тибе стрѣла — рада, радёшанька! И ты, мая дитятушка, прежде рада, а потомъ и заплакала, и говоришь: «радимая мая матушка, и день ба и ночь я работала, только-бъ мая силушка хватала! Ну, ни буду сагласна хадить по-міру: гаварять люди, што ета гулявой кусокъ. Ну, я, родная моя матушка, када ета испытала съ малыхъ лѣтъ своихъ, никаму ни пазавидываю—и луччи и день, и ночь буду работать, што маей силушки будить хватать». Ну, такъ дитя маё, уздумай пра мине: силушки маей коротка. Старысть ка мнѣ падыйшла и надѣитца мнѣ нѐ на кого, а ты, друхъ мая, съ мужимъ жимши идѣнибудь и пахити,—и мужу правды ни скажи, а про свою родную мать вспомяни, хуть малыстью чѣмъ найди. Ну, маленькая твоя подача при моихъ старыхъ лѣтъ очень будить вилика, и очинь мнѣ будить антирѐсна!..

Дочь причитывала въ отвѣтъ матери: ня гнѣвайся, мой родный батюшка, ня гнѣвайся, мая родная матушка, што я съ младыхъ лѣтъ у люди иду—васъ при старысти лѣтъ адныхъ кидаю: видна, съ тѣмъ дѣвица родитца, што принуждённая у люди итить. Какъ жить у чужихъ людяхъ, я знаю. Я, младая, по чужихъ людяхъ хадила. Бывало, што я чаво и ни то, што сдѣлать, и на разуму ни диржала, а люди при-

ложуть и скажуть. Маладымъ людямъ никакъ нельзя ходить до саваршённыхъ лѣтъ: усяво въ міру наслушаишься и всяво наберёшься! Чужую работушку работать и чужимъ атцамъ и матирямъ служить очинь трудна и очинь больна—хуть убейся рабатамши—вѣрушки нѣту-же! Гаварять тахта: у людихъ жинши, нябось силу ни растиряишь—ни въ сваемъ дварѣ: нѣшта праведно работають у чужомъ дворѣ! А мнѣ тахта даставалася у чужомъ дварѣ работать, што ни то, што потъ каплить изъ мине; ни то, што такой, а крававый!.. Када я пасматрю на сваи руки, дакъ ни то, што на маихъ рукахъ музулй понатёрты, ни то, што сухіи, а какъ пасмотришь дакъ крававыи... Приду домой, хозяйка и скажить: «вотъ то я то ни дѣлала, вотъ то я то ни работала, и вады у насъ нѣту, и дровы ни ношины. Пайду по воду и зальюся слизами; ни вижу, куды иду; пачирьпну, къ двору подыйду—утруся. бытта такъ-та и нада, а етава нихто ни знаить, што шла по воду, шаталася и ни помнила, какъ я иду—у галовушки клумитца и вертитца. Ты успомни, радимая мая матушка, пра тваю пажйстачку, какъ ты съ свайго вѣку ходишь па людимъ и служишь добрымъ людямъ и ты, радимая матушка, у чужихъ людяхъ горя тяпнула!

Выведуть съ-за стола вонъ молодую. Молодая благодарить за освобожденіе и снова заголосить предъ своимъ родителемъ: «Кармилецъ мой батюшка, ни прагнѣвайся, што я вамъ здѣлала бальшую устрўшню съ сваими гостями».

Выведуть вонъ изъ хаты невѣсту и жениха сажать въ съѣзки (сани) хорошіе и обшитые, съ подрѣзами. Отецъ невѣсты несетъ «карвйгу», а мать невѣсты идетъ съ пустыми руками за отцомъ; три раза они обходятъ молодыхъ. Мать невѣсты возьметъ шиворотъ своей рубахи и три раза этимъ шиворотомъ вытираетъ лицо зятя и дочери, приговаривая: «какъ рубашка любить тѣла, такъ штоба мужъ любилъ маладую жану»! И приказываетъ мать: «какъ станешь на паперть, Аннушка, хватайси поскорѣе за церковный замокъ, чтобы крѣпче за тебя мужъ держался...» Женихъ сажаетъ невѣсту такъ: подниметъ и грёкнить прямо въ съѣзки.

Спровадивъ молодыхъ, мать невѣсты голоситъ: «дитёныкъ мой милый, я тибе панявблила симнадцыти годъ людямъ служить»... Или: «дитёначикъ, нижалѣтая ты у мине расла, заняволинная, ты-жъ, мая дититка, блинка гарячива ни съѣла!.. Ты-жъ у мине усё у работи у должнасти бальшей... Какъ жа я отсталась бизъ тибе, дититка? Асталась я шлёпать и ѣздить въ сахѣ и въ баранѣ». Сестры причитываютъ: «сяетрица мая милая, идёшь ты людямъ служить—дóбрить...»

А поѣздъ жениха. отъѣхавъ недалеко, остановится; дружко соскочитъ со съѣзковъ и забѣжитъ въ хату, гдѣ недавно было полное собраніе гостей; народъ еще не разошелся. Бабы откроютъ подполье, да какъ крикнутъ на дружка: «дружко, давай намъ водки, а товó, братицъ, куда мы тибе пасодимъ»! Дружко даетъ водки бабамъ, отдаетъ благодареніе отцу-матери, проворно бѣжитъ къ съѣзкамъ, поспѣшно садится и ѣдетъ поѣздъ жениха къ вѣнцу.

После вѣнца. Какъ съ церкви ѣдутъ перевѣнчавшись, то часто останавливаются и во время остановокъ винцо пьютъ. Какъ поѣдутъ, запоютъ пѣсню:

Пароша, пароша!
Какъ по—па той парóшя
Бягйть бѣлый зайкя,
За зайкію борзыя собаки,
А зай Богу молить:
Униси мине, Божа,
Да тсёвага дома,
Дай мнѣ, Божа,
За тстёвымъ столамъ
Хлѣба-соли кушать.

У нашива свата кони вараныя,
Кони вараныя, дуги висакія.

Вдругъ запоютъ:

У нашива дружка конь нипагóжъ! (т. е. не красивъ, не хорошъ)
Конь нипагóжъ—маладыхъ ни павёзъ.

Какъ поднесутъ вина молодымъ и всему поѣзду, запоютъ:

Какъ у нашива дружка конь та пагожъ—
Маладыхъ павёзъ!

Иногда поѣздъ останавливается, оттого. что ему дорогу перегородили, «зайца» закинули.—Винца-ль тебѣ что-ль?— скажетъ дружко закинувшимъ «зайца» - и угоститъ ихъ, чтобы приняли его. Раза три «прокатамъ» проѣдутъ по деревнѣ. Боже ты мой! сколько народушку-то «смечется» къ воротамъ невѣстина дома, какъ завидятъ поѣздъ свадебный, какъ заслышатъ грустную пѣсенку:

Прилетѣла галубка,
Павита галовка...
Сястрицы-падружки,
Пріютитя галубку,
Павиту галовку,
Пасыпьтя галубки
Бѣлый ярый пшаницы,
Чтобы наша галубка
Тутъ привыкала,
Двару ни литала.

Молодыхъ встрѣчаетъ свекоръ и свекрова со крестомъ и карвигою хлѣба. Часа полтора молодыхъ не пускаютъ во дворъ и переговариваются съ ними у воротъ: «мы не знаемъ васъ; мы не слыхали, какіи къ намъ наѣхали»!

— А понравилась хватера дивоеча: дай туда паѣдимъ—и паѣхали. А вы ни атварявтись! Какъ-нибудь жа нада помѣститца на дворѣ.

Войдутъ въ хату молодые послѣ предварительнаго угощенія водкою встрѣтившихъ ихъ у воротъ. За столъ тоже не пускаютъ молодыхъ: человѣкъ двадцать мужиковъ позаймутъ за столомъ всѣ лавки: «мы сами, говорятъ поѣзжанамъ, будемъ обѣдать; обѣдъ мы ни для васъ гатовили».

— Братцы, мы разочтемся, расплатимся: ета вѣдь князь съ княгиней дажидаются—аны померзли въ дорожкѣ.

— Ну, давай выкупъ!

Дружко выкупаетъ столъ для жениха и невѣсты.

Запоютъ пѣсню:

Ты, Кузьма-Димьянъ,
Скуй намъ свадьбу
Крѣпкаю, вѣкавѣшную,
Вѣкавѣшную, далгавѣшную.
То Ивану пѣсенка—
Ни аднаму, то съ Анною,
То съ Анною, съ Ивановною.
Летѣли тамъ пчолы,
Пчолы яравыя;
Садилися пчолы
Въ Ивана на дварѣ,
У Дарьи въ тиримѣ.
Пришла мнѣ гадинушка,
Мая вичаринушка;
Усё падарили, усё разнасили:
Свекру станочикъ,
Девирю платочикъ,
Заловки вяночикъ.
Красуйся, заловушка,
Красуйся, либедушка,
Какъ я красувалась
У радимаго батюшки,
У сударыни матушки.

За столомъ поются пѣсни величальныя и хвалебныя всей роднѣ, свашкамъ, дружкамъ, всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ: женатымъ, холостымъ, старымъ, молодымъ; даже для вдовъ существуютъ особыя величанія.

За величаніе или «обыгрыванье» платятъ деньги или угощаютъ виномъ. Богатыхъ величаютъ или «обыгрываютъ» больше, нежели бѣдныхъ. Если кто желаетъ, чтобы ему напѣли побольше величаній, притворяется, что не разслышалъ пѣсни:—«не слышу: у меня золотомъ уши завѣшены».

Въ «обыгрываньяхъ» поется про мирную семейную жизнь и мирныя семейныя наклонности, «про дорогой обычай мужа», про мирное семейное пированье сосѣдей, «смирёную бисѣдушку» людей «добрыхъ», степенныхъ, которые и во хмѣлю хороши, не бушуютъ и не озорничаютъ, а говорятъ разсудительно «все старинное рѣчь пасловья». Жизнь семейная выставляется такою привлекательною и заманчивою, что можетъ понравиться и дѣвушкѣ, и холостому парню—жениху. Поютъ про богатую обстановку,

серебро да золото, да про корабли съ товарами. Вдовъ или тѣхъ, кому, по волѣ судьбы, жизнь не задалась, тѣхъ «обыгрываютъ» пѣснями трогательными, чтобы грусть розвести.

Величаютъ дружка:

Дружинькя сильна багатъ;
Ѣдишь скарадишь—12 баронъ,
У нашива дружки 700 капёнъ!

Просятъ за величаніе подарковъ:

Охъ, дружинькя, не тами ты насъ,
А падари ты насъ:
Не станишь дарить—
Мы тибе станимъ карить!

Дружви пѣсня:

Съ Марьей Степановной;
Друженьки харашива!...
Идѣ дружинька сидить,
Тамъ свича нинадобна:
Асвѣтить инъ
Залатою гривнаю палужонаю!

Дружко наливаетъ молодымъ бабамъ водки и даетъ имъ денегъ за величаніе. Бабы благодарятъ и еще «обыгрываютъ» дружка съ супругою.

Спасиба на большимъ дарѣ!
Дай табѣ, Божа,
Сто рублей у мошну,
Кабылу, карову,
И жану здарову!...

Запоютъ пѣсню молодому съ молодой:

Идѣ Иванушка сядить,
Тамъ свича нинадобна:
Асвѣтить яго залотой гривнаю,
Асвѣтить яго полужонаю.

Пѣсня свату и сватьѣ:

Бѣгли скамарошки
Па чистый дарожкѣ;
Патали, вапрашали,
Гдѣ тута свадьба.
Иванъ сына женить,
Анна дочь отдаётъ;
Перепелка Аннушка,
Перепелка Иванавна...
Што ты рана вылётываишь,
Што ты рана выпырхиваишь?
Отдаетъ мине батюшка,
Снаряжаитъ матушка
Сваими бѣлыми ручками,
Пирчатными рукавочками.

«Обыгрыванье» холостому.

Подъ калинкаю,
Подъ калинкаю,
А подъ тымъ шатромъ,
Подъ палатнянымъ,
Пачиваитъ тамъ
Добрый молыдицъ, (2)
Свѣтъ Валодюшка,
Свѣтъ Хвилиппьевичъ.

Передъ имъ стыять
Слуги вѣрныи,
Слуги вѣрныи,
Братья роднын;
Ины будють яво—
Прабуживають:
— Ты юстань, юстань,
Добрый молыдицъ,
Свѣтъ Валодюшка,
Свѣтъ Филиппьевичъ:
На синемъ мори
Карабли ушли (2)
Са тыварами,
Съ ясныиъ золытымъ,
Съ чистымъ серебромъ.
— Ни магу устать
Галавы паднять,
Галовы паднять,
Карабля схватать.
Подъ калинкаю,
Подъ малинкаю,
А подъ тымъ шатромъ,
Подъ палатнянымъ,
Почиваитъ тамъ
Добрый молыдицъ,
Добрый молыдицъ,
Свѣтъ Валодюшка,
Свѣтъ Хвилиппьевичъ.
Передъ нимъ стыять
Слуги вѣрныи (2),
Братья родныя,
Ины будють яво—
Прабуживають:
— Ты юстань (2),
Добрый молыдицъ (2)
Свѣтъ Валодюшка,
Свѣтъ Хвилиппьевичъ,
На синёмъ мори
Карабли ушли
Са тыварами,
Съ красными дѣвками.
— Я магу устать
Галаву паднять (2)
Карабля схватать (2)
Сибѣ дѣвку взять,
Сибѣ краснаю.

У мѣсица у яснава
Рожки крутыя,
Пазагнутыи;
У Сирёжуньки
Кудри русыи
Парасчосаны,
Паразглажины,
Алыми лентами
Пиривязаны,
Чистымъ серебрамъ
Пирясыпаны.
Нихто къ кудирькамъ
Ни приступитца—
Приступилася
Радна матушка:
Узяла кудри
На сваи руки,
Стала кудирьки
Чисать, гладити,
Разбумаживать,
Алыми лентами
Пиривязывать,
Чистымъ серебрамъ
Пирясыпывать.

Березничикъ листавой—
Серёжанька халастой,
Халостинькій нижинатъ,
Енъ бѣлинькій кудриватъ,
На емъ кудри вилися,
Па плечушкамъ сламилися
И въ три рида клалися.
На ёмъ шапачка сабольн,
А въ шапачки ширинка,
Въ ширинычки три узла:
Первый узёлъ—макывъ цвѣтъ,
Другой вузёлъ висилёкъ,
А третій вузёлъ любавикъ.
На што тибѣ висилёкъ?
Штобъ я, младецъ, весёлъ былъ.
На што тибѣ макавъ цвѣтъ?
Штобъ я, младецъ, цвѣтенъ былъ.
На што тибѣ любавикъ?
Штобъ дѣвушки любили,
Пивцомъ и винцомъ паили,
Ширинками дарили.

А у ково жина маладая,
Словна ягада наливная?
А у Андреюшки жина маладая,
А словна ягада наливная,
Какъ брусничина баравая.
А ина съ терима выхадила,
А сваяво друга воскликала:
— А Андреюшка, мой дружочикъ,
Ли Яковлевичъ животочикъ,
Ты ступай двору паскарѣя,
На тясовую караватку,
На пуховыя на пярины,
Аб-подъ теплыя адѣяла
На сладкыя цалуванья.

Ой, не рыбушка платичка
вакане̋чикъ,
Андреюшка дружочикъ
живаточикъ,
Ни пущай свою Настасью
за вароты.
Пятницкыя рибяты
вараваты:
Поймають Настасьиньку
зацалують,
И завидють Өатéивну
замилують.
Ой, вы стойтика, рибяты,
ни цалуйтя,
Ой, вы стойтя, маладыи,
ни милуйтя:
Ну, я самъ Настасьиньку
пацалую,
Ну, я самъ Өатéивну памилую.

Когда споютъ эту пѣсню, тѣ, которыхъ «обыгрывали», отдариваются, а имъ поется другая пѣсня:

Ой, спасиба, сватушка,
Ой, за твой за большій даръ,
За дарагай падарочикъ,
За тваю рублёвачку.
Ой, дай тебѣ, Божа,
На сто рублей денихъ
Всё старинныхъ копѣикъ
На сыновъ на харошихъ,
На дочокъ на пригожихъ,
На сватовъ тебѣ на багатыхъ,
Да штоба и мужъ былъ тараватый.

«Обыгрываютъ» многосемейныхъ супруговъ.

У варотъ сасонушка зилиная,
У Ивана жана маладая,
Ина са вечира у пиръ загуляла,
А ка палуначи двору прихадила,
Ка бѣлу свѣту ина сына парадила,
Сваяво друга взвисилйла,
Никалаича взвисилила.
Ни исьмёнъ мѣсицъ
Гулянть са звиздами,
Валадиміръ гулянть съ сынывьями;
Ни бѣла звѣзда выходить са звиздами:
А Т-на гулянть съ дачирями...

Ой, Настасьинька сваяво мужа
Ина во свадибку сабирала,
А у касйнку палтинку завизала,
Сваяму мужу приказала:
Ой, Андреюшка, мой дружочикъ,
Ой, Яковлевичъ, живаточикъ,
Ты дари игрицъ нищадна:
Старымъ бабушкамъ да па гривни,
А маладымъ маладицамъ па палтини,
Краснымъ дѣвицамъ па рублйни.
Наши дѣвицы сваявóльки:
Бязъ мыла на вулицу ня ходють,
Бизъ румянъ на ширàку ни вастўпють

Ой, ходить Андрей па двару,
На нёмъ кунья шуба да далу,
Жарѐлья баброва по пличамъ.
Ой, люди скажуть: кто таковъ?
Настасьинька скажить: мой саколъ!
Каба хто яму кудирьки завивалъ?
Завивала ему матушка,
Ву терими сѣдя подъ акномъ.

Доброе согласіе супруговъ:

Вилась, повилась травушка,
Ка бѣлый березн прививалась.
Павился, павился Андреюшка,
Ка сваёй жанѣ—Настасьиньки:
Душанька мая, Настасьинька,
Живатóчикъ мая Өатѐивна,
Дала-жъ ба ты мнѣ ширинячку,
Дала-жъ ба ты мнѣ шалковую.
Дружочикъ мой, Андреюшка,
Живаточикъ мой, Якавлевичъ,
Дала-бъ тибѣ я ширинячку,
Дала-бъ я тибѣ шалковую,
У пиръ идучи—замараишь,
Съ пиру идучи —патиряишь.
Дружочикъ мая, Настасьюнька,
Друхъ мая, Өатеивна,
У пиръ ишодши—пацалую;
Съ пиру приду—помилую.

Мужъ влюбленъ въ жену; любезничаетъ съ супругою.

Стелитца, катаитца
Па лугамъ трава шалковая;
Цалуитъ друхъ, милуитъ,
Андрей жану маладую:
— Друхъ мая Настасьюнька,
Друхъ мая Хватѐивна,
Ну, ты мине состарила,
Бизъ ума млайца паставила
Частыми паходами,
Ну, низками паклонами,
И тихими гавдрами.

Канапелька былинка,
Дробная зилёная.
У гароди стыяла,
Скланяла галовушку
На правую старонушку.
На правый старонушки
Угодья вяликыя:
Тирима всё высокiи,
Каравати тясовыи.

Каму спать, пачивать
На тисовый каравати?
Ой, спать, спачивать
Владимиру Николаевичу
Со Авдотый Тимофеивный.

У насъ па палю, па гарѐхвицу,
Ходитъ голубъ (2)
Са галубашкаю.
У голуба залатая галава,
А у галубки пазалачивана.
У Андрея (2) жана маладая.
Я бы лѣтамъ (2)
На калёсачкахъ вазилъ,
А па зимнимъ путёмъ
Я на писаныхъ санёхъ;
Сани писаныи,
А вузды низаныи,
А коники вараныи,
А извощички маладыи.

Дѣвку «обыгрываютъ»:

Ой, ягадка красна,
Зимлиничка красна,
А патаму ина красна,
Што при горачки расла.
Ой, Анисьинька вумна,
Антонавна разумна:
У батюшку вумна,
У матушку разумна:
Я по сѣнюшкамъ хажу.
Зямчугъ на руку нижу,
Я ка бѣдинки спяшу:
Ну, ни Богу малитца,
Жениховъ выбирать.
Я выбрала женишка
Са барскаго дварца:
Онъ чистъ и рѣчисъ,
Гаваритъ душа гаразъ;
Носитъ синiю паддёвку
Маяму серцу зладѣйку.

Вдову «обыгрываютъ»:

Пакупайся, вутушка, покупайся;
Стрипинися, сѣрая, стрипинися!
Ну, горькаё маё пакупання,
И гарямычныя маё стрипитання.
Што майво селѐзнюшки дома нѣту:
Ну, мой селезнюшка въ атлёти,
Въ атлёти—на синимъ мòри.

Сабирайся, Татьянушка, сабирайся,
Снаряжайся, Симёновна, снарижайся:
Што горькая маё сабирання,
Гарямычныя снарижання!
Што майво Митрюшки дома нѣту,
Што мой Митрюшка на томъ свѣти.

Похвала «смирёнай бисѣдѣ»:

А у нашива сусѣда
Смирёная бисѣда;
А у бисѣдушки
Сидять гости,
Вcё люди добрыи,
Гаварять ане рѣчи,
Рѣчь-пaслòвья
Всё старинныя:
Атчавòль ли наша матушка,
Матушка-Масква загаралася?
Загаралася наша матушка-Масква атъ лихихъ гаcподъ;
Атъ таво ли атъ гаспадина, атъ Нарышкинывa!
Нашъ Нарышкинъ гаспадинъ
Очень лихой онъ былъ,
Христiанъ съ голоду марилъ.

Дорогой обычай мужа:

У чарачки у сиребренай
Залатой былъ вяночикъ;
У Прохора Иванывича
Дарагой былъ абычай:
Идѣ пьетъ, идѣ гулянтъ,
Начувáтъ двору ѣдитъ:
— Ты, Храсиньюшка Васильевна,
Разумѣй сустривати.
— Ой, Прохорушка
Да Иванавичъ,
Ни въ дасугъ, сударь, стала:
Ну, сына я качаю—пиримѣнушки чаю,
А дачку я качаю—пиряпдицу чаю.

Забота жены о подгулявшемъ супругѣ:

Ай, Андреюшка -дружокъ
Вечоръ пьянъ-пьянёшаникъ пришолъ,
Шатаитца-валяитца
У Настáсьиныхъ нагахъ:
Ты, Настáсьюнька, разуй,
Ты, Хватѐивна, разуй!
— Я ба рада разула,—
Я ни знаю, какъ завуть (2),
Ну батюшки виличають (2).
Пайду, выйду малада
За навыя варата,
Паслушаю малада,
Да што люди гаварятъ.
Первыя люди сказали,
Што Вандреямъ завуть,
А другія гаварили,
Што Якавлевичъ:
Ти ни тотъ-та Андрей,
Што па возиру гулялъ,
Пралубычки прасикалъ.
Бѣлу рыбушку лавилъ;
Ну, красны выканёчки—
То Вандреивы сыночки;
Ну, што бѣлыи платички—
То Настасьины дочки.

Подгуляли супруги; мужъ угощаетъ жену:

У поли кадýшичка стыяла,
Въ кадýшички чарнýшичка гуляла.
— Гуляй, моя чарнушичка малада,
Пакель мая черницкая галава!,—
Прапилъ черни́къ черну ризу на мяду,
Чиставамши чарнушичку маладу.
Сирёдъ двара свитёлычка стыяла,
Въ свитёлычки Храсиньнюшка гуляла,
У новинькой Васильнвна гуляла.
—Гуляй, мая Храсиньючка малада,
Пакель мая Прохорова галава:
Пропилъ, проѣлъ ворона коня на мяду,
Чиставамши Храсиньюшку маладу.

Гулянье идетъ до вечера и до вечера поютъ пировыя пѣсни; послѣ ужина поведутъ молодыхъ кормить въ другую избу два дружка и двѣ свахи. А въ общей хатѣ, послѣ удаленія молодыхъ, пированье продолжается за столомъ, какъ и прежде.

Поютъ за столомъ пѣсню:

Постылыя работушка
Гребень да стальнó,
А харошія работушка
Стаканъ да вино!
Смирѐная бисѣдушка,
Гдѣ батюшка пилъ-гулялъ,
За мной маладэю пасылалъ.
Я, маладая, замѣшкалася
За гусими, за лебидими,
За мелкаю пташичкаю.
Мелкая пташичка
Па бѐрюжку пахаживала,
Шалковую травушку сашшипывала,
Халодную расицу прихлёбывала.
За рѣчкаю за быстрою
На горушкѣ, на гарѣ,
Чатыре двара,
У тыхъ-то у дворушкахъ
Чатыри кумѣ.
Вы, кумушки-галубушки,
Кумитися—любитися,
Любите мине...

Какъ закусятъ молодые со своею свитою, ихъ ведутъ спать: свашки несутъ подушки, перину, дерюгу, а въ рукахъ старшаго дружка его аттрибутъ—ременная плеть. Заставляютъ молодую разувать мужа: «Ну, скидывай сапогъ у правой ноги»! Скинетъ молодая сапогъ, а сваха скажетъ: «Ну, погляди, что-жъ ты скинула, а ни пасматрѣла въ сапогъ: онъ отъ тибѣ деньги схаранилъ, и потомъ всё та̀хта будить отъ тибе харанить»! Возьметъ сваха изъ сапога деньги и отдастъ невѣстѣ. «А что ета тарчить въ сапогѣ»? Поглядятъ: пряникъ! Тутъ всё начинаютъ хохотать надъ женихомъ: «Ахъ, какой хитрый! Ничего не видя, а ужъ сталъ таитца»! Улыбнется и молодая.—«А въ ша̀рхи ета што»? Изъ шарфа молодая вытягиваетъ денежную бумажку: рублевку или трехрублевку:—«Вотъ онъ што дѣлаеть отъ тибе твой... ха, ха, ха»! Смѣются свахи!—«Ну, молодой, ловокъ ты надувать жену! А подушки мы тибе ни атдадимъ! Выкупи»! Молодой вынимаетъ «копѐякъ тридцать» денегъ и отдаетъ свахѣ.—Нѣтъ, этого намъ мало!—Еще «вымётываетъ» женихъ пятиалтынный.—«Ну выкупи еще дерюжку»!—Послѣ окончательнаго выкупа сваха развяжетъ подушку и дерюжку, и свахи «спрѧ̀нутъ» молодыхъ. Молодые ложатся; дружко большій съ ременнымъ кнутомъ, дружко меньшій, большая и меньшая свахи стоятъ надъ молодыми и пристально смотрятъ на нихъ.—Что-жъ ты отвернулась отъ молодого князя?! та̀хта нильзя!—дѣлаетъ строгое замѣчаніе большая сваха невѣстѣ:—«ты вазьми иво, да вотъ какъ покрѣпчи вазьми за шейку, да-абними»! А дружко большій, послѣ увѣщаній со своей стороны, возьметъ и «цуднётъ» молодыхъ пугою, такъ что они раза три перевернутся подъ дерюгою...

Но вотъ выходятъ молодые въ сопровожденіи свахъ и дружковъ; свахи во все горло орутъ пѣсню:

Теперь мы апрастались,
Теперь мы развожжались!..
Мужа дома нѣту:
Мой мужъ на гароди,
У клѣтки, на грядки,
Висить на запятки.

Пойдетъ по хатѣ «пляскя» и пированье. Пѣсни становятся все веселѣе, разгульнѣе, пойдутъ скакухи да плясухи. Орутъ бабы, что въ голову взбредетъ, иногда совсѣмъ по вдохновенію, что подскажетъ имъ веселая минута да хмелекъ. Баба совсѣмъ грязная и сопливая поетъ про чистоту и богатство. Какъ подхватится, какъ заскачетъ и въ ладошки заплещетъ и заорётъ:

Ахъ, и мужъ мой многа сѣна накосилъ,
Два воза навозилъ!

Поется пѣсня лися:

Ужъ ты, лиса,
Ты, лиса мая,
Вотъ и ты съ лѣсу выскачила,
Вотъ мине выпужила,
Пустила пичаль па пличамъ,
Присушила сухату къ живату.
Вотъ и свѣтъ мая Аннушка,
А дачка была Натальюшка,
Наталья Романовна.
Долга вечира гуливала,
Сиратинушку зама̀нывала.
Сиратина, сиратинушка,
Горька ягода рибинушка.
У стакани вино плящитца,
По стакану разливаитца, 2
Я была у томъ канцу,
А я видила диковинку,
Стару бабу на конику.
Вотъ и кумъ къ кумѣ въ гости ходилъ,
Вотъ и кумъ кумѣ шутки гаварилъ;
Кума шутки ни залюбливала.
Ина на печь забиралася,
Черный сажій утиралася,
Тремя мылами умывалася:
А пярво нямѐцкая,
А другоя турѐцкыя,
А третія панизовская.
Панизовскаи дѣвушки
Нипозорныи бѣльмушки.
Ты, Васюта, Васютица мыя,
По загуминню хаживала,
За собою бычка важивала;
У бычка-жъ ни бычачій станъ,
Зиляной кахтанъ.

Назавтра послѣ вѣнца. Молодые еще спятъ крѣпкимъ сномъ, а мать невѣсты пріѣхала съ сундукомъ «разбужать молодыхъ». Послѣ пріѣзда матери свашки загрючатъ въ воротахъ, какъ ворота держатся:

— О, мы ѣхали, ѣхали, насилу даѣхали—веземъ приданоя!—Домашніе говорятъ: «Было-бъ за што васъ потчивать, а то у васъ, можить, въ сундуку кирпичу понакладина». Между тѣмъ, молодымъ запоютъ пѣсню «будилу». Какимъ бы крѣпкимъ сномъ они ни спали, они обязательно проснутся отъ громкаго пѣнья этой пѣсни:

Привизла вамъ мать будилу,
Чтобы вы рана вставала *)!
Ты юставай, уставай, маладая,
Привизла вамъ мать будилу,
Штобы ты рана уставала:
То Ивану пѣсенку
Ни однаму —съ Натальюй;
Идѣ Иванушка сидить,
Тамъ свича нинадобна:
А свѣтить яго залатой гривной,
А свѣтить яго полужонаю.
Иванушка, ни тами ты насъ,
Падари ты насъ;
А ни станишь дарить—
Мы тибѣ станимъ карить!

Свашкамъ, которыя подымали пѣсней молодыхъ, поднесутъ вина; мать родная жениха принесетъ имъ блиновъ; молодые кланяются въ ноги матери съ отцомъ. Сходятся всѣ смотрѣть къ привезенному сундуку. Женихова мать говоритъ: «На пятьдесятъ рублей побьемся объ закладъ, что сундукъ кирпичомъ набитъ». Мать невѣсты обижается не на шутку:

— «А, сватьюшка, за наша добро вы насъ ищо каритя! Када такъ, мы повеземъ свое добро назадъ—дома сгодітца». Происходитъ выпивка и миролюбивое соглашеніе. Отца съ матерью садятъ за посвѣтню, молодыхъ въ запалъ. Смотрятъ всѣ, хороши ли молодые, и какъ они между собою обходятся, а они другъ на дружку и не глядятъ. Сватъ и сватья подчуютъ пріѣзжихъ сватовъ. Поставятъ вина подъ отца и подъ матирь и кусочки мясушка положатъ; тѣ вина не пьютъ и мясушка не трогаютъ. Подъ молодыхъ тоже поставятъ вина и мяса, и они угощенія не трогаютъ. Невѣстина сваха возьметъ вино сватовъ и вино молодыхъ и сольютъ въ одинъ полштофъ; берегутъ то вино; оно полезно тѣмъ, у кого бываетъ родимецъ.

Оказывается, что пріѣзжая сватья очень запаслива: она привезла съ собою кромѣ сундука еще угощеніе. Домашній сватъ по этому поводу вдается въ обиду: нѣшта у насъ, сватья, свайва хлѣба-соли ни дастигаитъ, што вы сваё привозитя; намъ абидна паказываитца.—Нѣтъ, сватушка, мнѣ нужна сздать сваю хлѣбъ-соль.—

За столомъ подаются блины. Въ срединѣ обѣда невѣстина мать, пріѣзжая сватья, вдругъ и говоритъ:—вотъ, сватушка, пьемъ мы, ѣдимъ, а надо доглядѣтца, есть ли у васъ какое хозяйство, есть ли у васъ, зачѣмъ нашей молодой хадить. Сватъ домашній съ важностью ведетъ сватью и молодую по хлѣвамъ. Молодая даетъ коровамъ изъ своихъ рукъ по кусочку пирожка, овечкамъ, ягняткамъ, свиньямъ тоже. — Есть ли у васъ, сватъ, на чомъ поля пахать—нада лашадей даглядѣтца! Гусей, курочекъ и тѣхъ посмотрятъ; молодая и птицъ накормитъ изъ своихъ рукъ.

— Хозяйство вы мае вѝдили, скажетъ домашній сватъ: да умѣетъ ли ваша хозяйничать? Умѣитъ ли ана ищà пò ваду хадить? Молодая идетъ съ ушатомъ къ колодезю; она зачерпнетъ ушатъ воды. Мужчины чубурахъ тотъ ушатъ на народъ; со смѣхомъ разбѣгаются въ стороны. Три ушата, почерпнутые молодой, вылили на народъ; она почерпнула и четвертый ушатъ, несетъ его и ставитъ въ сѣняхъ. Сваха, женихова мать, накроетъ ушатъ тотъ шубой и рушникомъ по шубѣ и скажетъ: «дай Бохъ, чтобъ наша нивѣста была такая-та касматая!» Изъ четвертаго ушата стараются всѣхъ перемочить, кого захватятъ въ хатѣ. Жениховъ отецъ и говоритъ: «да, ваша маладая вполнѣ можитъ воду носить». Мать ея отвѣчаетъ: «да м а я и тилѣгу взапреть на гару— запрягай іе хоть въ тилѣгу».—Благодаримъ, сватьюшка,

*) Остатки двойственнаго числа.

мы етыва ни думали; намъ люди вашу дочку кариля, што ана вамъ будить ни работ ница.

Сейчасъ всѣхъ сватовъ и «пировыхъ» за столъ, а молодую заставляютъ блины печь. Загремятъ по сковородню желѣзомъ, зазвенятъ, какъ колокольчикъ, и крикнутъ:—Ну, иди, молодая, блины печь! Пасмотримъ на твоё издѣлья!—Наливаетъ молодая блинъ. На чапѐльнику «лѐнды нацѣпляны». Ставитъ молодая блинъ прямо подъ печку. Сейчасъ сваха, женихова мать, и дѣлаетъ замѣчаніе:—Ана у васъ бизъ памити. Када-жъ ета бываить, что блинъ пекѐтца падъ печкаю? У насъ адна кошка живѐтъ падъ печкаю.—А то молодая насажаетъ на блинъ «вѣникыу». Кричатъ:—Дура, дура, маладая! Лàнька блиновъ какихъ напикла—съ цвитами. Берутъ блинъ тотъ и кладутъ подъ отца и матирь родную невѣсты:—Ѣшь, што вамъ дачка настряпала!—Вдругъ свекоръ беретъ с т а й н ŏ и начинаетъ бить молодую по заду, приговаривая: «чтобъ блины задавались тониньки»! Молодежь мажетъ другъ друга тѣстомъ. Жениху намаслятъ блиновъ, поставятъ на воротахъ, да браги шайкю. Потомъ говорятъ молодой: «нука пометись! Умѣишь ли ты месть»? Возьметъ невѣста метлу и мететъ отъ порогу прямо къ печи.

— Што жъ вы, сватушки, хвалили нивѣсту: ана ни умѣить месть.

— Да ана у насъ и дома тàхта митеть; ета штоба не выносить словъ изъ дома.

— Ну, исполать, сватушка, умная и разумная у тибе нивѣстушка—ни дура!

Послѣ метенія хаты снимутъ съ молодой кисею, которою она была покрыта, когда ѣхала вѣнчаться. Мать жениха понесетъ это покрывало въ клѣть. Пріѣзжая сваха, мать невѣсты, говоритъ: «пойдемтя, сватушки, поглядимъ, што у мине есть въ сундукѣ. Какъ бы мине не обкрали—а то скажите, што ничего не была»! Выложитъ нѣсколько холстинъ, рубашекъ, костоланчиковъ; «даглидàтца» сватъ со свахою и скажутъ: «Ну, благадаримъ, сватенькя, што вы насъ ни абидили, ета только вить п р и ч ё т ъ, што ваша нивѣста ни умѣить ни шить, ни мыть, ни кроснà ткать; што у нивѣсти и добра нѣту: всё ана умѣить, всё ана знаить, и ей, слава Богу, вѣкъ ни пражить дабра, што ей накладина.

— Ну, смотритя, смотритя, сватушки!—говоритъ самодовольно пріѣзжая сватья.

Пріѣзжіе сватъ и сватья подымаютъ къ себѣ въ гости молодыхъ и всѣхъ гостей. На семь подводъ насажаютъ человѣкъ тридцать.—Да, сватушка, угостишь ли ты насъ?—спрашиваютъ гости.

— Да ублаготворишь ли ты насъ?

— Да хоть тридцать чилавѣкъ садитесь на сто лошадей—всѣхъ угащу.

Немного попировавъ въ домѣ невѣсты, всѣ гости ѣдутъ къ жениху. Пойдутъ по деревнѣ и гостятъ тамъ у родныхъ хозяевъ. Снова возвращаются, и опять жениховъ отецъ садитъ сваху за столъ и угощаетъ ее; сваха отказывается: «пыталисъ мы у тибе, сватушка, ѣсть цѣлый день—цѣлый день ѣдимъ».—Да какая тамъ, свàтинькя милая, наша ѣда!—скромничаетъ сватъ.

Послѣ ужина сваха «приказывапть абъ дочири»: «ана—чилавѣкъ маладой; ана чилавѣкъ робкій; ана ни дагадаитца, куда пойдить, штò дѣлать».

— Такъ мы стихà іе будимъ, сватинька, посылать, тиха смирна—нихто ня услышить, што работать будить.

— Миласти просимъ къ намъ хлѣба-соли кушать и свашекъ, и дружковъ, штобы къ намъ пріѣзжали, и маладыхъ просимъ.

Начинаютъ за воротами р а з в о д и т ь р а з в о д ы: угощаютъ виномъ родныхъ и гостей, которые собираются уѣзжать. «Срòдствіе» даетъ совѣты и приказы молодымъ: живитя, живитя хорошо и проч.

Молодые и сваты запрягутъ лошадей и ѣдутъ къ невѣстиной матери. Въ домѣ сватьи идетъ пляска и пированье. Подъ молодыхъ и подъ пріѣзжихъ сватовъ (свата и сватью) ставятъ стаканы съ виномъ Старикъ скажетъ, прикушавъ вина: — Ахъ, горька, горька вино — што та ни пьетца! — А старуха на него забранится:—да пей, пей, старая вѣдьма!—Старикъ въ отвѣтъ на брань возьметъ да и расцѣлуетъ старушку. Всѣ торжественно крикнутъ:—сладко, сладко вино! Ну, старики, поучите цѣловатца молодыхъ!—Молодымъ тоже скажутъ: горько, горько вино! — Не сразу

они поцѣлуются—ихъ долго томятъ.—Есть ли у тибе руки, маладая? Когда есть, вазьми маладого за ушки и поцѣлуй.—Вотъ она рѣшилась—взяла его за уши— и ну, цѣловать. Всѣ со смѣхомъ кричатъ: вѣримъ, вѣримъ: есть, есть руки! Сладко вино!

Село Жерелево, Мосальск. уѣзда.

Сватовство. При сватовствѣ имѣютъ обыкновеніе сводить для объясненія жениха и невѣсту, «становятъ ихъ на одну доску». Невѣста спрашиваетъ жениха: «По нараву̂ я тебѣ». Если женихъ скажетъ: «По нараву», родные говорятъ: «Ну, панаравилась. Молитесь Богу»! Наливаютъ рюмку вина и даютъ ее молодымъ перепивать по поламъ; потомъ молодые цѣлуются. Посадутъ сваты водку пить, а молодыхъ врозь. Выпьютъ четверть водки отцы, побьютъ рука объ руку и скажутъ: «поладили»! Надо брать горѣлку на запоины. Жениховъ батька вылѣзетъ изъ-за стола, поблагодаритъ за хлѣбъ-соль и уѣдетъ съ женихомъ домой.

Запоины. Наберетъ водки отецъ жениха и поѣдетъ съ сыномъ и съ роднею къ невѣстѣ. Пріѣдутъ—Богу помолятся, за столъ сядутъ и станутъ привезенную водку разливать. Невѣсту соберутъ и дадутъ ей въ за̂палъ полштофъ водки. «За̂паломъ» называется особое отдѣленіе, гдѣ, на возвышеніи около печки, помѣщается невѣста со своими товарками и подружками. Невѣсты и подружекъ ея не видно: онѣ отдѣлены занавѣсью. Даютъ невѣстѣ пѣтуха жаренаго и пирогъ. Невѣста поитъ водкою собравшихся подлѣ нея подружекъ; она трогательно, со слезами на глазахъ, прощается съ ними: «не гнѣвайтесь на мине, дѣвки»! и благодаритъ она ихъ за заботы: дѣвушки прежде играли съ невѣстой, дѣлили съ ней горе и радость, а теперь шьютъ на нее, собираютъ къ свадьбѣ. Бабы сводятъ невѣсту съ «за̂пала» и подводятъ къ жениху; невѣста даритъ жениха, подноситъ ему «шархъ на шею». Сводятъ молодыхъ цѣловаться; опять невѣста спрашиваетъ у жениха: «панаровилася я табѣ»?—Панаравилась,—отвѣчаетъ.—«А я табѣ панаравился»?

Отцу родному невѣста поклонится въ ноги и жалобно заголоситъ: «Батюшка родименькій, не кинь мине ты при этомъ горюшку»! Сейчасъ поднимутъ молодую; будетъ она роднымъ и свекору подарки подносить: свекору—шуринку; подойдетъ къ дружку, къ свату, еще къ свату, а тамъ къ крестной матери и жениховой сестрѣ и со всѣми перецѣлуется. Обнесетъ невѣста дарами и водкою столъ, начнетъ ходить по хатѣ, а потомъ по улицѣ, и на улицѣ и въ хатѣ невѣста поитъ и даритъ родныхъ и знакомыхъ. Садятся за ужинъ; становятъ «сту̂дянь».

Станутъ «пить пѣсни»:

1. Зеленая дубровушка,
Да некаму пашумѣти (2),
Зеленую звяселить.
Свѣтъ наша Мархвушка
За столикамъ сядѣла,
Ой на Иванушку глядѣла.

2. Канапелька былинка,
Третія зелёныя.
У гароди вырысла,
Сакланя галовушку
На праву старонушку;
На правой старонушки
Каравать тисовая;
На тэй каравати
Каму спать-пачивати:
Мархвушки съ Иванушкай.

3. Уставай, барыня,
Уставай, государыня:
У насъ хата стоплина
И каша ныва̂рина,
Гости назазованы.

4. Гуркала галубушка съ галубкомъ,
Прегуркала два мароза, третій снѣгъ,
Четвертую халодную зимушку;
Смарозила дружилушку въ дарози—
Быть табѣ, дружилушка, въ дарози;
Смарозила Мархвушку въ дарози—
Быть табѣ, Иваныѵна, въ паязду.

При окончаніи ужина невѣста подноситъ всѣмъ водку; ей кладутъ на серьги. Гости благодарятъ свата за хлѣбъ-соль, за угощеніе и отправляются домой. Невѣста выходитъ изъ-за стола и провожаетъ жениха до повозки, а тотъ даетъ ей «20 капѐякъ и хунтъ баранокъ».

Подъ вѣнецъ собираются. Встаютъ рано, собираютъ невѣсту. Поставятъ полштофъ вина, умоютъ виномъ, остальную водку выпьютъ бабы. Приходитъ дружко. Ему поютъ дѣвки пѣсню:

Наша невѣста гарыждȁнка,—
Мы табѣ дружку такъ ня выдадимъ:
Падай намъ, дружко, палтину,
Мы тады табѣ касу пакинимъ.

Дружко отдаетъ дѣвкамъ копейку и лѣзетъ на полъ «у платку завязȁмши», надѣваетъ съ себя на невѣсту платокъ, беретъ ее за руку; женихъ, появившійся тоже на полу, беретъ невѣсту за другую руку; оба они сводятъ невѣсту съ полка. Дружко и мать невѣсты требуютъ другъ отъ друга огня. Дружко протягиваетъ зажженную лучину или свѣчку черезъ брусъ, а отъ печки туда же протягиваетъ свой огонь сватья. Мать невѣсты возьметъ отъ дружка огонь, а дружокъ отъ нея, и пойдутъ зажигать свѣчку кала Бога, т. е. подлѣ иконы. Дружко хвалится, что «невѣсту выкупялъ».

Станутъ Богу молиться. За столъ сядутъ, и станетъ крестная мать чесать жениху и «невѣстя» голову.

Предварительно испрашивается «баславення».

«Матушка Хвѐдоровна, атецъ Ивановичъ, баславитя маладому князю са княгиней бойну голаву чисать, ка Божу суду ѣхать, ка вѣнчану. Матушка Ивановна, баслави маладому князю са княгинюю бойну голову чисать, ка Божу ѣхать суду, ка вѣнчану»!

— Бохъ баславитъ.

— Народъ привуславный, баславитя маладому князю и са княгинію ѣхать ка Божу суду, ка вѣнчану!

— Бохъ тибе баславитъ.

Родная мать невѣсты связываетъ поясомъ молодыхъ и говоритъ:—На табѣ, зитѐчикъ, плеть шалковую; сики па падушки, а гавари—па жанушки.—Начинаютъ родители «абаславлять» молодыхъ; станутъ молодые въ ноги старикамъ кланяться.

Невѣста заголоситъ: «Матушка мыя радимая, ни кинь ты маю галовушку, ни кинь ты маю горькую при этаму при горюшку». Выводятъ жениха и невѣсту изъ хаты «вонки», сажаетъ невѣсту на сани молодой, возьметъ невѣсту «на хапȍкъ» и грякъ молодую на сани, посадитъ невѣсту и самъ садится молодой на колѣни; посидитъ минуточку такъ, садится рядомъ, потомъ садится дружко. А ребята затворили ворота и просятъ вина: а то, говорятъ, не пустимъ. Послѣ выпивки ѣдетъ поѣздъ свободно; проѣхавъ немного, останавливается. Дружко выходитъ изъ повозки, заходитъ въ хату и проситъ «отца и мȁтирю» въ гости: «сватъ и сватья, миласти просимъ въ гости». Бабы деревенскія соберутся, «пȍлыкъ» откроютъ да подъзанавѣсь; а дружко имъ: «тойтя, бабычки: я вамъ вина поднесу». Дружко, угостивъ бабъ, идетъ изъ хаты и бѣжитъ къ повозкѣ. Ѣдутъ къ церкви, дружко ѣдетъ за священникомъ и привозитъ его. Происходитъ обрядъ вѣнчанія. Молодые послѣ вѣнчанія останавливаются въ церковной караулкѣ, гдѣ происходитъ увиваніе косъ невѣсты и одѣваніе ея въ нарядъ молодухи. Въ заплетеніи косъ нѣкоторое участіе принадлежитъ и жениху; даютъ ему положить три раза правую косу. Надѣваютъ на невѣсту повойникъ и накрываютъ платкомъ. Потомъ сажаетъ молодую на сани молодой; на этотъ разъ садитъ ее тихохонько, хорошо.

На встрѣчу молодымъ выходитъ мать и отецъ съ хлѣбомъ-солью. Кланяются имъ молодые въ ноги. Отецъ и мать подымаютъ молодыхъ, отдаютъ молодой «корвигу хлѣба»; молодая несетъ «корвигу» въ хату и кладетъ на брусъ. Зажигаютъ свѣчку предъ иконой и садятъ молодыхъ за столъ. Станутъ подносить вина отцу съ матерью; старички морщатся:—Ахъ, дѣтычки, горька горѣлка! Окружающіе и дружко говорятъ:

«старуха падсалодить горѣлку». И вотъ старуха со старичкомъ поцѣлуются и начнутъ хвалить горѣлку: «ахъ, салодка, салодка гарѣлка»! Нальютъ стаканъ молодымъ. Надо и молодымъ цѣловаться, чтобы подсолодить горѣлку, да тѣ не рѣшаются приступить къ цѣлованью другъ—друга имъ еще это конфузно. Отецъ и мать родная учатъ дѣтей цѣловаться:—Ну, что ты смотришь, молодая, возьми мужа за «вўхи» и цалуй.—Взяла молодая муженька крѣпко за «вўхи» и крѣпко расцѣловала его. «Вылазеють вонки студитца», походивъ на улицѣ, соснутъ и молодые пріотдохнутъ. Начнется вечеромъ княжой столъ; молодая даритъ шуринками свекора и свекрову, братьевъ, сестеръ, тетокъ, дядекъ. Подходятъ и чужіе, и чужой народъ иногда дарятъ. Ужиномъ оканчивается княжой столъ; ложатся спать.

Н а з а в т р а с в а д ь б ы. Дружко говоритъ молодой:—Надо тебе, Мареа, ваду научить носить: а то ты ни узымѣешь ваду насить.—Молодая «пóмчить за водою», принесетъ воды. Мужики говорятъ: дайти-ка напитца вады, ти сладка ана.—Невѣста зачерпнетъ карецъ и на народъ «ливъ»!—тѣ ха, ха, ха! и въ сторону «пометáется изъ хаты вонки». Потомъ дружко говоритъ:—ну-ка, молодая, пометись-ка хатки; мети да соръ не выкидывай; мужу правды ни даказывай!—Молодая взяла вѣникъ и стала месть «сгорбатимши» да не такъ, какъ люди, а отъ двери. Ей кричатъ: «мети къ двери»! А она всё дѣлаетъ по своему. А то возьмутъ соломки, кинутъ въ казёнку и кричатъ: «Пустите: теленакъ смерзъ»! И много «разныхъ шутокъ представляють». Уже поздно гости домой собираются, а гостьи запоютъ и закричатъ пьянымъ осипшимъ голосомъ пѣсню:

Пара гости да дому—
Паѣли кони салому,
Аржаную, яравую!

И живетъ невѣстка въ домѣ свекора и работаетъ на свекора да на свекровью и добра наживаетъ, спереди «пузатѣетъ», а сзади горбатѣетъ.

Свадебныя пѣсни:

Ахъ, ты, ябланка,
Ты, садовая,
Ты, мядовая,
Аткатилась—
Прочь атъ ябланки;
Прикаталась—
Къ свякрѣ матушки.
—Свекра-матушка,
Ты прими мине
Са всей рáдустей,
Са весёлустей.
Чей пачéй на пёнушки
У дудычку играить?
Аринушка у матушки
Замужъ а п р а ш а л а с ь:
— Мамушка радимая,
Атдай мине замужъ!—
— Дѣтитка радимая,
Дерюжка ня шита.—
— Матушка радимая,
Послѣ сшіишь—пришлишь.
Чей пачéй на пёнушки
У дўдычку играить?
Аринушка у батюшки
Замужъ апрашалась.
— Батюшка радименькій,
Атдай мине замужъ!—
— Дѣтитка радимая,
Шубушка ня шита.—
— Батюшка радименькій,
Послѣ сшіишь—пришлишь.

2, Ныпадала рыса, рыса,
На темны лиса,
На мой зилёнай садъ; (2)
На вѣтьтя бумажныя,
На листья кумачныя;
Напала грусть-тыска, пичаль,
Пичаль ны майга дружка,
Каторыга я люблю,
Съ каторымъ гулять хажу,
Хажу калы рѣчушки,
Гаварю да съ милымъ рѣчушки.
Тайныя славечушка:
—Дружочикъ мой м ѐ л е н ь э к ъ,
Хочу нонча я такъ пажить,
Визъ худэй бизъ славушки,
Визъ бальшей дэсадушки.

3, Охъ, пойду я, выйду, млада, за вороты,
Охъ, раскусю я й, молыда, орѣшочикъ,
Я выну идѐрца!.. Охъ, выну идѐрца,
Охъ, што я выну, молыда, идѐрца,
Охъ, запой серца, маё злоя ретивоя!
Случаю ни знаю—охъ, я скучаю, сирдечка!
Голубъ литаить—галубки шукаить.
Охъ,' палитѣла сизая галубка
На синія моря.
Охъ, на садилась, сизая галубка
На бѣлъ гарючъ камень;
Охъ, вымувалась сизая галубка
Марскэю вадою, (2)
Охъ, вытиралась сизая галубка
Лендай шалковою.

Спасъ-Деменскъ, Мосальск. уѣзда.

Свадебный обрядъ. Круглый столъ. Когда засватаютъ невѣсту, пьютъ водку и чай: это называется «круглымъ столомъ». Больше 15 разныхъ свахъ невѣсту съ женихомъ сажаютъ рядомъ, и женихъ то и дѣло подкладываетъ невѣстѣ баранокъ:— Марёха, ѣсй! Вотъ ты гаварила, что я тебе ни пракармю—у насъ хватить.—Отецъ жениха начинаетъ обносить водкою всѣхъ гостей. Дѣлаютъ договоръ, когда будутъ ладины, и сколько на ладины привозить водки. Съ ладинъ бываетъ дѣвичникъ.

Ладины. Зазываютъ гостей, кумовьевъ, и продолжается пиръ всю ночь. «Играютъ» поочереди пѣсни величальныя Гости отдариваютъ поющихъ имъ величальныя пѣсни: кто семеркою, кто пятачкомъ. Гостю, одѣтому почище, «играютъ» больше. Подзываютъ невѣсту. Невѣста наберетъ полотенецъ и каждому родному даритъ по ручнику и каждаго цѣлуетъ:—давай съ тобой поцѣлуемся!—Каждый принимаетъ полотенце, цѣлуется съ невѣстой и утирается полотенцемъ. «Поцѣловался съ молодой, скажетъ старикъ: нябы и я помоложѣю». За это полотенце отдариваютъ деньгами: свекоръ дастъ пять рублей, кто три рубля, кто рубль; родня дальняя меньше даритъ. Кончается подарками «балъ», и уговариваются, когда будетъ свадьба. Жениховъ отецъ говоритъ: «я поѣду къ священнику и потолкую съ нимъ, когда прикажетъ быть свадьбѣ».

Подъ день свадьбы бываетъ дѣвичникъ.

Дѣвичникъ. Вечеромъ запрягаютъ лошадей и ѣдутъ въ домъ невѣсты. Стучатся въ ворота невѣстина дома. Съ нѣсколькими родными выходитъ сватъ встрѣчать гостей. Пріѣзжій сватъ вынимаетъ графинъ водки. «Смѣхамъ» скажутъ пріѣзжіе гости: «мы тутъ бутта были и заѣхали опять ночевать». Пріѣзжій сватъ подноситъ встрѣчнымъ по рюмкѣ и по двѣ вина. Поздравствуются, порукаются и идутъ всѣ въ хату, которые пріѣхали и которые встрѣчали. Въ хатѣ здравствуются «изновъ» (снова). Встрѣчаетъ сваха. Зажигаютъ свѣчки предъ иконами, молятся Богу. Разсаживаются за столъ. Сваты, жениховъ и невѣстинъ отецъ, садятся рядомъ. Сначала наливаютъ вина этимъ сватамъ; они пьютъ рюмку пополамъ, цѣлуются и говорятъ: «пошли Вохъ всево харошива дѣтямъ нашимъ». Дружко, который водку разноситъ, пьетъ рюмку самъ за здоровье молодыхъ, потомъ подзываетъ коренную сваху, мать невѣсты, наливаетъ ей рюмку водки; та поздравляетъ сватовъ и выпиваетъ рюмку вина со словами: «будьте здаровы, сватушки, милыи, залотыи! Сваха уходитъ, а разноска вина пойдетъ кругомъ по всей компаніи. Всѣ выпьютъ рюмки по двѣ, по три, тогда жениховъ отецъ спрашиваетъ:—зачѣмъ пріѣхали, надо посмотрѣть?—Дружко говоритъ:—Просите, чтобъ показали, зачѣмъ пріѣхали!—Свекоръ тогда кричитъ:—Акулька, пойди сюда, насъ погляди и сама покажись!—Невѣста подходитъ со свахою, молодою и красивою женщиною. Подойдутъ вдвоемъ и кланяются всей честной компаніи. Невѣста называетъ тогда

свекора:—Здрастуй, батюшка Петровичъ!—Наливаютъ невѣстѣ рюмку вина; невѣста не беретъ этой рюмки:—выпей-ка, говоритъ, батюшка, прежде самъ.—Батюшка прикушиваетъ эту рюмку, потомъ дружко допиваетъ рюмку, и свекоръ подаетъ рюмку съ виномъ невѣстѣ. Невѣста, если пьетъ водку, сама выпьетъ, а то подаетъ товаркамъ—дѣвкамъ. Свахѣ подносятъ рюмку и подаютъ ей «ламоть» пирога и мяса. Сваха беретъ гастинецъ и уноситъ его съ собою за рагожу подъ прикрытіе; невѣста сидитъ закрытою за кулисами какъ будто въ чуланчикѣ.

Идетъ компанія, пьютъ вино, какъ и на ладинахъ, до тѣхъ поръ, пока не вызовутъ невѣсту съ дарами. Невѣста выноситъ дары—полотенцы своей ткани, и даритъ каждаго по полотенцу; гости отдариваютъ невѣсту деньгами. Невѣста опять уходитъ въ свое мѣсто; всѣ гости выходятъ съ застола, «какъ будто простуживатца»: кто на улицу, кто на дворъ. Нѣсколько времени побудутъ на дворѣ, приходятъ въ хату и садятся опять за столъ, опять по своимъ мѣстамъ, кто гдѣ сидѣлъ. Тутъ уже идетъ угощеніе невѣстинаго отца—подается вино и закуска. Этой закуской и выпивкой оканчивается весь пиръ. Богу молятся и прощаются. «На воротахъ» провожаетъ невѣста со свахою гостей; у невѣсты въ рукахъ графинчикъ съ водкою, и всѣ съ ея рукъ пьютъ водку. Гости, отвѣдавъ водки, попрощаются и уѣзжаютъ въ жениховъ домъ, а невѣста остается дома.

На дѣвичникѣ, когда женихъ входитъ со своей дружиной, ихъ встрѣчаютъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ съ иконами, съ хлѣбомъ. Вся дружина идетъ вслѣдъ за отцомъ невѣсты къ столу, гдѣ сидитъ вокругъ стола невѣста съ товарками. Сосна стоитъ на столѣ увѣнчанная цвѣтами, лентами и маленькими зажжонными свѣчами—«усхджа на люстру». Товарки поютъ пѣсни.

Начинаютъ сваты торговаться, выкупать мѣста; просятъ съ нихъ дѣвушки три рубля, а они даютъ то рубль съ четвертью, то два съ четвертью; выходятъ забавныя препирательства, доходящія до ссоры. Отецъ невѣсты кричитъ:—Отдайте: вѣдь ему нѐ съ чего дать больше: у него сто десятинъ земли! А Воробей, отецъ жениха, кричитъ: —У мине хотя сто десятинъ земли, а ты—мужикъ! Что у тибе есть, дрянь паршивая?!—Отецъ невѣсты возражаетъ:—у мине двѣ десятины, а я лучше тибе живу, хотя у тибѣ сто десятинъ.—Воробей говоритъ:—если ты будишь разговаривать, то намъ недолго отсюда и отправитца. Отецъ невѣсты указываетъ дверь со словами:—Можите! Вотъ дверь! Я не держу.—Другой сватъ сгоряча выскакиваетъ въ сѣни вонъ; въ сѣняхъ никто за нимъ не послѣдовалъ. Онъ въ сѣняхъ раздѣлся. Кто-то изъ хозяевъ сказалъ ему какъ будто мимоходомъ:—Что-жъ ты, сватъ? Проходи, проходи въ хату!—Смягчился, взошолъ; сѣли за столъ. Откупили сосну и сняли ее; поставили вино, закуску; пошла гульба, веселье, заиграла музыка. Къ концу дѣвичника подали ужинъ, а за ужиномъ шолъ разговоръ. Пріѣзжій сватъ много ломался и кривлялся; посадили его въ святой уголъ. Домашній сватъ вскрикиваетъ:—Боже мой, что я вижу: больше половины гостей моихъ: одни, другіе—Воробьевы. Не даромъ, вѣдь, выхваляютъ ихъ, что семейство большое, и не даромъ одинъ хотѣлъ два милліона прожить за одни сутки на воробьяхъ.—Какимъ же это манеромъ? спросилъ у свата сватъ-Воробей.—Поспорилъ бы я съ однимъ табою. Ты бы мнѣ сказалъ, что могу прожить два милліона.—Какимъ же порядкомъ?—Вотъ какимъ. Составить обѣдъ на тысячу персонъ изъ воробьевыхъ языковъ; вотъ поэтому я въ заключеніе скажу, что воробьи оттого такъ дороги, что два милліона можно прожить на однихъ воробьевыхъ языкахъ.—Хохотъ, сватъ сталъ мягче, смѣется; однако, когда невѣста поднесла въ даръ ему ручникъ и предложила поцѣловаться: давай, батюшка, поцѣлуемся! сватъ грозно сказалъ:—съ каждой паршивой дѣвчонкой буду визатца!—Она усмѣхнулась.

К ъ в ѣ н ц у. Сватъ, жениховъ отецъ, уѣзжаетъ съ дѣвичника и проситъ себѣ провожатыхъ; невѣстинъ отецъ назначаетъ провожатыхъ изъ своихъ родныхъ. Пріѣзжаютъ въ домъ жениха. Угощаютъ провожатыхъ; сажаютъ за столъ. Послѣ угощенія ложатся гости спать, а сватъ хлопочетъ о лошадяхъ. Собираютъ паръ 5, 6; между паръ встрѣчаются и тройки. Будятъ пріѣзжихъ гостей и тѣхъ, которыхъ звали въ поѣздъ съ лошадьми. Къ жениху пріѣзжаютъ передъ свѣтомъ гости и родные, будутъ ему сопутствовать. Весь жениховъ поѣздъ садится за столъ; идетъ

Потомъ поведутъ жениха собирать въ отдѣльную холодную комнату. При сборахъ жениха присутствуетъ сваха и дружко; они одѣваютъ жениха въ то бѣлье, которое ему прислала невѣста; одѣвши жениха, сваха и дружко проводятъ его въ хату и говорятъ: «молодой князь, проси въ отца съ матирью благаславенія». Выходитъ отецъ съ матерью, становится среди хаты, держа въ рукахъ хлѣбъ и на хлѣбѣ икону. Женихъ кланяется прежде отцу: «благослови, батюшка»! Потомъ и матери также кланяется. Встаетъ женихъ и цѣлуетъ отца съ матерью, говоря: «простите меня»! Они говоритъ: «Бохъ тибя проститъ, дитя родное»!

Сажаютъ за столъ жениха, и всѣ присядятся тутъ то же. Женихъ садится за столъ въ шапкѣ; сваха снимаетъ съ жениха шапку и беретъ себѣ подъ мышку. Въ особой чашечкѣ приготовленъ хмель и расческа. Сваха беретъ расческу изъ чашечки и чешетъ кудри жениха, обрызгиваетъ его «три разъ» виномъ и осыпаетъ его хмелемъ три раза кругомъ. Дружко выкупаетъ шапку, платитъ денегъ, кто на что согласится. Потомъ дружко беретъ жениха, выводитъ вонъ съ-за стола. Молятся Богу, уходятъ и садятся на лошадей. Лошади украшаются деревенскими косниками или стужками (маленькими акройками ситца). Ѣдутъ въ деревню къ невѣстѣ.

Пріѣхавъ въ деревню, дружко останавливаетъ свою повозку противъ дома невѣсты, а прочіе разъѣзжаютъ по деревнѣ—катаются. Собираются зрители съ деревни и окружаютъ повозку жениха; женихъ сидитъ на повозкѣ. Ему говорятъ: «ни храмой ли ты? пройдись»! А при женихѣ бываютъ и товарищи; всѣ они раза три пройдутся. Потомъ опять садятся на повозку, а дружко одинъ отправляется въ домъ невѣсты; находитъ тамъ невѣсту, расплетаетъ ей косу, выходитъ вонъ къ жениху. Въѣзжаютъ во дворъ съ повозками, сколько помѣстится; беретъ дружко жениха съ повозки. Стоитъ «публика дѣвушекъ и женщинъ» у входа въ сѣни. Дружко говоритъ: «Пангрýньнюшки – матушки, сами идитя или насъ пуститя»! Креститъ крестообразно патужномъ и говоритъ: «благословитя молодого князя въ тесовыя хоромы ввести». Введя жениха въ хоромы, дружко говоритъ: «благословитя молодому князю свою сужоную найдить».

А невѣсту между тѣмъ «застáнутъ», т. е. загородятъ молодыя дѣвки и бабы. Со стороны жениха ребята дюжіе, хорошіе, разсовываютъ, разстороняютъ дѣвичій таборъ, чтобъ имъ дойти до невѣсты, и платятъ нѣкоторымъ деньги, чтобъ отсторонились. Доводятъ жениха до невѣсты. Дружко беретъ лѣвою рукою за правую руку невѣсты и съ своей правой руки ея руку въ правую руку жениха. Женихъ поведетъ за руку невѣсту. Садятся за столъ. Невѣста тутъ заплачетъ: «Батюшка мой родимый, ни кинь миня—можить быть, я буду нисчасная! Ни брось мине! Благадаримъ, батюшка, што ты ускармилъ меня и успоилъ»!

Собираются двѣ свахи, одна со стороны жениха, другая со стороны невѣсты. Голóвныя одѣянія сейчасъ съ невѣсты долой, и сваха невѣстина обоимъ молодымъ чешетъ головы. Окончивъ чесанье, опять покрываютъ невѣстѣ голову, какъ и было у нея одѣто. Подъ ними (молодыми) положенъ хлѣбъ на столъ на двоихъ одинъ и ложка тоже одна; подаютъ кушанья много, а никто не ѣстъ—дѣло дѣлается наскоро. Послѣ окончанія бесѣды всѣ вылазятъ вонъ съ-за стола, молятся Богу, прощаются.

Выходятъ на дворъ, выносятъ квашню, становятъ ее кверху дномъ, накрываютъ ее шубой кверху шерстью и кладутъ на нее сковороду кверху дномъ. Женихъ становится на сковороду и влѣзаетъ на повозку. Потомъ подженишникъ беретъ поперекъ невѣсту и кидаетъ на повозку. Невѣста на повозкѣ усаживается; женихъ сдѣлаетъ примѣръ, что садится къ ней, невѣстѣ, на колѣни и усаживается съ ней рядомъ. Даютъ жениху икону, попрощаются и уѣзжаютъ къ вѣнцу.

«Съ-подъ вѣнца». Встрѣчаетъ молодыхъ сваха и сватъ. Подъ воротами зажигаютъ солому и стараются, чтобъ повозка съ молодыми переѣхала чрезъ огонь. Молодые въѣзжаютъ на дворъ, ихъ ссаживаютъ съ повозокъ; дружко ведетъ молодыхъ въ холодную клѣть или амбаръ. За рюмкою вина въ эту клѣть приходятъ всѣ гости; дружко подноситъ имъ по рюмкѣ; тогда всѣ выходятъ изъ клѣти, дружко, сваха невѣстина и молодые затворяются въ клѣти.

За дверями «публика» изъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ играетъ срамныя пѣсни.

Но вотъ дружко знакъ подаетъ, чтобъ «публика» пѣсни окончила и удалилась; съ этою цѣлью дружко воткнетъ гривенникъ въ пирогъ и отдастъ — тогда бабы уйдутъ.

Дружко въ сопровожденіи свахи ведетъ молодыхъ въ хату. Дружко заставляетъ молодыхъ кланяться въ ноги отцу и матери. Дружко снимаетъ съ молодой платокъ, беретъ молодую за руку и говоритъ: «Ну, посмотри, какую я привелъ молодую: хорошую, добрую или кривую»? Молятся Богу. Дружко говоритъ: «Надо намъ молодыхъ обогрѣть».

Сажаютъ молодыхъ за столъ, угостятъ ихъ виномъ, закускою. Пойдетъ княжой столъ. Подаютъ цѣльный непочатый горшокъ каши. Кашей распоряжается невѣстина сваха.

Невѣстина сваха должна знать, честная или нечестная невѣста: въ первомъ случаѣ «вершонки» надо отдать скоту, а во второмъ спрятать ихъ подъ навозъ. Невѣста со своей стороны, три раза во время обѣда откладываетъ кашу въ тряпочку и, такъ какъ она знаетъ про себя, то знаетъ и про то, что нужно сдѣлать съ кашею. И сколько потомъ бываетъ нареканій на молодую, если она окажется нечестною! Всякое несчастье во дворѣ «присѣкаютъ» къ тому. Пропала свинья, лошадь. Отчего? Молодая была нечестная, а съ кашей поступили неосмотрительно, неосторожно—не выбросили подъ навозъ. Сейчасъ молодую бранить, сейчасъ свекоръ, свекрова и женихова родня молодую бранитъ и на ней срывать свою злость. Дружко станетъ подзывать подъ кашу деревенскую публику: «Господа, кому наши молодые должны? подходитя и всѣмъ расплотимся кашій»! Тутъ, кто смѣлѣй, ребяты, мужики подходятъ и жалуются: «Мнѣ женихъ долженъ пять мѣръ овса и четверть вина—извольте расплатитца». Дружко подноситъ рюмку водки и черпаетъ ложку каши овсяной и кладетъ дружку прямо въ «пригорщи». Одинъ уходитъ, а другой подходитъ и говоритъ: «Вотъ мнѣ долженъ женихъ вокаракъ капусты и качанъ ветчины; онъ и водку у мине занималъ. Нада расплатитца». Этому дружко подноситъ рюмку вина, «зачѣрпаетъ» ложку каши и кладетъ въ пригорщи; этотъ уходитъ. Со всѣми дружко разсчитывается водкою и кашей.

Начинаютъ составлять лошадь. Двѣ пары дюжихъ парней берутъ себѣ на плечи колья, покрываютъ ихъ веретьемъ; на колья посадятъ верхомъ еще одного и въѣзжаютъ въ хату будто на лошади:—«Здраствуйтя, господа! конница пріѣхала, а намъ здѣсь назначина хватѣра: то извольтя ачищать ее».—Это дѣлается «для выпивки». Дружко обращается къ конницѣ съ покорнѣйшею просьбою: «Господинъ капитанъ или поручикъ, что у насъ хватера занята свадьбой, такъ нельзя-ль праминувать—праѣхать вамъ на другую хватеру»? Мирятся на вино. Прежде угощаютъ виномъ верхового. Вотъ вдругъ упадетъ лошадь. «Охъ, Господи, крикнетъ дружко: чемерь забила лошадь»! Верховой проситъ, чтобъ его лошадь полѣчили: «Я ѣхалъ изъ Быхыва до Быхыва, а конишка мая издыхала, повалилась, дай скипитару полѣчить ее». Сначала подносятъ водки заднимъ, отчего зашевелится хвостъ у лошади, потомъ переднимъ; лошадь поднимается. На брусу кладется «карвѣга хлѣба». Верховой садится на лошадь и достаетъ «карвѣгу»; потомъ дѣлитъ ее со своими спутниками.

Молодые сидятъ за столомъ. Дружко выкликаетъ: «Нѣтъ ли еще жалобщиковъ»? Идетъ ужинъ. Горшокъ каши стоитъ на столѣ. Когда доходитъ очередь до каши, говорятъ хозяйкѣ: «черпай кашу съ четырехъ береговъ и клади въ платокъ». Платокъ съ кашей, ложки связываются поясомъ; все это кладется въ рѣшетѣ и становится на брусъ.

Дружко ведетъ молодыхъ класть на постель; дружко стелетъ поясъ и начинаетъ молодую съ женихомъ связывать.

Назавтра вѣнца. Встаютъ всѣ гости, свои и пріѣзжіе. Дружко и хозяинъ будятъ молодыхъ: «Молодые, молодые, не время ли вамъ вставать»? Молодой отвѣчаетъ: «За нами дѣло не состоитъ—дай Бохъ часъ!» Дружко начинаетъ собирать родственниковъ, которые присутствовали на свадьбѣ; молодой чистой онъ приноситъ четверть, а нечистой восьмуху водки. Всѣ гуляющіе отъ молодой на свадьбѣ хвалятся: «Вотъ ты проспалъ, а наша заработала за ночь четверть вина».

Начинаютъ выпивать. Прежде пьетъ дружко самъ, потомъ сватъ со сватомъ; сваты говорятъ другъ другу любезности:—Здоровъ!—Здоровъ!—Вотъ, сватъ, сходились мы по совѣсти—и вышло у насъ доброе дѣло.—Когда сватъ со сватомъ выпьютъ,

дружко начинаетъ по порядку и по распоряженію хозяина подзывать гостей пить водку. Молодыхъ подзываетъ отецъ невѣсты:—Милый зять, если вы другъ друга любите, то выпейте отъ меня рюмочку пополамъ.—Молодой начинаетъ выпивать, если пьетъ, а если нѣтъ, передаетъ рюмку съ водкой невѣстѣ. Черпая стюдень, отецъ невѣсты даетъ молодымъ наставленіе: «Подивѝтись, а не подерѝтесь»! Вечеромъ устраиваются блины. Сажаютъ за столъ невѣстиныхъ родныхъ.

При появленіи молодыхъ дружко наливаетъ стаканъ вина и въ этотъ стаканъ вина накладетъ моху, оскретковъ лучины. «О, кòлка, о, горька горѣлка!»—кричитъ дружко. Молодые начинаютъ цѣловаться, и цѣлуются отъ трехъ до десяти разъ.

Собираются гости домой ѣхать. Дружко подзываетъ молодыхъ. Невѣста стоитъ со стаканомъ, а молодой съ графиномъ «вòдкы». И выкликаетъ дружко Хавру, Матрену или еще какихъ-нибудь родныхъ; тѣ пьютъ горѣлку, цѣлуютъ молодого и молодую, берутъ отъ нихъ подарки и дарятъ ихъ четвертакомъ или полтинникомъ. А дружко, чтобы усилить поцѣлуи, распространяется насчетъ горькости и колкости горѣлки. Своимъ роднымъ невѣста не даетъ никакихъ подарковъ. Устраивается ужинъ, сватъ раскрошитъ мяса и, при проводѣ сватовъ, даютъ имъ кусочковъ мяса у воротъ.

В. Н. Добровольскій.

Пять сойотскихъ сказокъ.

Сирота-парень.

Юскус-олъ (сирота-парень) шлялся. Пришелъ, шляясь, на стойбище богатаго человѣка. На одно пришелъ, телячью привязь (шеле) нашелъ; на другое пришелъ, недоуздокъ жеребенка нашелъ, на третьемъ стойбищѣ—ягнячью привязь (кюнё салба) нашелъ. Эге, думаетъ онъ, это не спроста, это я трехъ богачей приплодъ скота, сѣмя нашелъ. Пришелъ, шляясь дальше, на соединеніе трехъ рѣкъ, легъ спать. Проспавши мѣсяцъ, проснулся. Проснувшись, увидѣлъ—стоитъ половина юрты. Два мѣсяца проспалъ; проснувшись, видитъ: лежитъ въ его объятіяхъ, какъ луна - солнце, красивая дѣвушка. Три мѣсяца спалъ; проснувшись, видитъ: въ юртѣ имущество лежитъ, на улицѣ (таштында) шумъ скота (мал чилен), въ объятіяхъ у него прелестная, какъ луна и солнце, дѣвушка, три старухи котлы ставятъ, три парня-пастуха сидятъ.

Вышелъ на улицу Юскус-олъ помочиться, коновязь увидѣлъ; у коновязи осѣдланный серебрянымъ сѣдломъ цвѣтной, пестрый конь поставленъ. Въ юрту вошелъ, чай приготовленъ, стоитъ разлитый въ хо и въ домбу *). Хотѣлъ надѣть прежніе желтые кошемные сапоги, желтую шубу, смотритъ: лежитъ красная шелковая шуба, тогырзак—шапка тутъ, вышитые сапоги лежатъ. Надѣвши обувь и платье, напившись чаю, вышелъ изъ юрты, на коня сѣлъ, поѣхалъ.

Ѣдетъ, стоитъ множество верблюдовъ—степи не хватаетъ. Подъѣхавши къ пастуху, спрашиваетъ: чьи верблюды?—Юскусъ-олъ—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Дальше ѣдетъ, къ конскому пастуху подъѣхалъ, спросилъ: чьи табуны?—Юскус-олъ—богача, отвѣчалъ пастухъ.

Къ коровьему пастуху подъѣхалъ—Эй, пастухъ, чьихъ коровъ пасешь?—Юскус-олъ—богача коровъ пасу, отвѣчаетъ пастухъ.

Къ овечьему пастуху подъѣхалъ—степи для овецъ не хватаетъ. Старикъ овецъ пасетъ. — Чьихъ овецъ, старикъ, пасешь? — Юскус-олъ, богача, овецъ пасу. — Какъ это разбогатѣлъ Юскусъ-олъ, а, старикъ? — Какъ разбогатѣлъ Юскусъ-олъ тебѣ сказать... трехъ богачей сѣмя скота нашелъ, вотъ какъ.— Какъ же нашелъ трехъ богачей сѣмя Юскусъ-олъ? — А пришелъ онъ при соединеніи трехъ рѣкъ на три пустыхъ стойбища, три скотскихъ привязи нашелъ, три мѣсяца, девяносто ночей проспалъ, тѣмъ и пріобрѣлъ скотское сѣмя Юскусъ-олъ жену гдѣ высваталъ и какого человѣка дочь, стрaикъ? Сказать тебѣ какого человѣка дочь его жена, просишь! Уванъ-хана дочь; скотъ той дѣвушки приданое будетъ.

Узнавъ все, Юскусъ-олъ поѣхалъ домой. Пріѣхавъ, любовно разговариваетъ, разсказываетъ. Сталъ поживать. Каждое утро Юскус-олъ скотъ и табуны повѣрялъ. Въ одно утро уѣхалъ Юскусъ-олъ скотъ повѣрять. Когда онъ отсутствовалъ, въ улусъ пріѣхалъ Карадтых-хан'а сынъ. Пріѣхавши, вошелъ въ юрту Юскусъ-ола. Увидѣвши жену его, задрожалъ весь, сѣсть не можетъ, то впередъ его толкнетъ, то къ дверямъ. Кое-какъ присѣлъ, дрожитъ. Юскусъ-ола жена встала, спрашиваетъ: ты что трясешься, или людей

---

*) Сосуды для храненія жидкостей.

не видѣлъ? Серебряно-золотымъ наперсткомъ кругъ надъ головой провела, усадила. Тогда, успокоивши сердце, сталъ онъ курить табакъ съ женой Юскус-ола. Послѣ трубки она его печеніемъ, сластями угостила. Угостившись, тотъ поѣхалъ домой.

Подъѣзжаетъ къ дому сынъ Карадтых-хан'а, плачетъ, реветъ, стонетъ, рыдаетъ. —Если хочешь, отецъ, чтобы твой сынъ живой былъ, немедленно отними у Юскус-ола жену, а то я сейчасъ зарѣжусь.—Не идетъ въ юрту. Выскочили изъ юрты Карадтых-ханъ съ женой, зовутъ сына, а тотъ бьется, реветъ; насилу уговорили войти въ юрту. Обѣщалъ ханъ хитростью или силой отобрать жену Юскус-ола и сейчасъ же послалъ 150 солдатъ за Юскус-оломъ: «добромъ не пойдетъ—приказалъ—приведите силой».

Пріѣхалъ Юскус-олъ. Карадтых-ханъ и говоритъ ему: «жена твоя моему сыну приглянулась, ты долженъ ему отдать её, а чтобы тебѣ не обидно было, загадаю я тебѣ три загадки. Первая—спрячься такъ, чтобъ я тебя не нашелъ. Если найду, возьму твою жену; не найду, пусть твоей будетъ».

Ѣдетъ Юскус-олъ домой, плачетъ.—Ты что плачешь? спрашиваетъ жена.—Какъ не плакать, Карадтых-ханъ хочетъ меня убить, а тебя за сына взять. Велѣлъ мнѣ спрятаться: найдетъ меня, ты его будешь, а меня убьетъ.—Гдѣ же хочешь спрятаться?—спросила жена.—Гдѣ нибудь въ горахъ, въ утесахъ.—Нѣтъ, тамъ онъ тебя найдетъ, не плачь, я спрячу, ложись, спи.

Утромъ проснулся Юскус-олъ, видитъ—пыль на степи стоитъ, Карадтых-ханъ ищетъ его по полямъ. Заметался во всѣ стороны. Жена успокоила его, а когда сталъ ханъ подъѣзжать уже къ юртѣ, она обратила мужа въ иголку и сѣла шить. Обыскавши горы, лѣса и степи, вошелъ въ юрту Карадтых-ханъ, все перерылъ; не найдя Юскус-ола, сѣлъ чай пить. Когда онъ выходилъ изъ юрты, жена Юскус-ола бросила иголку, въ мигъ Юскус-олъ сдѣлался человѣкомъ, схватилъ Карадтых-хана за полу: «моя—говоритъ—взяла, не нашелъ!»—Хитрый ты, Юскус-олъ! завтра меня ищи; не найдешь—возьму жену, найдешь—твое счастье.—Уѣхалъ.

Задумался Юскус-олъ, гдѣ будетъ искать? Жена спрашиваетъ: гдѣ искать будешь?—«Да гдѣ? въ горахъ, въ утесахъ, въ лѣсу, въ степи».—Ну, нѣтъ, если такъ будешь искать, въ жизнь не найдешь! Когда взойдешь въ юрту Карадтых-хана, увидишь тамъ много луковъ и стрѣлъ; перебирая ихъ, увидишь стрѣлу съ четырехъ сторонъ оперенную (остальныя будутъ оперены съ трехъ сторонъ), схвати её и сдѣлай видъ, что хочешь переломить: это и будетъ Карадтых-ханъ.

На утро такъ и сдѣлалъ Юскус-олъ. Когда онъ схватилъ стрѣлу и сдѣлалъ видъ, что хочетъ переломить её черезъ колѣно, взмолился Карадтых-ханъ: «стой, Юскус-олъ, не доходи до жизни человѣка, твоя взяла!.... Ну, теперь ты спрячься завтра, я искать буду: не найду—твоя, найду—не прогнѣвайся».

Запечалился Юскус-олъ, со слезами домой пріѣхалъ.—О чемъ горюешь?—спросила жена.—«Да вотъ Карадтых-ханъ опять приказалъ прятаться; если найдетъ, я погибъ».—Не плачь, успокойся, про то я знаю, ложись, спи.

Утромъ видитъ Юскус-олъ: пыль стоитъ въ степи, то Карадтых-ханъ его ищетъ. Заметался во всѣ стороны Юскус-олъ. Перерывши всѣ кучи помета по степи, обшаривши горы, сталъ подъѣзжать Карадтых-ханъ къ юртѣ. Тогда жена обратила Юскус-ола въ наперстокъ, шить сѣла. Карадтых-ханъ вошелъ съ народомъ въ юрту, все перерылъ, что можно было, не нашелъ Юскус-ола, утомился поисками, сѣлъ, и жена Юскус-ола напоила хана чаемъ. Но только что Карадтых-ханъ сталъ выходить изъ юрты, жена бросила ему вслѣдъ наперстокъ. Принявшій свой прежній образъ, Юскус-олъ схватилъ Карадтых-хана за полу, закричалъ: «что, ханъ, моя взяла, не нашелъ»!—Вѣрно, не нашелъ! Найди же ты меня завтра: не найдешь, погибнешь.

Задумался опять Юскус-олъ. гдѣ искать хана. Жена успокоила: ложись, спи,—не твое дѣло,—завтра найдешь, сказала.

Утромъ, отправляя Юскус-ола, жена говоритъ: какъ войдешь въ юрту Карадтых-хана, увидишь подъ порогомъ метелку (ширбэшь), возьми её и выбери прутикъ, который будетъ длиннѣе другихъ на палецъ. Выдерни его, это и будетъ Карадтых-ханъ, и сдѣлай видъ, что хочешь сломить.

Все такъ и вышло. Войдя въ юрту Карадтых-хана, Юскус-олъ увидѣлъ подъ по-

рогомъ метелку: «а, вотъ и прутья, говоритъ, надо трубку почистить!» Съ этими словами онъ выдернулъ прутикъ, который былъ подлиннѣе, и хотѣлъ обломить. Тогда Карадтых-ханъ закричалъ: «стой, Юскус-олъ, ишь вѣдь до человѣческой жизни добирается! твоя взяла, вотъ уже въ четвертый разъ выигралъ. Теперь давай пустимъ бѣгунцевъ: я—своего чернаго коня, а ты—цвѣтного чубараго. Чей конь опередитъ, тотъ выигралъ».

Со слезами пріѣхалъ домой Юскусъ-олъ.

— Что плачешь, другъ?—спрашиваетъ жена. — «Какъ не плакать, Карадтых-ханъ требуетъ, чтобы я пустилъ въ бѣгъ своего цвѣтного, чубараго коня съ его чернымъ. Гдѣ-же моему коню опередить?» —Не плачь, успокойся, спи, утромъ увидимъ.

На утро жена разбудила Юскус-ола со словами: поѣзжай къ хану, скажи, что побѣжишь съ нимъ, но чтобы коней сначала выдержать: не поить и не кормить три мѣсяца, а тогда пускать.

Карадтых-ханъ согласился на такое условіе. Выдержали коней три мѣсяца: Юскус-ола конь—жирнѣе сталъ, а Карадтых-хана конь - чуть живой. Пустили въ бѣгъ: Карадтых-хана конь отсталъ отъ Юскус-олова коня на три мѣсяца.

— Ну, Юскус-олъ, давай еще разъ испробуемъ, ты пусти своего буро-пѣгаго пороза, а я своего сѣро-пѣгаго; чей порозъ побѣдитъ, того взяла!

Разсказалъ Юскус-олъ дома женѣ о новомъ горѣ, она успокоила его: спи, а завтра пускай пороза,—твой поборетъ.

Утромъ пустили. День бодаются, два бодаются, мѣсяцъ и два бодаются, въ концѣ третьяго мѣсяца Юскус-оловъ порозъ сталъ одолѣвать. Карадтых-хановъ порозъ, упираясь задними ногами, всю землю изрылъ (съ тѣхъ поръ и образовались кочки); наконецъ, изловчившись Юскус-оловъ порозъ пропоролъ бокъ порозу Карадтых - хана.— Опять твоя взяла! Теперь самъ поборись съ моимъ сыномъ. А сынъ у Карадтых-хана былъ богатырь.

Заплаканный пріѣхалъ домой Юскус-олъ.

— Что ты все плачешь?—спрашиваетъ жена.—«Какъ не плакать, погибъ я теперь, Карадтых-ханъ требуетъ, чтобы я боролся съ его сыномъ: гдѣ же мнѣ справиться!»—Не плачь, спи, завтра увидимъ.

Утромъ она послала Юскус-ола сказать Карадтых-хану, что онъ согласенъ бороться, но чтобы три мѣсяца передъ борьбой ни пить, ни ѣсть ни тому, ни другому.

По истеченіи трехъ мѣсяцевъ сошлись. Борятся день, борятся два, борятся мѣсяцъ и два, въ концѣ третьяго мѣсяца Юскус-олъ сталъ одолѣвать... наконецъ, повалилъ да такъ повалилъ, что Карадтых-хановъ сынъ въ землю ушелъ, а Юскус-олъ все его давитъ. Закричалъ тогда Карадтых-хана сынъ Боралдай-мергенъ: «отецъ, Юскус-олъ убьетъ меня, освободи!» Подбѣжалъ Карадтых-ханъ схватилъ за плечо Юскус-ола, проситъ: отпусти сына.

Юскус-олъ отпустилъ, а самъ поѣхалъ съ пѣснями домой. Домой пріѣхалъ, жена спрашиваетъ: «что ты такъ веселъ? или араки-кумысу напился?»—«Нѣтъ, поборолъ Боралдай-мергена, теперь не будутъ тебя отбирать.—«Постой, рано еще веселиться»—сказала жена.

Прошло немного времени, Карадтых-ханъ посылаетъ за Юскус-оломъ 150 человѣкъ солдатъ, чтобы ѣхалъ непремѣнно къ нему. Пріѣзжаетъ Юскус-олъ.—«Ну, хоть ты и меня перехитрилъ, и моего сына побѣдилъ, теперь долженъ ты черезъ три мѣсяца привезти молока бѣлаго слона. Не привезешь, прикажу тебя убить, а жену отдамъ сыну.

Поѣхалъ опять со слезами домой Юскус-олъ. Жена встрѣтила: «не плачь, говоритъ, знаю о твоемъ горѣ, успокойся, еще бѣда не велика; лучше ложись—спи, а я подумаю, какъ быть». Утромъ она разбудила Юскус-ола, напоила чаемъ.—«Поѣзжай теперь на западъ, тамъ на краю земли увидишь бѣлаго слона, а около него будетъ слоненокъ; пошлю съ тобой одну изъ старухъ, ты самъ близко къ слону не подъѣзжай, а то онъ тебя съѣстъ; старуха сдѣлаетъ за тебя все.

Сѣлъ Юскус-олъ на своего цвѣтного чубараго коня, посадилъ старуху за сѣдломъ; старуха взяла золотой домбу для молока. Поѣхали. Гдѣ надо мѣсяцъ ѣхать, ѣдутъ

день; гдѣ надо годъ ѣхать, ѣдутъ мѣсяцъ. Наконецъ, на краю земли увидѣли бѣлаго слона, спина у котораго ушла въ небо. Около пасется слоненокъ величиной съ большую гору.

— Теперь ты тутъ оставайся, Юскус-олъ, я ужъ одна пойду къ слону—говоритъ старуха. Отправилась, сама думаетъ, какъ бы подобраться къ слону: если по землѣ идти, слонъ по духу узнаетъ, лучше всего спуститься сверху. Сдѣлавшись облакомъ, спустилась дождемъ на траву. Слоненокъ, пасясь, сорвалъ и ту былинку, на которую старуха упала дождемъ, а когда хотѣлъ ее проглотить, старуха стала у него поперекъ горла. Поперхнулся слоненокъ, сталъ кричать: «мама, мама, дай мнѣ молока, хочу пососать, что-то въ горлѣ неловко». Когда подбѣжалъ къ матери, она стала кругомъ бѣгать: «что то отъ тебя, сынокъ, человѣческимъ духомъ пахнетъ, откуда бы могъ такой взяться»? Сама бѣгаетъ. Слоненокъ закричалъ: «мама, лучше бы ты меня не родила, если кормить не хочешь.»— И то—правда, сказала слониха, что же я бѣгаю отъ своего сына. Да и откуда бы человѣку взяться—Дала титьки сыну, а старуха подставила домбу да и набрала полонъ молока. Слоненокъ, насосавшись, отошелъ; старуха влѣзала къ нему въ носъ и стала щекотать, слоненокъ чихнулъ—старуха выскочила. Увидѣлъ её слонъ, бросился къ ней. Она сдѣлалась ворономъ, полетѣла; слонъ—ястребомъ; сталъ догонять. Старуха бросилась тогда въ воду, сдѣлалась харіусомъ, слонъ оборотился таименемъ: совсѣмъ было догналъ, за хвостъ схватилъ—оборвалъ (оттого и теперь у харіуса можно видѣть оборванный хвостъ). Старуха на утесъ бросилась и сдѣлалась пескомъ. Слонъ—за ней, и давай утесъ грызть. Грызъ, грызъ, чуть всю гору не изгрызъ.—Ну, теперь я её съѣлъ—думаетъ. Пошелъ назадъ, а старуха съ молокомъ—скорѣй къ Юскус-олу.

Подъѣхалъ Юскус-олъ къ юртѣ Карадтых-хана, крикнулъ: «ой, ты, ханъ, выходи, привезъ молока»! Испугался Карадтых-ханъ, сталъ просить помилованія. Схватилъ его Юскус-олъ, ударилъ о землю, такъ что онъ сквозь землю провалился, перебилъ всѣхъ, а скотъ себѣ забралъ. Карадтых-ханъ и теперь подъ землей живетъ, а Юскус-олъ сталъ ханомъ.

(Сообщено со словъ сойотъ, живущихъ по р. и рч. Кемчику и Ак-суку, минусинскимъ мѣщаниномъ И. Н. Вяковымъ).

Три кляузника.

(Сойотская легенда).

Въ давнія времена жилъ очень богатый человѣкъ, и чего-чего только у него не было: кто хочетъ—приходи, чего хочешь - проси,—отказа не было. На три дня ѣзды кругомъ его стойбища народъ питался его щедротами. Собрались однажды къ богачу гости ближніе и дальніе на совершеніе жертвоприношенія духу—покровителю страны (оран эзы), въ которой жилъ богачъ. По случаю торжества было накурено много вина—араги, почти всѣ перепились, позасыпали. Въ числѣ гостей богача были три человѣка, славившіеся умѣніемъ кляузничать. Они съ завистью смотрѣли на такое множество собравшагося народа къ богачу на пиршество. И вѣдь накормить такое скопище достало же у богача жирнаго мяса! Напоить до потери сознанія достало же вина! Начали они сговариваться, какъ бы имъ унизить богача въ глазахъ народа. Не подозрѣвая ничего, немного подвыпившій богачъ, любуясь объѣвшимися и перепившимися гостями, воскликнулъ: «проси у меня кто чего и сколько хочетъ, отказа не будетъ: все у меня есть и всего хватитъ»!

Этимъ воспользовались три кляузника, они знали хорошо, что богачъ слова обратно не возьметъ. Когда богачъ уснулъ, они вышли изъ юрты и стали между собой совѣтоваться: чего бы имъ попросить такого, чтобы богачъ не могъ выполнить ихъ просьбы. Цѣлую ночь думали, не спали, наконецъ, къ утру одинъ кляузникъ говоритъ: «я придумалъ чего просать:—муки столько, чтобы достало замѣсить въ озерѣ тѣсто». Другой отозвался: «а я буду просить серебра кучу величиною въ ту сопку въ степи»

Третій прибавилъ: «я буду просить столько атласа (торгу), чтобы имъ можно было покрыть всю вонъ ту степь».

Всталъ богачъ, одинъ за другимъ стали подходить къ нему просители, и никому отказа не было, кто чего просилъ, то и получалъ. Еще пуще беретъ зависть кляузниковъ: постой—думаютъ—какъ то ты исполнишь нашу просьбу.

— Ну, что тебѣ нужно?—обратился богачъ, наконецъ, къ одному изъ нихъ.

— Такъ какъ ты, богачъ (бой), вчера обѣщалъ дать всего, что кто ни попроситъ, такъ одолжи мнѣ пожалуйста муки, чтобы хватило въ озерѣ замѣсить тѣсто.

— Хорошо, получишь.

Второй говоритъ: Мнѣ дай серебра кучу величиной въ ту вонъ сопку.

Третій: А мнѣ атласа покрыть вонъ ту степь.

— Хорошо, сказалъ богачъ, получите.—Всталъ, потребовалъ ключи отъ амбара (байжин), сходилъ—принесъ серебряную ложку, вѣски и щепку (чонгу). Подаетъ богачъ ложку тому, кто просилъ муки: «сходи, братецъ,—говоритъ—къ озеру, перемѣряй этой ложкой воду, приди и скажи мнѣ, сколько выйдетъ ложекъ, а то я не знаю, какъ велико озеро, могу дать тебѣ меньше, чѣмъ надо, и тогда ты скажешь, что я—скупой и тебя обидѣлъ». Другому подаетъ вѣски: «сходи, другъ,—говоритъ—свѣшай вѣсками сопку, узнай, что она вѣситъ, тогда приходи, скажи мнѣ, и я тебѣ дамъ серебра, а то, пожалуй, дамъ тебѣ меньше, и будешь говорить, что я—скупой, тебѣ серебра не додалъ». Третьему подаетъ щепку: «сходи—говоритъ—смѣряй степь вдоль и поперекъ, скажи, сколько выйдетъ, тогда получишь нужное количество атласу». Переглянулись между собой кляузники и вышли пристыженные.

По уходѣ ихъ богачъ сказалъ, обратясь къ толпѣ: никогда не желайте невыполнимаго и въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ вамъ нужно; иначе ничего не получите, вотъ какъ эти три человѣка.

(Сообщилъ И. Н. Бяковъ).

Ирлэдей, владѣлецъ громаднаго пестраго, какъ тигръ, быка.

(Сойотская сказка).

Убилъ старикъ Ирлэдей своего быка; въ теченіе семи лѣтъ не могъ съѣсть одной его почки. «Когда-же съѣмъ все мясо?—думаетъ—если впродолженіе семи лѣтъ не могъ осилить одной почки; моей жизни не хватитъ; надо идти звать всѣхъ по улусамъ, да кстати и кой-чего на нужду выпросить». Пошелъ. На пути встрѣчается ему хсу-хун (воронъ). Я не могъ въ семь лѣтъ съѣсть почки своего тигроваго быка, что можешь, съѣшь. — Дай, выклюю одинъ глазъ быка. — Пошолъ прочь, дрянь!—сказалъ старикъ и пошелъ далѣе. Попадается ему сорока, спрашиваетъ:—не могу ли склевать лопатку быка?—Пошла прочь, дрянь!—Попадается дальше волкъ: позволь кожу съ ноги на тулун (мѣшокъ безъ шва) снять, на мясо съѣсть.—«Пошелъ прочь, дрянь!—(Потому всѣхъ гналъ старикъ, что мало просили, все у него остается мяса слишкомъ много). Пошелъ далѣе. Видитъ, стоитъ дрянная юрта, взошелъ въ юрту, лежитъ въ ней баба, одно ухо подъ себя подослала. другимъ накрылась. Это была чилбага—вѣдьма.

— Куда пошелъ Ирлэдей?—спросила старуха.

— Да вотъ закололъ я своего тигроваго быка, не могъ въ семь лѣтъ одной почки съѣсть, пошелъ звать, чтобы кто съѣлъ мясо. Ты сколько можешь съѣсть?

— А могу тебѣ оставить кончикъ хвоста да пару роговъ.

— Молодчина—старуха! Идемъ быка ѣсть ко мнѣ.

Отправились. Пришли къ старику: воронъ глазъ выклевалъ; сорока лопатку исклевала; волкъ ободралъ ногу, ободралъ и съѣлъ.

— Ну, что, наѣлись? — спросилъ старикъ. Звѣри отвѣтили: — будетъ, сыты.— Вѣдьма между тѣмъ за одинъ разъ быка проглотила, большія кости изо рта выплевываетъ, тонкія кости изъ носа выкидываетъ.

— Обманщикъ—Ирлэдей, позвалъ меня, обѣщалъ накормить мясомъ, а тутъ и одного хорошаго жевка нѣтъ. Я тебя самого съѣмъ, развѣ я шла за тѣмъ, чтобы уйти голодной.

Схватила вѣдьма старика, пошла домой. Въ юрту пришла, взяла, посадила его въ барбу [1]) и подвѣсила къ дымовому отверстію.—Очень вкусно копченое мясо!—говоритъ. Вышла сама изъ юрты и говоритъ ребятишкамъ:—я пойду по дрова, а вы, какъ Ирлэдей прокоптится, убейте его, печенку на вертелъ (шиш) насадите, почку на лиственномъ деревѣ зажарьте.

— Что сдѣлать съ тобой, Ирлэдей, чтобы ты померъ—спросили ребятишки?

— А стоитъ только ремень перерѣзать, на которомъ я вишу, тотчасъ помру тогда—отвѣтилъ Ирлэдей.

Обрѣзали ремень ребятишки, старикъ упалъ на землю. Вскочивши, схватилъ ребятишекъ, убилъ ихъ, печенку и почки насадилъ на вертелъ, какъ приказывала вѣдьма. Самихъ ребятишекъ положилъ на кровать, подъ одѣяло, лица вымазалъ до лоска жиромъ, а самъ выкопалъ у порога юрты большую яму, тамъ спрятался. Вѣдьма принесла дрова, сбросила около юрты; взойдя, увидѣла два вертела съ печенкой и почками, а ребятишекъ спящими подъ одѣяломъ.

— Эка какъ наѣлись, что и на лицахъ жиръ Ирлэдея выступилъ, надо и мнѣ попробовать мясца Ирлэдея.—Взяла ножъ, отрѣзала кусокъ печенки:—что это, какъ будто печень моего ребенка?—съ недоумѣніемъ подумала. Попробовала почки: «что это, какъ будто почка моего ребенка?—Подскочила къ ребятишкамъ, подняла одѣяло, головы ребятъ покатились къ ногамъ ея.

Заревѣла вѣдьма:—обманщикъ, мошенникъ Ирлэдей, гдѣ ты, а?!—Послышался голосъ въ разныхъ мѣстахъ: а, разбойникъ, ты въ яму забрался»! Схватила топоръ, онъ оказался тупымъ, надо поточить. Взяла брусъ, намочить нечѣмъ: нѣтъ воды въ юртѣ. Побѣжала къ водѣ, на льду замѣтила кровь.—Что это за кровь, неужто моихъ ребятишекъ, надо попробовать!—Лизнула и приморозила языкъ. Выскочилъ тогда изъ ямы Ирлэдей, подбѣжалъ къ вѣдьмѣ, спрашиваетъ: какъ тебѣ языкъ высвободить?—Ударь—говоритъ она—топоромъ моимъ между языкомъ и льдомъ, тогда языкъ освободится.—Ирлэдей схватилъ топоръ и отсѣкъ ей голову; забралъ все, что было у вѣдьмы, отправился домой и зажилъ на славу.

(Записалъ И. Н. Бяковъ со словъ сойотъ р. Кемчика).

Злая баба.

Женился одинъ человѣкъ, взялъ за себя злую бабу. А у бабы была мать, еще злѣе дочери. У мужа тоже была мать, только не злая, смирная. Жена съ своей матерью постоянно ругали мать мужа, всегда жаловались на неё: и худая то она, и лѣнивая, и обжора. Жалко мужику мать, а подѣлать съ бабами ничего не можетъ. Пришлось ему разъ отлучиться на долгое время, онъ и сказалъ женѣ: «когда будешь варить мясо, то своей матери вари легкое, а моей—б а х т а р м у (кожу съ брюшины)». Жена осталась довольна такимъ приказаніемъ и мать ея тоже, думаютъ: ну, теперь старуха сдохнетъ. Какъ только варить мясо, жена подаетъ своей матери легкое, а матери мужа—бахтарму, да смѣется: ай да сынокъ, чѣмъ мать кормитъ, а тутъ и собакѣ-то ѣсть нечего.

Пріѣзжаетъ мужъ. Теща при послѣднемъ издыханіи, а мать его стала бѣлая, жирная. Теща умерла, а мать еще много лѣтъ жила, потому что онъ зналъ, что бахтарма весь жиръ, весь сокъ въ себя впитываетъ, дѣлается питательной, а легкое—если его одно ѣсть—ничего не стоитъ, съ него и сдохнуть можно. Такъ-то онъ перехитрилъ бабъ и мать свою спасъ.

(Разсказалъ сойотъ Шумгуртей О и н с у м о).

[1]) Барба—сосудъ изъ кожи.

Воздушный корабль.

Жили-были два друга: столяръ (бузанчи) и маляръ (будучи); одинъ безъ другого заказовъ не принималъ, заработокъ дѣлили поровну, спали на одной постели, головами покоились на одномъ изголовьѣ (сыртыкъ).

Однажды богачъ пригласилъ ихъ работать. Заказъ хорошій, выгодный; кормятъ хорошо, мяса вдоволь, а по окончаніи дневной работы каждый день кугер арага (кожаный мѣхъ съ арагой—молочной водкой); работой не торопятъ, да и еще приманка —у хозяина дочь молодая, красавица. Стали они, украдкой одинъ отъ другого, за ней ухаживать, и одинъ думаетъ, что она его любитъ, другой—что его. А того не знаютъ, что она ихъ обоихъ одинаково любитъ. Живутъ по прежнему согласно.

Только однажды столяръ замѣтилъ, какъ товарищъ маляръ любезничалъ съ красавицей въ кустахъ, разсердился страшно на вѣроломнаго друга и задумалъ его погубить. Сдѣлалъ ящикъ, придѣлалъ колеса съ крыльями и, когда все было готово, сказалъ другу маляру: посмотри, какой я искусный ящикъ сдѣлалъ, только нужно окрасить, ты сядь въ него и осмотри хорошенько, можетъ быть, чего не достаетъ. А чтобы осмотрѣть получше, возьмись за ручку, что въ крышкѣ, и верти сильнѣе. Ничего не подозрѣвавшій маляръ сѣлъ въ ящикъ и сталъ вертѣть ручку—ящикъ сталъ подниматься. Маляру понравилось, онъ давай сильнѣе вертѣть ручку, ящикъ все сильнѣе подымается вверхъ. Наконецъ, маляръ взглянулъ внизъ, голова закружилась: люди не больше мураша, юрты—не больше кочки ему показались. Что дѣлать? Если не вертѣть ручку, ящикъ упадетъ на землю, и онъ разобьется на смерть; если подыматься кверху, хватитъ ли силъ подняться до перваго неба: руки и такъ уже уставать стали. Вертитъ онъ ручку уже обѣими руками попеременно: земли уже не видать и до неба далеко. Озираясь со страхомъ кругомъ себя, онъ замѣтилъ впереди себя ручку, сталъ ее вертѣть; ящикъ тогда не сталъ подниматься кверху, а полетѣлъ по направленію полета птицъ, когда онѣ летятъ на югъ осенью, а въ то время была какъ разъ осень и птицы летѣли домой. Времени маляръ не помнилъ, сколько онъ летѣлъ, потому что онъ такъ высоко поднялся, гдѣ уже ночи не бываетъ, все—день. Почувствовавъ сильный голодъ, сталъ осматриваться, замѣтилъ немного сыру, вареннаго мяса и для утоленія жажды—мѣхъ съ водкой. Подкрѣпившись немного, сталъ размышлять, какъ бы ему соснуть немного, и вдругъ замѣтилъ въ днѣ ящика еще ручку. Не отпуская ту ручку, которую вертѣлъ раньше, онъ схватилъ другой рукой замѣченную ручку, сталъ вертѣть, и ящикъ, продолжая полетъ, сталъ постепенно опускаться на низъ. Обрадованный маляръ, замедляя вертѣть ручку впереди, сталъ сильнѣе вертѣть ту ручку, которая была въ днѣ ящика. Какъ вдругъ онъ замѣтилъ, что опускается въ море: брызги волнъ уже долетали до ящика. Въ испугѣ маляръ схватился за верхнюю ручку и мгновенно поднялся кверху. Куда ни взглянетъ, бѣдняга, вездѣ вода—море! Что дѣлать? Кверху подниматься, до неба не долетишь; летѣть за птицами — водѣ конца краю нѣтъ, да и силъ уже нѣтъ. Долженъ потонуть. Собравшись съ послѣдними силами маляръ сталъ вертѣть ручку, которая была впереди. Пролетѣвши такъ порядочно времени, онъ замѣтилъ впереди островъ, но въ сторонѣ, такъ что онъ долженъ былъ пролетѣть мимо. Въ отчаяніи бросилъ онъ ручку, которую вертѣлъ, и взмахнулъ руками. Потомъ дернулъ ручку вправо; ящикъ пошелъ направо; дернулъ налѣво, ящикъ пошелъ влѣво.— А, такъ значитъ это повода и можно летѣть всюду, куда захочу — подумалъ обрадованный маляръ и направился къ острову. Видитъ: на островѣ высокая каменная ограда, въ оградѣ, а въ ней каменный домъ. Подлетѣлъ къ оградѣ, спустился на землю и отъ изнеможенія тутъ же въ ящикѣ и уснулъ: спалъ три дня и три ночи. Проснувшись, сталъ сначала оглядываться: гдѣ онъ? что за ограда? Наконецъ, увидѣлъ ящикъ и вспомнилъ о коварномъ другѣ. Утоливши голодъ остатками пищи, пошелъ осматривать: нѣтъ ли гдѣ дверей попасть въ ограду. Три раза обошелъ, нигдѣ нѣтъ входа. Тогда сѣлъ въ ящикъ, перелетѣлъ черезъ ограду, спустился на траву, вошелъ въ домъ, увидѣлъ дѣвицу, такую красавицу, что еще краше той, которую оставилъ. Дѣвица вскочила, замахала руками:—уйди, духъ! зачѣмъ сюда пришелъ, за моей душой что-ли?

— Нѣтъ, дѣвушка, я—человѣкъ, а не духъ, и не за душей пришелъ, а приказано мнѣ небожителями взять тебя въ жены, выдумалъ маляръ. Дали мнѣ для этого летательный снарядъ и велѣли летѣть за тобой.

— Не повѣрю, я здѣсь ужъ 10-ый годъ живу, ни одного человѣка не видѣла кромѣ одного стараго слуги, который два раза въ годъ является сюда, приноситъ припасы и вѣсти отъ моихъ, отца и матери.

— Вѣришь или не вѣришь—это все равно, а что я—твой мужъ, это тоже вѣрно, иди, посмотри хоть мою машину и остатки припасовъ».

— Дѣвушка знаетъ, что духи вещественнымъ не питаются, видитъ, правда: передъ ней не духъ, а человѣкъ. Одно её удивляетъ, какъ этотъ человѣкъ будетъ мужемъ, когда у родителей её не сваталъ. Да такъ какъ маляръ былъ человѣкъ красивый, то и этотъ вопросъ былъ вскорѣ устраненъ. Живетъ маляръ съ красавицей, какъ мужъ съ женой. Красавица маляру повѣдала, что её сватаетъ ханъ за сына, а сынъ у него дуракъ и безобразный: вотъ она и выпросила у отца выстроить для нея домъ, чтобы ни одинъ живой человѣкъ не могъ къ ней проникнуть. Разъ ночью они были разбужены шагами человѣка, державшаго въ рукѣ огонь, съ вытаращенными отъ удивленія глазами. Маляръ сообразилъ, что это долженъ быть тотъ самый слуга, который два раза въ годъ доставляетъ красавицѣ припасы, и говоритъ:—ты что глаза таращишь, я—мужъ твоей молодой госпожи, посланный небожителями. —Слуга, не вѣря глазамъ, думая, что видитъ духа, а не человѣка, обратился къ красавицѣ.

— Да, правда —сказала она.

— «Теперь какъ же? отецъ твой требуетъ тебя домой, хочетъ выдать за ханова сына. Если черезъ три дня ты не будешь его женой, ханъ грозитъ истребить все, а твоего отца и мать сдѣлать рабами.

Заплакала красавица: жалко отца и мать, жалко и маляра, котораго она успѣла уже полюбить, да и хановъ сынъ къ тому же очень ужъ безобразенъ. Маляръ. не вставая съ постели, распорядился, чтобы слуга убирался домой, сказалъ бы тестю приготовить пять мѣшковъ пороха и фитиль въ десять саженъ, и что онъ жены своей никому не уступитъ, такъ сами небожители распорядились. Скажи ему: «черезъ три дня я самъ буду». На третій день, распросивши красавицу, куда держать направленіе, сѣлъ въ ящикъ и улетѣлъ. Прилетѣлъ къ тестю въ улусъ. Слуга уже передалъ распоряженіе маляра; порохъ и фитиль были приготовлены. Хотя и боялся старикъ, отецъ красавицы, раздражать хана и не вѣрилъ посланному небожителями зятю, что одинъ человѣкъ можетъ сдѣлать съ цѣлымъ войскомъ, и опять таки опасался оскорбить зятя: какъ бы не обидѣть небожителей. Пришли посланные отъ хана съ требованіемъ выдать дочь сейчасъ-же—срокъ кончается; маляръ велѣлъ отвѣтить, что невѣста одѣвается; посланные ушли. Тогда онъ садится въ ящикъ, поднимается кверху, летитъ къ войскамъ хана. Надлетѣвши надъ войскомъ, сталъ онъ то подниматься кверху, то опускаться внизъ—на такое разстояніе, чтобы не могла долетѣть до него стрѣла. Когда опускается внизъ, кричитъ имъ изъ ящика: «я, волею небожителей,—мужъ красавицы и никому её не уступлю, убирайтесь по добру домой». Собрались въ кучу военноначальники, а за ними и все войско, задрали головы кверху, смотрятъ, что за штука: птица не птица, кричитъ, какъ человѣкъ, впереди хвостъ, позади хвостъ, внизу хвостъ, голова посрединѣ.

Связалъ маляръ четыре мѣшка (прикрѣпить пятый веревки не хватило), затѣмъ привязалъ фитиль, поджегъ; когда же замѣтилъ, что фитиль догораетъ, спустившись, какъ можно ниже, опустилъ мѣшки въ самую середину войска. Какъ только мѣшки съ порохомъ упали на землю,

. . . .

Не кончена.

Евг. Яковлевъ.

Ахтуба, Астрах. губ.
1901 г. Августъ.

ОТДѢЛЪ III.

Вопросы и отвѣты.

Перепечатавъ въ настоящемъ выпускѣ (въ Смѣси) изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1902 (Сент. и Окт.) нѣсколько статеекъ объ общинномъ землевладѣніи, написанныхъ по поводу совѣщаній разныхъ уѣздныхъ коммисій о нуждахъ сельской промышленности, обращаемъ на нихъ вниманіе многоуважаемыхъ, близко стоящихъ къ народу, читателей и сотрудниковъ Живой Старины. Усердно просимъ ихъ сообщать намъ свои наблюденія объ общинѣ, ея порядкахъ и строѣ, передавать, возможно точно, понятія и мнѣнія крестьянъ о выгодахъ или невыгодахъ общиннаго землевладѣнія и, о томъ, въ чемъ эти выгоды или невыгоды заключаются, желаетъ ли наконецъ большинство крестьянъ извѣстной мѣстности упраздненія общины или ея сохраненія, или желаетъ лишь нѣкоторыхъ перемѣнъ, улучшеній, и въ чемъ онѣ, по ихъ мнѣнію, должны состоять. Общинный строй и укладъ жизни, будучи старою и отличительною особенностью великорусской отрасли русскаго народа, представляетъ очень важное этнографическое явленіе. Посвященная этнографіи Россіи, Живая Старина долгомъ считаетъ просить всѣхъ своихъ сотрудниковъ разныхъ великорусскихъ губерній и уѣздовъ не оставить ее безъ отвѣтовъ, разъясненій и всякаго рода подробностей, почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій. Онѣ особенно важны въ данный моментъ, когда такое крупное и старое явленіе народной жизни подвергается самымъ противуположнымъ обсужденіямъ и толкамъ, когда вопросъ объ общинномъ землевладѣніи разбирается почти во всѣхъ углахъ великорусской области. Этнографамъ-наблюдателямъ представляется теперь много удобствъ для лучшаго опознанія разныхъ сторонъ и особенностей нашихъ общинныхъ порядковъ, различныхъ ихъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, видоизмѣненій.

Ред.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣеь.

Гайно-Слободской волости, Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи.

То, что великорусскіе крестьяне зовутъ селомъ, т. е. большую деревню съ церковью, здѣшніе бѣлоруссы именуютъ мѣстечкомъ (мястечко). Мѣстечки, попадаются рѣдко; въ большинствѣ же случаевъ дворы стоятъ отдѣльно или составляютъ небольшія деревушки, отъ 5 до 10 дворовъ. Крестьяне, селясь такимъ образомъ, имѣютъ въ виду избѣгать массовыхъ пожаровъ, а съ другой стороны, устранять черезполосицы, неизбѣжныя при расположеніи большими деревнями. Говорятъ, до нашествія французовъ крестьяне этой мѣстности селились большими деревнями, но послѣ пожаровъ и разгромовъ, произведеннаго французами, стали строиться отдѣльными поселками. Жилыя помѣщенія въ деревушкахъ расположены вдоль улицы; къ улицѣ прилегаютъ домъ, иногда и хозяйственныя постройки, но сплошною стѣной, такъ что двери ихъ выходятъ на дворъ; къ послѣднему примыкаютъ другія хозяйственныя строенія, при чемъ гумно съ сушилкою, (осець) ставятъ поодаль. При расположеніи отдѣльно—дворъ окружаютъ слѣдующія постройки: домъ, амбаръ (свирнъ), варивня (помѣщеніе для овощей, отапливаемое зимой), хлѣвы; къ гумну же примыкаютъ сѣнные и хлѣбные сараи и токъ съ сушилкой; на гумнѣ строятся «озереда» (переплотъ, на которомъ вѣшаютъ снопы, бывшіе подъ дождемъ).

Жилой домъ носитъ названіе «хата», сарай—пуня, амбаръ—свирнъ, сушилка—осець, конюшня—стайня, хлѣвъ—хлѣу, хлѣвъ для свиней—свинарникъ,—для овецъ—овчарня,—для птицы домашней—катухъ.

Вообще всѣ постройки деревянныя, иныхъ не строятъ никогда. Жилой домъ строится изъ сосноваго дерева, высотою въ 11—12 вѣнцовъ; складываются стѣны изъ круглыхъ бревенъ, съ внутренней стороны обтесанныхъ («выcклютованныхъ»); фундаментъ «подмуроука» дѣлается изъ камня—крупнаго булыжника, скрѣпленнаго смѣсью изъ глины и вапны (извести). Длина хаты 8—10 аршинъ, такая же ширина, длина и ширина сѣней 6—7 аршинъ. Въ настоящее время чаще встрѣчается въ домахъ полъ («подлога»), обыкновенно внутренность хаты утрамбовывается размоченной глиной, которая, засохнувъ, принимаетъ видъ асфальтоваго пола. Однако зимой въ такой хатѣ всегда лежитъ на полу тонкій слой жидкой, скользкой грязи отъ наноснаго на ногахъ снѣга, и отъ сырости въ хатѣ постоянно чувствуется парность, отчего деревянныя постройки не долговѣчны,—черезъ двадцать-тридцать лѣтъ приходятъ въ ветхость. Прочія постройки строятся изъ еловаго или осиноваго дерева безъ всякаго фундамента, прямо на землѣ. Внутренность сараевъ выстилается вдоль или поперекъ постройки плотнымъ рядомъ жердей для предохраненія сложеннаго въ нихъ сѣна или сноповъ отъ подмоканія; внутренность тока и сушилки утрамбовывается глиной также, какъ и въ хатѣ, и содержится сухо, отчего она трескается; каждую осень передъ молотьбой трещины замазываются.

Высота всѣхъ построекъ одинакова: 10—12 вѣнцовъ; длина—24—30 аршинъ; ширина 8—10 аршинъ. Всѣ постройки какъ хату, такъ и хозяйственныя строенія покрываютъ троякимъ способомъ: гонтами, досками и соломою. Лучшею крышею считается гонтовая, а выборъ матеріаловъ для крыши зависитъ отъ благосостоянія хозяина.

Оконъ въ хатѣ прорубаютъ три, рѣдко четыре; они обыкновенно квадратныя, въ 1½ фута, двустворчатыя, бываютъ больше (до аршина) и меньше (до 1 фута). Два окна находятся съ фронта и одно или два сбоку. Изъ дверей однѣ ведутъ со двора въ сѣни, а другія изъ сѣней въ хату; двери всегда одностворчатыя, вышиною въ 2½ аршина, шириною въ 1½ аршина. Украшеній на дверяхъ, окнахъ, косякахъ, ушакахъ не дѣлаютъ; косяки оконъ снаружи обиваютъ досками (шалёвка), которыя выбѣливаютъ мѣломъ. Крыши на всѣхъ безъ исключенія постройкахъ дѣлаются на два свата, крутизною въ 45—50 градусовъ.

Въ бѣлорусской хатѣ, сейчасъ около двери въ противоположной стѣнѣ отъ фронта, помѣщается печь, занимающая ¼ пространства всей хаты; въ противоположномъ отъ печи углу по діагонали повѣшены образа, а подъ ними ставятъ столъ; уголъ этотъ занимаютъ придѣланныя къ стѣнѣ, шириною въ 10 вершковъ, лавы (скамьи); два другіе угла: одинъ около двери занятъ полками для посуды, кадками и пр. домашними принадлежностями, въ другомъ же стоятъ кровати или нары, покрытыя соломой или сѣномъ,—большее изящество въ убранствѣ постелей рѣдко встрѣчается. Печь обыкновенная, что носитъ названіе русской, дѣлается не изъ кирпича, а глинобитная, т. е. по сдѣланному деревянному остову обмазываютъ и уколачиваютъ сырой глиной и потомъ обжигаютъ или иначе высушиваютъ; трубу выводятъ въ сѣни, которыя всегда во время топки наполнены дымомъ; по окончаніи топки дымовое отверстіе въ сѣняхъ затыкается сверткомъ тряпокъ.

Бань вовсе нѣтъ; ихъ замѣняютъ сушилки, печи въ которыхъ сложены изъ груды булыжника, ничѣмъ не обмазаннаго, и безъ трубы, такъ что дымъ стелется въ самой сушилкѣ и выходитъ черезъ двери въ токъ.

Для сидѣнья въ хатѣ кромѣ помянутыхъ лавъ имѣется скамейка (зедель), иногда двѣ. Столъ деревянный, не крашеный, на четырехъ ножкахъ и всегда имѣетъ выдвижной ящикъ. Посуда вся глиняная: миски, (рѣдко тарелки), ложки (лыжки) деревянныя, не крашеныя. Для варки пищи употребляются обыкновенные чугунные, иногда глиняные, но оплетенные снаружи проволочной сѣткой горшки, затѣмъ миски, кувшины безъ ручекъ (гладыши) для молока; прочая домашняя посуда вся деревянная: кадки (цебры), ведра, корыта (начоуки).

Хозяйственная утварь крестьянъ отличается чрезвычайной простотой и топорностью отдѣлки и, вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ на себѣ отпечатокъ крайней бѣдности: все самодѣльное. Такъ, предметы для ѣзды, напр., телѣга, по типу совершенно схожа съ великорусской, но значительно меньше размѣрами и не имѣетъ вовсе оковки, даже колеса не окованы шинами, т. е., ободья деревянные,— такъ на нихъ и ѣздятъ: великорусскій крестьянинъ не повѣритъ, что возможна такая ѣзда; прочія части телѣги также не окуты желѣзомъ, а скрѣплены вязами и деревянными гвоздями по заранѣе проверченнымъ дыркамъ. Полозья саней также не подбиты желѣзомъ, почему самыя полозья дѣлаются очень широкія, но не смотря на это въ одну зиму, много въ двѣ, изнашиваются.

Хомуты, шлеи, возжи и пр. наполовину рымарскаго производства, а наполовину самодѣльные,—сплетены изъ пеньки и очень поэтому не прочны.

Земледѣльческія орудія: сохи, бороны также отличаются первобытностью устройства; плуговъ, желѣзныхъ боронъ вовсе нѣтъ; въ послѣднихъ встрѣчается улучшеніе: въ деревянный остовъ вбиваютъ желѣзные зубья; обыкновенно борону сколачиваютъ изъ ряда суковатыхъ полосъ. Такая борона встрѣчается только въ Бѣлоруссіи.

А. К. Васильевъ.

Имѣніе Буславичи.
14 авг. 1892 г.

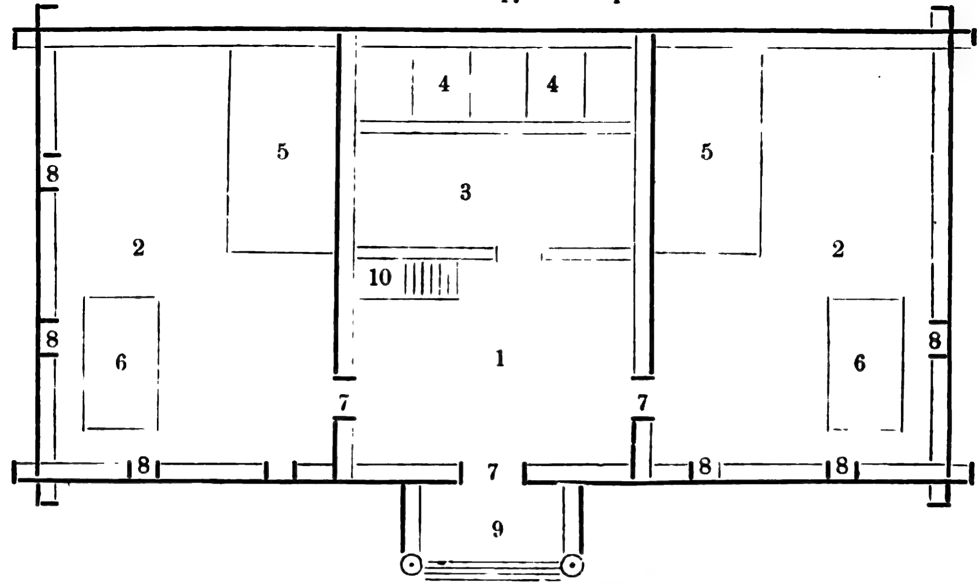
(См. прилож. на слѣд. стран.).

ПЛАНЪ

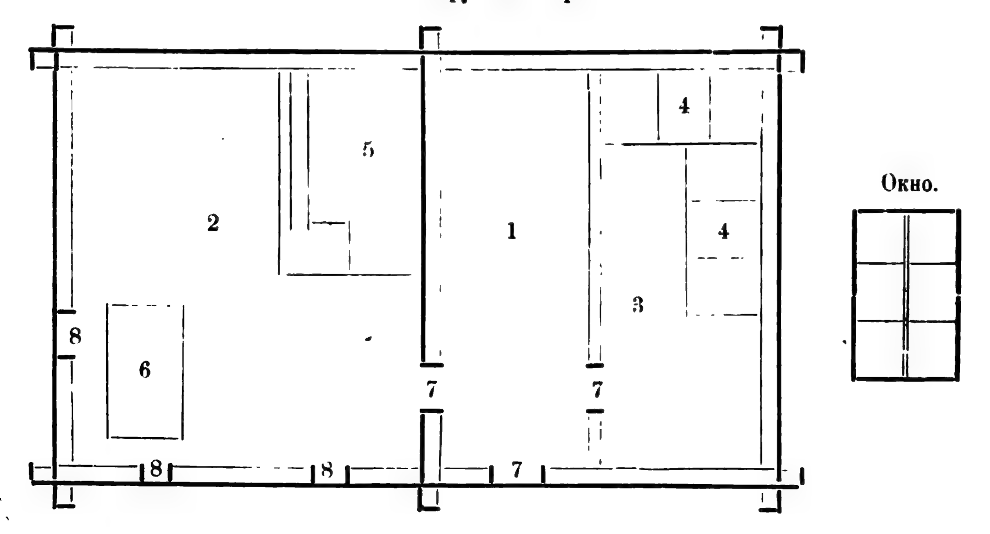
дома зажиточнаго бѣлорусскаго крестьянина.

1. Сѣни
2. Хаты.
3. 4. Спижарня съ закромами (оруды).
5. Печи.
6. Столы.
7. Двери.
8. Окна.
9. Крыльцо на столбахъ.
10. Лѣстница на чердакъ.

ПЛАНЪ

дома бѣлорусскаго крестьянина.

1. Сѣни.
2. Хата.
3, 4. Спижарня съ орудами.
5. Печь.
6. Столъ.
7. Двери.
8. Окна.

РАСПОЛОЖЕНІЕ

двора и гумна.

1. Домъ.
2. Варивня.
3. Амбаръ (свирнъ).
4. Хлѣвы.
5. Конюшня (стайня).
6. Сараи (пуни).
7, 8. Токъ и сушилка (осець).
9. Изгородь изъ жердей.

9 9 1 3 2 Дворъ. 4 5 4 9 6 Гумно. 6 7 8

Борьба общины съ черезполосицей и мелкополосицей.

Противники общиннаго землевладѣнія отмѣчаютъ, какъ особенную слабость, соединенную съ нимъ, чрезмѣрную дробность и мелкоту полосъ, разбросанныхъ въ разнообразныхъ направленіяхъ общинныхъ полей и отстоящихъ одна отъ другой въ значительныхъ разстояніяхъ. Фактъ несомнѣнный. Черезполосица и мелкополосица—слабое мѣсто общины и въ рукахъ его противниковъ значительный аргументъ противъ общиннаго землепользованія. Но это только при первомъ, поверхностномъ, почти близорукомъ взглядѣ на общину и ея порядки.

Достаточно подойти къ вопросу о мелкополосицѣ и черезполосицѣ подъ угломъ зрѣнія не на одну только общинную форму землепользованія, но и на другія формы, какъ слабыя мѣста общины окажутся не столь большими, и съ этой стороны общинное землевладѣніе явится даже предпочтительнѣе и въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ при другихъ формахъ землепользованія. Сравнительныя данныя по вопросу о мелкополосицѣ и черезполосицѣ при общинномъ и другихъ формахъ землепользованія указываютъ на то, что черезполосица вовсе не есть характерная особенность общины, а присуща нисколько не въ меньшей степени и другимъ формамъ землевладѣнія.

Вотъ что говоритъ по этому вопросу г. Тернеръ («Государство и землевладѣніе» ч. I, 1896, стр. 185—186): «Вредное вліяніе черезполосности и измельчанія участковъ на культуру земли вообще не подлежитъ сомнѣнію, но было бы совершенно ошибочно и неосновательно связывать эти неудобства съ общиннымъ владѣніемъ землей. Черезполосность и измельчаніе земли далеко не составляютъ исключительной принадлежности общиннаго владѣнія. Въ области подворнаго пользованія землей чрезвычайно распространена не только черезполосность, но и дробленіе земли. Самый фактъ равномѣрнаго наслѣдованія вызываетъ постоянные дѣлежи земли. послѣдствіемъ которыхъ является та же черезполосность и то же измельчаніе участковъ, какія встрѣчаются и при общинномъ владѣніи, но только безъ корректива, который имѣется при послѣднемъ. При подворной формѣ землевладѣнія черезполосность со всѣми ея неудобствами выражается въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ при общинномъ владѣніи. Общинники путемъ передѣловъ, путемъ пріурочиванія надѣловъ къ одному мѣсту всегда могутъ уменьшить черезполосность. Вотъ почему нерѣдко случается, что подворныя общины прибѣгаютъ къ передѣлу земель, какъ къ послѣднему средству выдти изъ затрудненія. Уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія не достиглось бы ни уничтоженія черезполосности, ни прекращенія дробленія земли; напротивъ того, получились бы въ этомъ отношеніи еще гораздо худшіе результаты, т. е. такая запутанность землевладѣнія, которая сдѣлала бы совершенно невозможною сколько-нибудь порядочную обработку земли». Далѣе г. Тернеръ приводитъ рядъ фактовъ и примѣровъ изъ жизни Сѣверо-Западнаго края, Полтавской и Курской губ., гдѣ всюду въ мѣстахъ существованія формъ землепользованія необщиннаго—подворнаго, четвертнаго и т. п. характера,—«страшная черезполосица». «Черезполосица—характерная особенность четвертнаго землевладѣнія. Дробленіе участковъ дошло до предѣловъ возможнаго. Поражающая черезполосность, которая должна со временемъ достигнуть такихъ размѣровъ, что всякое улучшеніе сельскаго хозяйства сдѣлается невозможнымъ»,—такъ говоритъ г. Тернеръ. Статистикъ ярославскаго губ. земства К. Я. Воробьевъ выпустилъ обстоятельную работу—«Община и черезполосица и ярославская полевая «сотня» въ которой разработаны имъ самые жизненные цифры и факты, касающіеся вреда черезполосицы и тѣхъ мѣропріятій, которыя сама община выдвигаетъ и предпринимаетъ въ борьбѣ съ нежелательнымъ и существеннымъ зломъ. Трудъ г. Воробьева долженъ вызывать къ себѣ особенное вниманіе по многимъ соображеніямъ: 1) цифровыхъ, статистическихъ работъ по вопросу о черезполосицѣ вообще нѣтъ; авторъ даетъ одинъ изъ первыхъ картину существующей дѣйствительности въ цифрахъ; 2) работа указываетъ на возможность полезной борьбы самой общины съ черезполосицей и ея вредомъ, подтверждая мнѣніе г. Тернера, что «общин-

ники всегда могутъ уменьшить черезполосность», и 3) К. Я. Воробьева нельзя упрекнуть въ сочувствіи общинному землепользованію; тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтаютъ для болѣе прочнаго обоснованія послѣдняго цифры, факты и выводы, которые мы находимъ въ трудѣ автора.

Вообще, въ Ярославской губерніи на среднее хозяйство губерніи приходится по 33 полосы въ трехъ поляхъ или по 11 въ каждомъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ эта средняя спускается до 23 и повышается до 39. Въ частности же, по исключительнымъ общинамъ, предѣлы колебанія числа полосъ средняго двора выражаются для minimum'а 6-ю и для maximum'а 118-ю. Въ Угличскомъ уѣздѣ средній домохозяинъ имѣетъ въ своихъ трехъ поляхъ 36 полосъ, т. е. по 12 въ каждомъ полѣ; но есть общины, гдѣ число полосъ доходитъ до 120 на домохозяйство. Средній дворъ въ Тверскомъ уѣздѣ пользуется 14-ю полосами въ каждомъ изъ трехъ полей, а во всѣхъ поляхъ 42 полосами; въ нѣкоторыхъ общинахъ число полосъ доходитъ до 93.

На душевой надѣлъ въ Ярославской губерніи приходится въ среднемъ пашни около 1,6 дес. Если всякій домохозяинъ имѣетъ въ среднемъ, какъ сказано, 33 полосы, то каждая изъ нихъ будетъ занимать площадь только въ 117 кв. саж. При стосаженной длинѣ такая полоса будетъ имѣть меньше $1^1/_4$ саж. въ ширину. Но есть полосы, въ среднемъ выводѣ имѣющія $^3/_4$ саж. ширины, $^1/_2$ саж. и даже $^1/_3$ саж. Въ одномъ Угличскомъ уѣздѣ—58 общинъ, въ которыхъ встрѣчаются полосы въ $^1/_2$ саж. шириною и менѣе.

Излишне, конечно, говорить о всѣхъ неблагопріятныхъ послѣдствіяхъ въ хозяйственномъ отношеніи при столь сильной мелкополосицѣ и черезполосицѣ. Никто не станетъ отрицать ихъ. Не нужно лишь забывать, что эти неудобства—не удѣлъ одного лишь общиннаго землевладѣнія.

Борьба,—какъ мы видѣли изъ мнѣнія г. Тернера, - съ мелкополосицей и черезполосицей, не меньше распространенныхъ при подворной четвертной и другихъ формахъ землевладѣнія, невозможна при этихъ формахъ, а если возможна, то при осуществленіи уже началъ, положенныхъ въ основу общиннаго землепользованія, т. е. передѣловъ земель.

Между тѣмъ община вырабатываетъ тѣ или иныя мѣропріятія, ведущія къ уменьшенію черезполосицы. Ярославская полевая «сотня» является однимъ изъ такихъ мѣропріятій. Эта «сотня» введена пока въ двухъ земледѣльческихъ уѣздахъ Ярославской губерніи, Мышкинскомъ и Моложскомъ. Сравненіе этихъ уѣздовъ съ другими укажетъ на то, что значительные шаги къ сокращенію, а въ будущемъ, быть можетъ, къ полному уничтоженію черезполосицы и мелкополосицы, при общинной формѣ землепользованія вполнѣ возможны.

Въ указанныхъ двухъ уѣздахъ общинныя пахотныя земли крестьянами дѣлятся не на обычныя полосы, а на участки опредѣленной мѣры, называемые здѣсь «сотнями». Такая сотня представляетъ изъ себя земельную площадь въ сто двухсаженныхъ квадратныхъ коловъ и, слѣдовательно, равняется 400 кв. саженямъ ($2^2 \times 100 = 400$) или—одной шестой части казенной десятины. При такомъ дѣленіи всѣ полосы или полевые участки имѣютъ одинаковую, вполнѣ опредѣленную площадь. Мы опустимъ дальнѣйшія техническія указанія на производство разверстки общинниками пахотныхъ земель и обратимся къ сравнительнымъ цыфрамъ. Какъ мы видѣли раньше, по Ярославской губерніи число полосъ въ среднемъ на одного домохозяина составляетъ 33, причемъ въ нѣкоторыхъ общинахъ эта цифра поднимается до 118. Въ Мышкинскомъ уже уѣздѣ, гдѣ дѣленіе на «сотни» охватило весь уѣздъ, число полосъ въ среднемъ на одного домохозяина спускается уже до 23, и самое большее число полосъ, встрѣчающееся въ отдѣльныхъ общинахъ, только 80. Ни одинъ изъ другихъ уѣздовъ въ этомъ отношеніи не представляетъ подобія. Еще болѣе рельефную картину даетъ группировка селеній по числу полосъ на хозяйство въ абсолютныхъ и относительныхъ числахъ.

		До 10 полосъ.	11—20 полосъ.	21—30 полосъ.	34—40 полосъ.	41—50 полосъ.	51 и болѣе полосъ.
Губернія		40	138	179	134	101	103
	Процентъ.						
		5,7	19,9	25,8	19,3	14,5	14,8
Мышкинскій уѣздъ . .		12	29	20	7	4	4
	Процентъ.						
		18,3	28,8	30,3	10,6	6,0	6,0

Какъ видно изъ приведенной таблицы, число многополосниковъ-домохозяевъ по губерніи несравненно выше, чѣмъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ. Число домохозяевъ въ послѣднемъ, у которыхъ не болѣе 20 полосъ во всѣхъ поляхъ, составляетъ 47,1—проц., а въ губерніи только 25,6 проц.; не болѣе 30 полосъ въ Мышкинскомъ уѣздѣ 77,4 проц., въ губерніи—51,4 проц. Ни одинъ изъ остальныхъ уѣздовъ въ отдѣльности не даетъ такихъ благопріятныхъ цифръ, какъ Мышкинскій.

Вообще, цитируя г. Воробьева, «раздѣлъ на сотни ведетъ къ сокращенію числа полосъ и къ соотвѣтственному увеличенію площади средней полосы. Безъ преувеличенія можно сказать, что дѣленіе пашни на согни вдвое сокращаетъ ея мелкополосицу, причемъ оказывается наиболѣе выгоднымъ для наименѣе обезпеченныхъ землею группъ населенія. Однодушники теперь не боятся, что у нихъ нельзя проѣхать съ бороной по полосѣ, какъ это бываетъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ сотенъ. Сокращеніе мелкополосицы въ такой же степени, т. е. почти вдвое, уменьшаетъ въ крестьянскомъ общинномъ хозяйствѣ потерю удобной земли на межахъ, сѣмянъ при посѣвѣ и удобренія, а также значительно сокращаетъ излишнюю трату времени на переходы и переѣзды съ полосы на полосу. Г. Воробьевъ выясняетъ, что одно сокращеніе потерь на межахъ, при повсемѣстномъ введеніи въ Ярославской губерніи сотни, увеличило бы культурную пахотную площадь въ губерніи на $3^1/_2$ тыс. дес. и дало бы населенію ежегодный прирость валового дохода около 60 тыс. рублей. Далѣе, сотня, какъ полоса сравнительно крупная, представляетъ значительныя удобства для болѣе тщательной обработки и посѣва, а это, въ свою очередь, вмѣстѣ съ сокращеніемъ числа межъ и уменьшеніемъ засоренности посѣвовъ, ведетъ къ улучшенію урожаевъ. Наконецъ, при сотенномъ раздѣлѣ нельзя отрицать сравнительно бо̀льшаго простора къ введенію улучшеній въ хозяйствѣ отдѣльными домохозяевами: выгородивъ изъ поля даже одну сотню, энергичный домохозяинъ-новаторъ пріобрѣтаетъ возможность производить по своему желанію посѣвы внѣ обычнаго сѣвооборота,—напримѣръ, завести травосѣяніе. Но, самое главное,—сотня опредѣленностью размѣровъ своей площади вноситъ въ условія крестьянскаго хозяйства весьма важный культурно-прогрессивный элементъ. Чтобы вести съ успѣхомъ сельское хозяйство, хозяину нужно прежде всего знать составъ своего хозяйства, нужно умѣть вести правильные хозяйственные разсчеты, вообще относиться къ веденію хозяйства вполнѣ сознательно. При обычной черезполосности сознательное отношеніе крестьянъ къ своему хозяйству крайне затруднительно: хозяйственные разсчеты у него основаны больше на обычаѣ, чѣмъ на опредѣленномъ знаніи. Не то—при саженномъ дѣленіи полей. Каждый хозяинъ отлично знаетъ, сколько у него земли въ каждомъ полѣ, и всѣ свои хозяйственные разсчеты ведетъ примѣнительно къ опредѣленной площади (сотнѣ), согласно выработаннымъ практикой нормамъ. Всякій при этомъ уже знаетъ, сколько нужно навоза положить на сотню, какое количество сѣмянъ нужно взять, чтобы не зачастить и не слишкомъ рѣдко посѣять, во что обойдутся полевыя работы, если приходится прибѣгать къ наемному труду. Отношеніе къ урожаю привыкшаго крестьянина-домохозяина будетъ отличаться большею сознательностью, чѣмъ отношеніе незнакомаго съ сотней или вообще опредѣленной земельной единицей. Результаты своего хозяйства будутъ несравненно яснѣе первому, чѣмъ второму. Матеріала для работы критической мысли у перваго значительно больше, чѣмъ у

второго. Однимъ словомъ, съ введеніемъ опредѣленной земельной единицы въ хозяйствѣ общинника патріархальный «глазомѣръ» уступилъ свое мѣсто сознательнымъ разсчетамъ.

Этотъ элементъ большой осмысленности, какой вводится сотней въ условія крестьянскаго общиннаго хозяйства, является залогомъ дальнѣйшаго культурнаго преуспѣянія крестьянина-общинника.

Изъ изложеннаго видно, что внутри общины является вполнѣ возможной борьба съ черезполосицей и мелкополосицей, и эта борьба приводитъ къ сравнительно благопріятнымъ результатамъ. Крестьяне-общинники не безъ успѣха изъискивають способы и мѣропріятія къ возможному парализованію вреда дробности земельныхъ участковъ и черезполосицы.

Было бы желательно и необходимо и здѣсь придти крестьянамъ на помощь, хотя бы дальнѣйшимъ развитіемъ, укрѣпленіемъ и распространеніемъ того типа разверстки общинныхъ земель, какой даетъ «ярославская сотня». Земствамъ другихъ губерній необходимо было бы отправлять въ Ярославскую губернію, именно—Мышкинскій уѣздъ ея, особыхъ спеціалистовъ, инструкторовъ,—каковыми могли бы явиться, напримѣръ, землемѣры,—для подробнаго ознакомленія и изученія на мѣстѣ тѣхъ пріемовъ, которые примѣняются крестьянами при дѣленіи пахотныхъ полей на «сотни». Изучившіе на мѣстѣ способы разверстки инструкторы научатъ крестьянъ разныхъ губерній этимъ способамъ. Изученіе «ярославской сотни» и пропаганда ея, а также и другихъ видовъ и способовъ, могущихъ оказаться полезными въ борьбѣ съ черезполосицей, должны составить предметъ дѣятельности экономическихъ и агрономическихъ отдѣленій земскихъ управъ.

Необходимо и правительству,—въ данномъ случаѣ, министерству земледѣлія,—выступить въ этой новой, пока, области съ широкими мѣропріятіями.

N.

(Спб. 1902. Сент.).

Письмо изъ Торжка.

Намъ пишутъ изъ Торжка: 9 сентября въ Торжкѣ состоялось засѣданіе комиссіи новоторжскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности при участіи крестьянъ, въ количествѣ 20, приглашенныхъ предсѣдателемъ комиссіи для сообщенія ей своихъ мнѣній по вопросамъ крестьянскаго общиннаго землевладѣнія и землепользованія и крестьянскаго общественнаго управленія.

Высказывались крестьяне преимущественно о разныхъ «наболѣвшихъ» вопросахъ современной общественной и вообще крестьянской жизни.

Одинъ изъ крестьянъ замѣтилъ, что неудобно отдѣлять вопросъ общиннаго крестьянскаго землепользованія отъ вопроса о правовомъ положеніи личности крестьянина въ крестьянскомъ обществѣ, такъ какъ обѣ эти стороны зависимости личности крестьянина отъ земельной общины и отъ сельскаго и волостного обществъ такъ тѣсно связаны между собою въ жизни, что нельзя высказываться объ одной изъ этихъ сторонъ, не затрогивая другой. Въ дѣйствительности и оказалось, что, говоря отдѣльно о земельной общинѣ и о сельскомъ обществѣ, многимъ приходилось повторяться.

Предсѣдатель предложилъ крестьянамъ высказаться: находятъ-ли они общинное землевладѣніе и землепользованіе необходимымъ и желательнымъ?

Большинство крестьянъ по этому вопросу высказалось, что уничтоженіе крестьянской общины и общиннаго землепользованія и землевладѣнія было бы возможно только при условіи обезпеченія каждому крестьянину въ настоящемъ и будущемъ такого количества земли, которое бы гарантировало существованіе его и его семейства не только при обычныхъ условіяхъ, но и въ случаѣ несчастія, инвалидности и смерти. А такъ какъ это невозможно, и малоземелье крестьянъ, въ виду прироста населенія, все увеличивается, то только община не даетъ большинству крестьянъ обратиться въ безземельныхъ батраковъ. А потому уничтожить крестьянское общинное землевладѣніе было бы «противно совѣсти», какъ выразился одинъ маститый старикъ, волостной старшина.

При этомъ сторонники сохраненія общиннаго землевладѣнія и землепользованія сами указывали на темныя ихъ стороны—дробленіе земли на мелкія полосы, чрезполосность, препятствующія введенію травосѣянія и другимъ земледѣльческимъ улучшеніямъ, трудность согласить большинство общинниковъ на какую-нибудь меліоративную мѣру и невозможность сдѣлать это одному на своихъ полосахъ, препятствія, встрѣчаемыя общинами со стороны закона или земскихъ начальниковъ, при осуществленіи мѣръ, признанныхъ міромъ полезными, неразрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, хозяйственной группировки нѣсколькихъ членовъ общины въ одну хозяйственную единицу, обмѣна натурой или путемъ купли-продажи общинной земли для обоюдной хозяйственной выгоды и т. п. Но всѣ эти недостатки,—по мнѣнію защитниковъ общины,—зависятъ не отъ общиннаго землевладѣнія, а отъ несамостоятельности общинъ въ распоряженіи своимъ имуществомъ и въ управленіи мірскими дѣлами, а также въ недостаточности сельско-хозяйственныхъ знаній и общаго образованія крестьянъ.

Высказывались, однако, и другія мнѣнія. «Дайте намъ возможность книжки читать; да обрубите тѣ двѣ веревки, которыя привязываютъ личность крестьянина къ земельной общинѣ и къ сельскому обществу, какъ была обрублена 19 февраля 1861 года третья веревка, привязывавшая крестьянина къ помѣщику,—и вы увидите, чѣмъ станутъ крестьяне черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ»,—сказалъ одинъ молодой крестьянинъ, ярый противникъ общиннаго землевладѣнія и власти надъ крестьяниномъ того сельскаго общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Кромѣ помянутаго здѣсь яраго противника общины, въ засѣданіи 9 сентября былъ еще и другой, тоже молодой, который болѣе спокойно и болѣе систематично, но также рѣшительно высказывался противъ общины, и вотъ на продолжительной и упорной полемикѣ между этими противниками и остальными сторонниками общины и сосредоточился весь интересъ засѣданія 9 сентября.

Противниками общины выставлены были противъ нея слѣдующія обвиненія:

1) Общинное землевладѣніе и связанная съ нимъ зависимость общинника отъ сельскаго общества обезцѣнили общинную землю крестьянъ. Соглашаясь платить за соотвѣтствующую, по качеству, сосѣднюю помѣщичью землю высокую арендную плату, крестьяне открещиваются отъ пользованія свободной общинной землей за отбываніе приходящихся на эту землю повинностей, и земля остается пустыремъ. 2) Очень мелкое дробленіе участковъ, въ связи съ чрезполосицею, отнимаетъ у крестьянъ много земли, годной для обработки и, въ связи съ опасеніемъ частыхъ передѣловъ, препятствуетъ улучшенію этой обработки и вообще поднятію сельско-хозяйственной культуры. 3) Невозможность распорядиться собственнымъ надѣломъ по своему усмотрѣнію, затрудненія, встрѣчаемыя общинниками при желаніи получить или обмѣнять паспортъ, взысканія съ отсутствующихъ общинниковъ, ничѣмъ не пользующихся отъ міра, разнородныхъ платежей—все это связываетъ общинника-крестьянина по рукамъ и ногамъ и препятствуетъ всякой инициативѣ. 4) Прикрѣпленность общинниковъ къ мѣсту ихъ приписки и затруднительность отысканія посторонняго заработка понижаетъ заработную плату внутри общины до того, что обѣднѣвшіе и попавшіе въ кабалу къ богатымъ общинникамъ крестьяне работаютъ на богачей за плату иногда въ пять разъ меньшую, чѣмъ можно было бы получить у сосѣдняго помѣщика.

Признавая невозможность какого бы то ни было улучшенія при современномъ строѣ крестьянскаго землепользованія, противники общины высказались, однако, что не могутъ считать улучшеніемъ дѣла переходъ отъ общиннаго землепользованія къ подворному, въ той формѣ, въ какой послѣднее существуетъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, такъ какъ это подворное землепользованіе, по ихъ мнѣнію,—та же замаскированная община, съ тою же чрезполосицею и съ тѣми же препятствіями къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и, вообще, крестьянскаго быта. Въ заключеніе, оба противника общины высказали взглядъ, что единственнымъ выходомъ изъ современнаго тягостнаго положенія крестьянъ можетъ быть только уничтоженіе общины и распространеніе на нихъ общихъ для всѣхъ гражданскихъ законовъ.

Сторонники общины приводили противъ этихъ обвиненій слѣдующія возраженія:

1) Пустыри и неиспользованная земля не являются непремѣннымъ слѣдствіемъ

общиннаго землепользованія, такъ какъ если они и существуютъ въ нѣкоторыхъ общинахъ, то въ цѣлой массѣ другихъ на каждый, почему-либо освобождающійся клочекъ общинной земли является нѣсколько лицъ, готовыхъ взять ее въ свое пользованіе съ съ доплатой за нее обществу извѣстной суммы, въ добавокъ къ пополненію всѣхъ, лежащихъ на этой землѣ повинностей. Часто же земля остается пустыремъ потому, что она совершенно неудобна для обработки. 2) Для возможнаго устраненія вреда отъ очень мелкаго дробленія земли и чрезполосности нѣкоторыя общины, при разверстаніи земли между общинниками, пользуются способомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «складуха» и состоящимъ въ томъ, что каждому общиннику отводятся двѣ полосы, находящіяся между собою по качеству и другимъ условіямъ въ обратной пропорціи. Напримѣръ, при одинаковомъ качествѣ земли, получающему ближайшую полосу отводится и самая дальняя, слѣдующему общиннику даются двѣ вторыя по близости и отдаленности полосы и т. д. Затрудненія же, встрѣчаемыя при примѣненіи меньшинствомъ или единичными хозяевами новыхъ пріемовъ для улучшенія хозяйства, исчезнутъ съ подъемомъ образованія крестьянъ. Впрочемъ, сторонники общины не отрицаютъ, что къ полевой землѣ полезно было бы примѣнить участковое владѣніе, оставивъ въ общинномъ выгонъ, лѣса и луга, съ обязательнымъ введеніемъ хотя бы четырехпольнаго хозяйства. Это дало бы возможность желающимъ вводить у себя травосѣяніе и всякія улучшенія, безъ опасенія частыхъ передѣловъ. 3) Предоставленіе каждому крестьянину права продавать свой надѣлъ обезземелитъ массу крестьянъ. Что же касается стѣсненій при выдачѣ паспортовъ, то, дѣйствительно, нельзя признать нормальнымъ явленіемъ требованіе обществомъ за паспортъ денегъ на угощеніе водкой, требованіе же отъ уходящаго на заработки общинника передачи кому-нибудь изъ общинниковъ находящейся въ его пользованіи земли и уплаты числящейся на немъ недоимки необходимо для обезпеченія исправности общины въ уплатѣ всѣхъ слѣдующихъ съ нея сборовъ и въ выполненіи всѣхъ общественныхъ ея обязанностей, какъ то: общественное призрѣніе, плата за лѣченіе общинниковъ въ больницахъ и т. п. 4) Слѣдствіемъ обезземеленія массы крестьянъ, при уничтоженіи общиннаго землевладѣнія, будетъ еще большее пониженіе заработной платы.

Въ итогѣ выходитъ, что надо не уничтожать крестьянскую общину, а предоставить ей больше самостоятельности, облегчивъ въ тоже время народу возможность получать солидное общее и сельско-хозяйственное образованіе.

«Но что составляетъ самое больное мѣсто современныхъ условій крестьянской жизни,—сказалъ въ концѣ засѣданія членъ коммиссіи, мѣстный земскій гласный, крестьянинъ Ив. Ег. Евстратовъ,—это—тѣлесное наказаніе. Самое ужасное то, что позоръ наказанія падаетъ на всю семью наказаннаго. Дѣвицѣ, дочери наказаннаго, нельзя глазъ показать на улицѣ изъ-за укоровъ и насмѣшекъ надъ нею, ни въ чемъ неповинною и только имѣвшею несчастіе быть дочерью высѣченнаго отца. А каково присутствовать при совершеніи этой ужасной операціи»!

(Спб. Вѣд. 1902).

Письмо изъ Коврова.

«Въ засѣданіи ковровскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ ряду другихъ членовъ комитета, высказался по стоящимъ на очереди вопросамъ и крестьянинъ с. Кляземскаго Городка Ф. И. Носковъ. По его убѣжденію, въ основу мѣропріятій къ поднятію сельскаго хозяйства должны быть поставлены не мѣры къ поднятію умственнаго и культурнаго развитія крестьянъ, а «реформы крестьянскаго положенія». Надо просить правительство, чтобы оно сдѣлало нѣкоторыя измѣненія въ положеніи крестьянъ, а если ихъ сдѣлано не будетъ, то никакія школы и библіотеки, никакія другія мѣры не будутъ въ силахъ поднять сельское крестьянское хозяйство: оно пало за послѣднія 10 лѣтъ вдвое и падетъ еще вдвое. Онъ видитъ причину упадка сельскаго хозяйства въ томъ «давительномъ» положеніи, въ которомъ находится, по его мнѣнію, крестьянство. «Кого порятъ

розгой?—говорилъ онъ,—крестьянина. Кого сажаютъ подъ арестъ?—крестьянина. Мѣщанинъ, купецъ, дворянинъ—всѣ имѣютъ свои права, только не имѣетъ ихъ крестьянинъ. Я, вотъ,—крестьянинъ: меня пригласили на засѣданіе, и я говорю; а если комунибудь мои слова не понравятся—завтра же меня посадятъ подъ арестъ, и некому мнѣ жаловаться. Если вникнуть въ крестьянское положеніе, посмотрѣть на житье крестьянина особенно въ зимнее время: черная изба, холодъ, голодъ—то это такое горе, котораго нельзя словами описать. Крестьянское положеніе поставлено у насъ самымъ низшимъ. Поэтому богатый уходитъ изъ крестьянства, остаются только бѣдные». Неустранимымъ результатомъ этого является паденіе сельскаго хозяйства. Необходимо поднять крестьянское положеніе, «сдѣлать его высшимъ», тогда только и поднимется крестьянское хозяйство. Приводимъ еще выписку изъ докладной записки, представленной тѣмъ же крестьяниномъ Ф. И. Носковымъ.

«Въ продолженіе послѣднихъ 11-ти лѣтъ,—пишетъ онъ,—крестьянское населеніе несравненно обѣднѣло, стало бѣдныхъ много больше; по такой бѣдности земля обрабатывается сама по себѣ хуже прежняго, такъ какъ скота осталось много меньше, удабривать землю нечѣмъ,—поэтому другіе промыслы оказались безъ земледѣлія безсильны, самое главное у крестьянъ есть земледѣліе.

«Благосостояніе крестьянъ безъ земледѣлія другими промыслами поднять трудно. Могу сказать утвердительно, вообще крестьяне за послѣднія 10 лѣтъ окончательно обѣднѣли; эта бѣдность на нашихъ глазахъ доказывается слѣдующими фактами: если село или деревня до послѣднихъ 10 лѣтъ, т. е. до 1890 и 1891 годовъ имѣла 50 лошадей, 100 коровъ и 150 овецъ, а по прошествіи этихъ послѣднихъ 10 лѣтъ въ настоящее время имѣетъ не болѣе 25 лошадей, 60 коровъ и 80 овецъ, и то съ трудомъ, это можно встрѣтить повсюду въ разныхъ уѣздахъ.

«Есть громадная перемѣна—бѣдность, которая послѣдовала отъ стѣсненія, о чемъ мною будетъ подробно сказано ниже.

«Бѣдности и упадку благосостоянія земледѣльца за послѣднія 10 лѣтъ или 12 лѣтъ есть главная причина: стѣсненіе и неравенство крестьянина съ другимъ гражданиномъ. Уничтожить бѣдность и поднять ихъ благосостояніе и земледѣліе—нужно просить и ходатайствовать передъ правительствомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ дать свободу и равенство управленія крестьянину съ другими сословіями, т. е. купцомъ, мѣщаниномъ и проч. и освободить ихъ отъ нерѣшенныхъ судомъ арестовъ и проч.

«Поставить земледѣліе и самого земледѣльца на планѣ виднаго мѣста и представить ему право пользованія привиллегіями за выдающіяся услуги ихъ дѣлу по земледѣлію.

«Если только правительство найдетъ со своей стороны это возможнымъ—устроить бытъ крестьянскаго населенія наравнѣ съ другими сословіями,—тогда черезъ 5 или 6 лѣтъ у крестьянъ явятся: умъ, способность, деньги, скотъ, машины и земледѣльческія орудія; однимъ словомъ, все, что нужно для земледѣлія, расчистки земли и проч. Могутъ основаться сельскіе и волостные банки, товарищества, компаніи и проч.

«Въ то время состоятельный крестьянинъ не будетъ стремиться отъѣздомъ на чужую сторону по паспорту или переходомъ въ другое сословіе, а будетъ дорожить родиной. А если не будетъ благоугодно правительству уравнять крестьянина съ другими сословіями и оставить крестьянское населеніе въ текущемъ настоящемъ положеніи его правленія, тогда не могутъ никакія другія условія и старанія правительства уничтожить бѣдность и поднять благосостояніе крестьянина и его земледѣліе, потому что крестьянинъ при настоящихъ обстоятельствахъ его положенія не старается разводиться земледѣліемъ, скотоводствомъ и проч., а стремится выѣхать по паспорту на чужую сторону или же перечислиться совсѣмъ въ другое сословіе, чтобы этимъ избавиться отъ нерѣшенныхъ судомъ непріятностей.

«И всѣ нижеслѣдующіе вопросы касаются уничтоженія бѣдности и поднятія благосостоянія крестьянина и его земледѣлія, и выраженные въ нихъ предметы эти, какъ не будутъ сдѣланы, ни одинъ изъ нихъ не можетъ стѣснить къ упадку крестьянина, а равно же не могутъ и поднять его благосостояніе, о чемъ мною сказано подробно выше».

(Спб. Вѣд.).

Этнографическая замѣтка.

Во многихъ селахъ и деревняхъ Шуйскаго уѣзда исполняются при свадебныхъ обрядахъ слѣдующіе довольно странные въ настоящее время обычаи. По пріѣздѣ молодыхъ изъ церкви послѣ бракосочетанія въ домъ жениха, священнику, послѣ совершенія молитвы, подаютъ головной уборъ невѣсты для окропленія его святой водою. Уборъ этотъ состоитъ изъ платка или кичьки, смотря потому, въ какомъ мѣстѣ что носятъ молодыя женщины. Окропленный святой водою уборъ молодая должна непремѣнно надѣть на другой день брака, как первый женскій, и уже не дѣвичій нарядъ, для чего онъ, какъ новина, и окропляется св. водою.

Послѣ бракосочетанія начиная съ третьяго дня, теща, т. е. мать молодой, посылаетъ каждое утро или относитъ сама въ домъ зятя завтракъ, который состоитъ первоначально изъ гречневыхъ блиновъ, а далѣе изъ пирожковъ (переженцовъ), оладей и т. п.

Кормежъ завтракомъ продолжается у зажиточныхъ и богатыхъ крестьянъ со дня брака цѣлый годъ, а у бѣдныхъ половину года или нѣсколько мѣсяцевъ, смотря потому какъ позволятъ обстоятельства и средства. Въ день брачной годовщины теща приходитъ съ завтракомъ сама и благодаритъ зятя за «неоставленіе» своей дочери. Обычай этотъ соблюдается только тогда, когда брачная чета проживала прежде въ одномъ селеніи; если же берутъ невѣсту изъ другой деревни, то за ея отдаленностью такого обычая не исполняютъ.

Петръ Гундобинъ.

Г. Шуя.
Февраля 1862 г.

ЖИВАЯ СТАРИНА

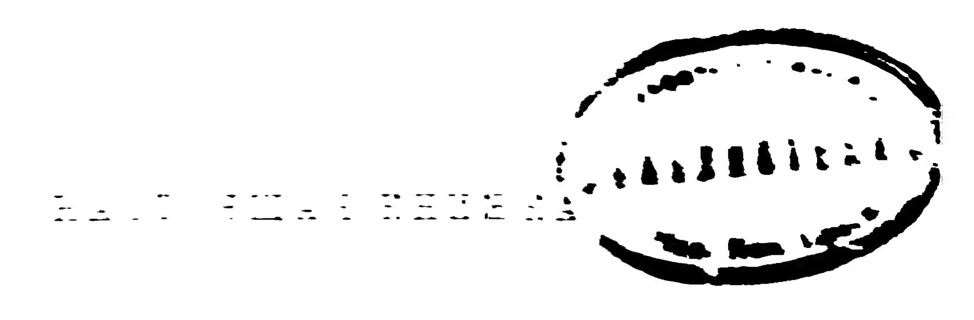
періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества, подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанскаго, будетъ выходить въ 1903 г., по примѣру прежнихъ 12 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ,—обыкновенно 3 и 4 выпуски въ одной книжкѣ (отъ 17 до 20 листовъ).

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за-границею—**6** р. Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40** к. съ экземпляра.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины» съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р., въ Имперіи за **3**$^1/_2$ р. и за границу **4** р., за 1898 по 1901 включительно—по **4** р., **4**$^1/_2$ р. и по **5** р.

Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ можно получить въ Обществѣ за 5 к.

—— ——

„Живой Старины"

посвящается

ИСТОРИКУ РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ

ПЫПИНУ.

(1853—1903)